

Эрик Фрэнк Рассел

Безумный мир

Эрик Фрэнк Рассел Безумный мир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123876

Содержание

1	4
2	22
3	45
4	71
5	92
6	117
7	134
8	155
9	180
10	206
11	225
12	248
13	273
14	303
15	324
16	349
17	371

Безумный мир

1

О начале 2032 года возвестил взрыв семнадцатого космического корабля «Земля – Марс». Взрыв был самый что ни на есть заурядный, и тем не менее это событие вызвало некоторый переполох. Для сенсации имелись две причины. Во-первых, ничего более выдающегося на первые полосы газет в тот момент не нашлось. Во-вторых, в ракете находился человек. Предыдущие шестнадцать неудач уже научили публику не удивляться таким случаям. Обыватель воспринимал каждое известие о катастрофе марсианской ракеты точно так же, как довольно частые, несмотря на официальные заверения, сообщения о падении самолетов. Из шестнадцати провалов восемь пришлось на долю американцев, пять – русских, по одному – англичан, французов и канадцев; всеми кораблями управляли автоматы. Долларов сгорело в избытке, но человеческих жертв до сих пор не было.

Общественное мнение, реагируя на повторяющуюся перед каждым запуском шумиху, перебирало возможные причины постоянных неудач. И нашло две: либо инженеры не столь непогрешимы, как считается, либо имел место искусный саботаж со стороны некоей международной диверсионной организации, поставившей перед собой задачу не допу-

стить ракеты на Марс. Официальная пропаганда усиленно пережевывала вторую версию, причем не столько потому, что власти придерживались ее сами, сколько для того, чтобы отвлечь внимание от первого, гораздо более опасного для них предположения. И те, кто попался на эту удочку, упорно искали возможных диверсантов.

Поскольку на этот раз обратились в пыль триста миллионов рублей и вместе с ними русский космонавт Микитенко, диверсия не могла быть делом рук самой России. Следовало найти какую-то другую причину, и налогоплательщик, на собственной шкуре испытавший достижения науки, опять обратился к первой версии. Нужно добавить, что подобным умонастроениям немало способствовала болтовня леваков и безответственных теоретиков об уничтожении капиталистами излишков продукции. Это напугало людей. Обычно безропотный Джон Доу представил, как его кровные деньги горят в огне, и завопил во весь голос.

Такой была ситуация, когда Джон Дж. Армстронг читал в «Геральд» статью профессора Мэндла. Согласно его теории. Марс окружала смертоносная электромагнитная оболочка, радиус которой менялся со временем и составлял примерно от десяти до двенадцати тысяч миль. Гипотеза, однако, основывалась на довольно скудной информации.

Армстронг был плотным, широкоплечим мужчиной в твидовом костюме и ботинках на толстой подошве. Мышление его отличалось осмотрительностью и взвешенно-

стью. В жизненных состязаниях он чаще всего приходил к финишу в числе первых, и делал это с такой же обманчивой неторопливостью, как железнодорожный локомотив, хотя и менее шумно.

Спинка кресла прогнулась до предела под его весом в две сотни фунтов. Он взгляделся в мерцающий экран телевизора. На экране проецировалась та самая страница из «Геральд», которая заварила в его голове кашу из всевозможных теорий.

Наконец он набрал номер Мэндла. На экране появилось лицо профессора, молодое, смуглое, в обрамлении курчавых волос.

– Не думаю, что вы меня знаете. Меня зовут Джон Дж. Армстронг, – сообщил он Мэндлу. – Я имею отношение к ракете номер восемнадцать, которая строится сейчас в Нью-Мехико. Закончат ли ее вообще – вопрос сложный, пресса завывает на эту тему, как стая волков, а если эстафету подхватит Конгресс, нам, скорее всего, придется бросить эту затею и заняться чем-то другим.

– Да, я в курсе. – Лицо Мэндла выразило сочувствие.

– Я прочел вашу статью в сегодняшней «Геральд», – продолжал Армстронг. – Если ваша теория не высосана из пальца, корабль можно смело сдавать в утиль. Поэтому я хотел бы задать вам пару вопросов. Первый: известными вам способы, посредством которых можно измерить параметры этого слоя, не губя корабль? И второй – как вы считаете, можно ли вообще преодолеть это препятствие? – Он помолчал

и добавил: – Или Марс останется для нас недоступным на веки вечные?

– Теперь слушайте, – ответил Мэндл. – Информация, переданная искусственными спутниками, однозначно доказывает, что вокруг Земли существует ионизированный слой. Вокруг Марса может существовать похожий слой, но обязательно идентичный земному. О его природе можно лишь догадываться. Из семнадцати кораблей одиннадцать взорвались на расстоянии десяти – двенадцати тысяч миль от планеты, то есть преодолев девяносто пять процентов пути. Как вы сами понимаете, для простого совпадения это слишком. Мы имеем дело с некоей закономерностью...

– Хм! – пробурчал Армстронг. – Остальные шесть так далеко не проникали, а два вообще взорвались на старте...

– Следует учитывать человеческий фактор, дефекты в конструкции, низкую квалификацию, ошибки в расчетах и прочее, и прочее. Все ракеты были без экипажей, ведь мы все еще продвигаемся к цели на ощупь, методом проб и ошибок. Я считаю, что даже при объединенных усилиях всей планеты первые корабли были обречены на гибель, причем задолго до того, как они достигли окрестностей Марса.

Армстронг поскреб подбородок волосатой рукой.

– Что ж, может, и так. Но они легко преодолели слои Эплтона и Хевисайда, спокойно перенесли скачок температуры и интенсивности космических лучей, так почему они должны взрываться в этом марсианском слое, даже если он и су-

ществует?

– Потому что он другой. – В голосе Мэндла появились нетерпеливые нотки. – Может быть, он провоцирует спонтанный распад топлива или корпуса корабля. Но это не очень корректное допущение. Скорее можно предположить, что он вызывает столь интенсивный перегрев, что корабль вспыхивает, как врезавшийся в атмосферу метеор. И если причина тому – какое-то неведомое поле вокруг планеты, то выхода я пока не вижу. Но если дело всего лишь в трении, тогда барьер можно преодолеть, просто снизив скорость.

– Этот восемнадцатый корабль задуман как пилотируемый, – мрачно заметил Армстронг. – Камикадзе по имени Джордж Куин намерен обосноваться в его носовой части. Нам не хотелось бы, чтобы он поджарился. Что же делать? Мэндл колебался, о чем-то размышляя. – Единственное, что можно сделать... – медленно произнес он, – нужен автоматический зонд, который пойдет впереди. Если оба корабля снабдить датчиками, которые... – Не мигая, его темные глаза твердо смотрели на Армстронга, а затем лицо медленно сползло с экрана.

Глядя на опустевший экран, Армстронг ждал, когда собеседник появится снова. Пауза затягивалась. В конце концов, нахмурившись, он нажал кнопку срочного вызова. На экране возникла девушка-диспетчер.

– Я разговаривал с профессором Мэндлом, Вестчестер 1042, – пожаловался Армстронг. – Что случилось?

Девушка исчезла и через минуту появилась с сообщением:

– Извините, сэр, абонент не отвечает.

– Какой у него адрес?

Ее улыбка была любезной.

– К сожалению, сэр, нам разрешено сообщать адреса абонентов только полиции.

– Тогда соедините меня с Вестчестерским полицейским участком, – отрезал он.

С дежурным офицером Армстронг церемониться не стал.

– Говорит Джон Дж. Армстронг, Гринвич 5717. В доме профессора Мэндла, Вестчестер 1042, что-то случилось. Прошу вас отправиться туда как можно скорее!

Он отключился, затем набрал номер «Геральд», запросил добавочный «двенадцать» и сказал:

– Привет, Билл! На пустяки времени нет. Мне срочно нужен адрес профессора Мэндла, чью статейку ты засунул в последний выпуск. Можешь устроить? – Он немного подождал и, получив адрес, громыхнул в трубку: – Спасибо! Перезвоню позже.

Схватив шляпу, Армстронг выскочил на улицу, втиснул могучее тело в автомобиль и завел двигатель. Почему-то он был уверен, что профессор Мэндл никому и ничего уже не скажет.

Предчувствие его не обмануло. Скрюченный, уже начавший коченеть труп лежал на ковре под телефоном. Лицо

Мэндла было спокойно.

По комнате расхаживал властного вида седоусый мужчина.

– Вы тот самый Армстронг, который нам позвонил? Быстро соображаете. Мы выехали сразу и все равно опоздали...

– В чем причина? – осведомился Армстронг.

– Пока не могу сказать. На первый взгляд он протянул ноги без чьей-либо помощи. Вскрытие покажет. – Он оценивающе взглянул на Армстронга. – Когда покойный разговаривал с вами, он был чем-нибудь взволнован, испуган, казался ли он вам обеспокоенным?

– Нет. Ничего подобного, насколько можно судить по экрану. – Армстронг недоверчиво посмотрел на труп. – Совсем еще молодой парень. Наверное, меньше тридцати. Странно, не правда ли, когда такие молодые люди вдруг умирают?

– Вовсе нет, – усмехнулся полицейский. – У нас такое случается каждый день. – Он перевел взгляд на вошедшего в комнату товарища.

– В мясной фургон, кэп? – гаркнул тот с порога.

– Да. Тащите его отсюда. Ничего интересного тут больше нет. – Он снова повернулся к Армстронгу: – Если вас интересуют результаты вскрытия, могу позвонить. Вы говорили, Гринвич 5717?

– Верно.

Полицейский капитан проявил легкое любопытство:

– Вы родственник?

– Нет. Я консультировался с ним по одному техническому вопросу. Меня аж передернуло, когда он вот так, прямо на полуслове...

– Пожалуй, кого угодно передернуло бы. – Капитан помахал шляпой, мрачно обвел глазами комнату и небрежно натянул ее на голову. – Хотя нам не привыкать, – добавил он и вышел.

Армстронг направился в «Геральд» и, вызвав Билла Нортона, предложил позавтракать в небольшом уютном кафе, славившемся необыкновенными бифштексами.

Первое слово он произнес только после того, как проглотил все, что заказал.

– Мэндл мертв. Сыграл в ящик, когда говорил со мной. Паршивый трюк – так надуть, когда разговор еще не окончен.

– Бывают трюки еще паршивее, – сообщил Нортон. – Однажды один парень вдруг взял и спятил в тот самый миг...

– Давай без репортерских воспоминаний, – перебил Армстронг. – Просто я теперь в каком-то дурацком, подвешенном состоянии. Я подозреваю, что Мэндл действительно что-то добыл, и хочу знать что.

– Увы, слишком поздно. – Нортон мрачно и равнодушно кивнул. – Время течет, вспять не повернет. – Он перевел взгляд на свою тарелку: – Спасибо за бифштекс, дружище.

– К черту бифштекс! – Стол заскрипел, когда Арм-

стронг ухватился сильными руками за его края. – Чего стоил Мэндл? Кем он был в своей науке – настоящим ученым или выскочкой?

– Можно спросить у Фергюсона. Он редактор по науке, и он взял ту статью. И раз он ее взял, значит, Мэндл был серьезной фигурой. Может быть, его слова когда-нибудь даже высекут на камне. Ферги специализируется на последних новинках в науке и сам так учен, что покупает этот ликер не квартами, а литрами.

– Кажется, ты говорил, что он не пьет?

– Ну, ты же понимаешь, о чем я говорю. – Зевая, Нортон вежливо прикрыл рот ладонью. – Он малость не от мира сего.

– Слушай, Билл, сделай доброе дело, а? У меня нет контактов со всеми этими изобретателями слоев, и я начинаю об этом жалеть. Расспроси Фергюсона о Мэндле. Мне это нужно. Это плюс имя и адрес любого другого здешнего парня, которого он считает достаточно толковым, чтобы подобрать то, что уронил Мэндл.

– Ты так говоришь, будто тебе грозит потеря денег.

– Мне грозит потеря семи новых и чертовски дорогих игрушек. В том числе уникальной камеры. Помимо прочих хитрых штучек в корабле Куин захватит с собой пятидесятифунтовую камеру, которая отснимет многометражный цветной фильм. Это обошлось мне в двести тысяч баксов, но зато я приобретаю права на прокат фильма о путешествии на Марс. Это просто одна сплошная головная боль, но если я не

получу фильм, половина моего состояния вылетит в трубу. – Он на миг задумался. – Я многое ставлю на кон, хотя шансы не равны, и я не хочу заведомого проигрыша.

Нортон ухмыльнулся и сказал:

– Поэтому ты хочешь быть уверенным, что Куин вернется национальным героем?

– Именно! Не говоря уже о том, что я не хочу, чтобы Куин поджарился. – Армстронг посерьезнел. – Он сумасброд – как любой из тех, кто считает, что к Марсу можно промчаться пулей, в то время как дорогу еще надо расчищать. Но мне он нравится. Даже если он потеряет камеру и все остальное, я хочу, чтобы он вернулся обратно, не подпалив штанов.

– Очень мило с твоей стороны! – Нортон встал, похлопал себя по животу, отдуваясь. – Прямо беда с этими космическими катастрофами. Слишком далеко от нас. А что далеко – то неинтересно. Не мог бы ты уговорить Куина хлопнуться где-нибудь поближе? И заодно, скажем, снести Эмпайр Стейт Билдинг?

– Если ему суждено навернуться, надеюсь, он сделает это прямо на притон дядюшки Джо, где днюет и ночует вся твоя кровожадная репортерская братия.

Нортон рассмеялся:

– Ладно! Налущу на тебя Ферги. Тогда и позвоню.

– Хорошо бы тебе поторопиться. Заказав вторую чашку кофе, Армстронг задумчиво отхлебывал из нее маленькими глотками, глядя в спину удаляющегося Нортон.

– Событие, повторившееся столько раз, не может быть случайным, – заявил Мэндл. – Это – явление, которое говорит о существовании какого-то закона. Логично, ничего не скажешь. Одна и та же комбинация иногда выпадает раз за разом, об этом знает любой игрок в кости, но вряд ли она выпадет семнадцать раз подряд. Мэндл что-то разнюхал... но что? Закон? Какой закон? Чей закон?

Армстронг устало прикрыл глаза. «Чей закон?» – как глупо! Все равно что «Кто виноват?». Типично русский вопрос. Физические законы – не плод человеческого ума, они такие, какие есть, и альтернатив нет. Так называемые социальные законы – всего-навсего этические соглашения, которые за просто изменяются в зависимости от места и времени действия. Никакие человеческие указы и постановления не могли взорвать одиннадцать кораблей на расстоянии больше сорока миллионов миль. Нет, конечно, нет. Ответственность за случившееся несет нечто, находящееся далеко за пределами этого мира.

За пределами этого мира? А что за его пределами? Именно это и пытались обнаружить те корабли. Именно это должна заснять его суперкамера. Как бы то ни было, в одном можно быть уверенным твердо: в новых мирах таятся новые законы.

Или новые люди пользуются новыми законами...

Или старые люди пользуются старыми законами...

Хмурясь от того, куда завели его мысли, Армстронг до-

пил кофе и направился к выходу. В дверях, уловив в зеркале свое отражение, он остановился и некоторое время изучал собственные черты. На широком смуглом подвижном лице ясно выделялись серые глаза, и это создавало впечатление твердости, надежности и... обыденности.

– У какие у тебя большие зубы, бабушка, – произнес Армстронг. Отражение оскалилось и ответило: – Это чтобы легче съест тебя, моя дорогая! – Слишком я расфантазировался, – пробормотал он сокрушенно. Хотя именно благодаря фантазии появились суперкамера, солнечный компас и другие идеи, в тот момент он был чересчур зол на себя, чтобы отдать ей должное. – Пора образумиться!

Последнее мрачное замечание стало пророческим, хотя Армстронг об этом не подозревал. Первым раздался звонок от Нортонa.

– Ферги говорит, что Боб Мэндл в последнее время считался одним из самых многообещающих астрофизиков. К его теориям присосалась толпа народу. Я видел у Ферги последнюю статью Мэндла. Там целая прорва безумных рисунков и формул, а речь идет о каких-то кривых Мэндла, которые хитрым способом взаимодействуют с другими каракулями – фигурами Лиссажу. И это взаимодействие якобы доказывает, что фотоны имеют массу покоя. Лично мне абсолютно наплевать; есть у фотона масса покоя или нет. Но Ферги считает, что эта статья – серьезная заявка на открытие чего-то там такого-эдакого.

– А как насчет остальной информации? – напомнил Армстронг.

– Ах да! Ближайший аналог Мэндла – профессор Мэндл. Армстронг продолжал терпеливо смотреть на экран и, встретив наконец взгляд Нортона, коротко рывкнул:

– Повтори!

– Единственная здешняя светлая голова уровня Мэндла – профессор Мэндл. С моим телефоном все в порядке. Что-то не так с твоим?

– Я слышал тебя и в первый раз. Просто мне сейчас не до смеха. С чего ты взял, что я валяю дурака? У меня пока еще хватает ума не конкурировать с тобой! Нортон ухмыльнулся в экран. – Ферги сказал, что это должен знать любой, у кого мозги в черепе не болтаются, как грецкий орех. – Он снова ухмыльнулся. – Клэр Мэндл.

– Девушка?!

– Его сестра. Педантична, как квадратный корень. Если она снисходит до того, чтобы послушать волчий вой, то исключительно для изучения эффекта Допплера.

– Хм! – только и мог сказать пораженный Армстронг. Нортон снова стал серьезным.

– Но Ферги утверждает, что она такой же классный специалист, каким был ее брат. Конечно, есть ученые и покруче Клэр Мэндл – например, ветхий старикашка по фамилии Горовиц, но у него есть существенный недостаток – он живет в Вене. Этот Горовиц – Фергюсон его просто боготворит

– взвесил фотон с точностью до ста с лишним знаков после запятой при помощи математических фокусов вокруг реакции на хлорофилл. Кстати, ты не знаешь, что это такое?

– Поскольку в одной из моих игрушек используется фотосинтез, минимальное представление я должен иметь, – криво улыбнувшись, ответил Армстронг.

– Ты просто гениален! Для меня что колонизация, что личная гигиена – все едино. Такое уж я дремучее существо. Что-нибудь еще хочешь узнать?

– Больше, кажется, ничего. Спасибо, Билл.

– Не за что. Я расплатился за бифштекс. Когда ты созреешь накормить меня следующим?

– Когда телепатически узнаю, что ты проголодался. – Армстронг выключил аппарат и погрузился в размышления, но телефон внезапно зазвонил вновь.

На сей раз это оказался капитал полиции.

– Вскрытие показало, что причина смерти – тромбоз сосудов сердца, – сообщил он. – На обычном языке это означает, что там кровь свернулась.

– Причина естественная?

– Разумеется! – Полицейский капитан начал раздражаться. – Почему бы и нет?

– Я только хотел узнать, и все, – успокоил его Армстронг. – Мало знать – хуже, чем не знать ничего. Разумеется, это простое совпадение, но мне известно, что кровь может свертываться при отравлении ядом гадюки Рассела. Хо-

тя, конечно, отсюда ничего не следует...

Раздражение капитана усилилось, он стал более настойчивым.

– Если вы что-то подозреваете, ваш долг – сообщить об этом нам!

– Видите ли, я знаю одно – запуски ракет словно заколдованы. Поэтому, когда первый человек, который мог дать нам хоть какие-то зацепки, вдруг отправляется на тот свет, я начинаю задумываться – а нет ли тут чего-то большего, чем простое невезение?

– Чего, например?

– Вы меня подловили! – признался Армстронг. – Я играю вслепую.

– Смотрите, не сверните себе шею, – предостерег капитан.

– Постараюсь.

После того как капитан отключился, Армстронг обдумал предстоящий разговор с Клэр Мэндл. Ясно, что неудобно докучать ей сейчас, когда на нее свалилась внезапная смерть брата. Лучше немного выждать. По крайней мере, неделю. Но неделя – это куча времени, и, значит, можно съездить в Нью-Мехико, проверить, как там идут дела. Кроме того, путешествие поможет ему избавиться от навязчивой идеи, какого-то непонятного, дурацкого предощущения, что и восемнадцатый по счету корабль не достигнет цели, если он, Армстронг, не сделает то, что сделать должен... Но здесь-то и крылся подвох – о том, что нужно делать, Армстронг и

понятия не имел.

Снова засев за телефон, он позвонил в аэропорт и заказал билет на утренний рейс до Санта-Фе. Собираясь поужинать, он решил пройтись до ресторана пешком: иногда это полезно – больше увидишь и обдумаешь.

Ресторан он выбрал неудачно. Еда была приличная, но подавали ее при помощи роликовой обслуживающей системы – так на фермах распределяют корм скотине. В зале оказался небольшой пяточок для танцев, на котором, в самый разгар его трапезы, с десятков пар затеяли наимоднейшую «трясучку» под равномерное, бьющее по нервам брэнчание шести контрабасов и электрической арфы. Оркестр бухал, как мексиканский метроном. Выпучив глаза и раскрыв рты, слипшиеся в экстазе парочки дрожали с головы до пят. Арфа и контрабасы довели их почти до истерики. Армстронг вышел, не закончив ужина.

Он подошел к витрине небольшого магазинчика. Его внимание привлек один экспонат – причудливо изогнутый обрубок дерева, чем-то напоминающий омара, из которого выступали два тонких родиевых стержня: один торчал прямо, другой целился в сторону. Табличка внизу гласила: «Автор – Тамари. Возвышение Психеи. Цена 75 долларов».

Армстронг почувствовал, как сжались челюсти, когда он поймал взглядом собственное отражение в стекле витрины. Какое-то время он смотрел на самого себя так, словно это был совершенно чужой человек.

«Кто хлебал из моей чашки? – запричитал крошечный медвежонок».

Он топнул ногой, словно стряхивая что-то, и направился к ближайшей телекабине. Незанятой оказалась только кабина с «Дейли»; он вошел в нее, откинулся на сиденье, бросил монетку и стал просматривать появившийся на экране вечерний выпуск.

О космических кораблях никак не упоминалось, за исключением заметки о том, что правительство России с признательностью оценило многочисленные выражения сочувствия, поступившие практически от всех государств. Ни словечка о демонстрациях и протестах против продолжения запусков. Наверное, газеты, пока могли, воздерживались от подобных публикаций. Престиж нации требовал, чтобы старты ракет продолжались.

Весь выпуск оказался на редкость «беззубый»; главный акцент делался на разлив Миссисипи и дело Вентворса об убийстве. Юного Вентворса признали невменяемым, и «Дейли» намекала, что если бы он не был Вентворсом, то погорел бы непременно. Но парень был Вентворсом, и три психиатра, с ученым видом поразглагольствовав об агрессивных неврозах, в итоге его спасли. Оправдали гонорар. А в какой-нибудь Бирме или Сомали людей вешают как раз за то, что они в самом деле спятили. Неважно, что ты сделал, важно – что ты думал, когда это делал.

– Чертовщина какая-то! – громко произнес Армстронг. –

Что это сегодня со мной?

Выйдя из кабины, он поставил себе диагноз: барахлит печень, надо принять слабительное. Если бы он определил у себя сифилис, эдипов комплекс или сверхчувственное восприятие, то и тогда он не был бы дальше от истины.

«Истина – это драгоценный камень с множеством граней», – определил принц Гаутама. Но Будда забыл добавить, что чем дальше уходишь от одной грани, тем ближе подходишь к другой. Впрочем, Армстронг также не думал об этом. Ни теперь, ни потом!

2

Строительный комплекс и стартовая площадка Нью-Мехико находились милях в пятидесяти севернее Галлупа. С точки зрения тех кто там работал, единственным достоинством этого места была его дешевизна. Двадцать лет назад отсюда стартовала ракета номер два, и когда она взорвалась в космосе, словно чудовищная петарда, опечаленные создатели покинули несчастливое место. Конструкторы девятой ракеты, лучше финансируемые – отчасти даже правительством, – снова использовали здешний комплекс, модернизировали его, но затем тоже бросили. И вот сейчас создатели номера восемнадцатого надеялись на лучшую участь.

Армстронг нашел космодром до странности безлюдным и тихим. Немногословные охранники впустили его через стальные ворота с тройными запорами, и, пройдя полпути до административного корпуса, он повстречался с Куином.

– Хэлло, малыш! – проговорил достававший Армстронгу до плеча Куин. – Что тебя вдруг сюда занесло?

– Ты ни строчки не пишешь своему благодетелю, – в тон ему ответил Армстронг.

Куин ухмыльнулся:

– Тоже мне благодетель! Лоусон со своей математикой уже от меня бегают. Сейчас ты его нигде не найдешь. Я его прямо замучил, заставляя подсчитывать твою долю. Он говорит,

что если фильм займет десять минут, ты получишь десять миллионов зелененьких.

– Из которых семьдесят процентов заберет правительство, а пятнадцать – ты. – Согнав с лица улыбку, Армстронг спросил: – Погоди-ка, ты хочешь сказать, что Лоусон не работает? Что тут вообще происходит – местный день независимости?

– Работа встала вчера. Вашингтон прекратил финансирование из-за какого-то вопроса из сферы высокой политики. Наши спонсоры перепугались и пошли в ту же масть. Осталась тонюсенькая струйка, которой хватает на недельные выплаты, но и только. Вдобавок компания «Рибера Стил» задержала поставки из-за нехватки бериллия для обшивки. – Он снова ухмыльнулся. – Потому и суета.

– Это преступление!

– Отнюдь. Чем дольше это продолжается, тем больше срок моей жизни.

Армстронг внимательно посмотрел на него:

– Ты можешь не лететь, Джордж. Ты можешь выйти из игры в любой момент.

– Я знаю. – Задиристый взгляд Куина устремился в небо. – Я всего лишь подурачился. От этого корабля, раз он отправляется в полет, меня за уши не оттащишь. Мне этим заниматься, мне – и никому другому! Не забывай.

– Когда еще все начнется...

– Когда-нибудь начнется. Работу тормозят технические неурядицы и бюрократические препоны, но в конце концов

она будет сделана. Я нутром чую.

– Какой молодец! – похвалил Армстронг. – Слава Богу, что тут есть хоть один оптимист.

– Вообще-то я никогда не был завзятым оптимистом. Но ведь ты не грустил, когда мы виделись здесь в прошлый раз. Ты сам говорил, что на номер девять ушло два года и что эта – намного лучше той. – Он с любопытством рассматривал Армстронга. – Между прочим, сам-то ты сейчас от оптимизма ох как далек. Хандришь. Нужно встряхнуться!

Джон Армстронг на минуту задумался. Мимо, насвистывая «Крошка, танцуй веселей», прошел рабочий в замасленной робе. Армстронга передернуло.

– Может, ты прав, – признал он. – Я в последнее время совсем не отдыхал. Всякий бред в голову лезет...

– Причина проста, – с уверенным видом заявил Куин. – Ты работал как вол, чтобы успеть сварганить в срок несколько безделушек для корабля. Ты подстегивал свои мозги как только мог. Сейчас работа кончена, а шарики все еще крутятся. И это тебя беспокоит. Ты просто должен переключиться на что-нибудь простенькое, полезное для здоровья и возбуждающее, например на ограбление банка...

– Спасибо за совет, доктор Куин. – Он улыбнулся. – Ну, пошли мучить нашего друга Фазергила.

Проходя мимо недостроенного корабля, они остановились и молча его осмотрели. Ракета располагалась внутри ажурной фермы – тусклый черный цилиндр в восемьдесят

футов высотой. Ферма возвышалась еще на восемьдесят футов – то есть на предполагаемую длину корабля после того, как будет прилажена головная ступень. Это означало, что корпус готов лишь наполовину, да и начинки еще маловато. Работы впереди было много.

В административном корпусе, в персональной берлоге-кабинете, они нашли темноволосого энергичного малого, явно обожавшего цветы, которые стояли даже на его рабочем столе.

– А, Джон! Привет? – Он протянул холеную руку, затем указал на кресла, аккуратно уселся в свое, поправил безупречный узел галстука и подвинул на дюйм вазу с цветами. – Ну-с? – со слащавой веселостью произнес он. – Чему мы обязаны таким удовольствием?

– Мне скучно, – сообщил Армстронг, уставясь на Фазергила твердым немигающим взглядом.

– В самом деле? – Фазергил беспомощно развел руками. – Ты выбрал очень неподходящий момент. Мы связаны по рукам и ногам перебоями со снабжением... нерешительность правительства... Прорва всяких «не»...

– Каких именно? – бесцветным голосом осведомился Армстронг.

– А?

– Ты упомянул про какие-то «не», которые связывают вас по рукам и ногам.

Фазергил глотнул, посмотрел на цветы, затем на потолок

и снова на цветы.

– Ну? – подстегнул собеседника Армстронг. Сбоку задумчивым взглядом их изучал Куин, но Армстронг не обращал на это внимания.

– Мелочи, – слабым голосом произнес Фазергил.

– Какие мелочи? Все, что способно подрезать проекту крылышки, не может считаться мелочью. Кто говорит, что это мелочи?

Весь вспыхнув, Фазергил выпрямился в кресле.

– Ты не имеешь права говорить со мной в таком тоне? Что, черт возьми, за манеры?!

– Полегче, Джон, – озабоченно предупредил Куин.

Армстронг подался вперед, его серые глаза загорелись.

– Почему мы должны сидеть и ждать пластин от «Рибера Стил», когда у «Бетльхэма» столько бериллия, что из него можно построить линкор? Фазергил дернулся в кресле.

– Откуда тебе это известно?

– "Бетльхэм" завалил рекламой своего бериллия все коммерческие издания.

– Все равно я не могу разорвать контракт, – возразил Фазергил.

– А я и не думаю, что можешь. Но ничто не мешает «Бетльхэму» поставлять бериллий от имени «Риберы». Это обычная торговая практика. Кто решил, что «Рибера» должна заполучить этот контракт в первую очередь?

– Вомерсли.

– Сенатор Вомерсли? – Кустистые брови Армстронга изогнулись дугой.

Передвинув цветочную вазу еще на дюйм, Фазергил кивнул. Выражение лица у него было таким, словно его пытали.

– Итак, что насчет этих «не»? – упорствовал Армстронг.

– Ох, ради святого Петра! – Фазергил в тщетной надежде принялся сквозь очки изучать потолок. – Разработчики вдруг сменили атомное горючее, вместо плутония взяли торий. Какие-то туманные соображения из области динамики ядерного распада... Но это не так уж важно, раз двигатели еще не закончены. Еще говорят, что кремний-бериллиевая облицовка тоже не слишком надежна. Ее нужно сделать толще или как-то усилить... Это предложение исходит от фирмы «Североамериканские трубы».

– Что еще?

– Кто-то украл рентгеновский сканер, и теперь нам нечем исследовать сварные швы. Пришлось затребовать другой сканер. Его еще нет.

– Все?

– Забастовка водителей грузовиков задержала поставки на несколько дней. С этим мы справились, пригрозив задействовать железнодорожную ветку.

– Фазергил начал обретать уверенность. Он посмотрел на Армстронга:

– Что с тобой творится? Ты ведешь себя так, словно тебя назначили официальным толкачом. Или ты приобрел на

Марсе алмазные копи?

Армстронг встал и кривовато улыбнулся.

– Что ж, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало, – произнес он загадочно. – Премного благодарен за новости, простите, что влез в ваши дела.

Фазергил поднял руку и стал поглаживать свою набриоленную голову, словно вытесняя из нее все мысли об Армстронге.

– У меня хлопот полон рот, – проговорил он, снова принимая гостеприимный вид, – но я всегда рад тебя видеть, Джон...

На улице Армстронг обратился к Куину:

– Тебе все равно сейчас делать нечего, Джордж. Как насчет того, чтобы протянуть руку помощи старому приятелю?

– Что ты задумал?

– Я хочу, чтобы ты засунул нос в чужие дела и раскопал для меня кое-какие имена. Пришли их по почте, как только раздобудешь. Мне нужно имя того парня, который спер сканер; имя того, кто порекомендовал сменить топливо; имя человека из «Североамериканских труб», который возжелал усилить обшивку. Если сумеешь выяснить, кто подзуживал водителей грузовиков, пригодится и это.

Джордж Куин недоверчиво оглядел Армстронга и сказал:

– Сдается мне, что ты спятил!

– Большинство людей на земле думает, что спятил именно ты, – парировал Армстронг. Он пожал руку Куину, заставив

того сморщиться от боли. – Мы, шизики, должны держаться друг за дружку.

– Ладно. – Куин помрачнел. – Если ты играешь в Шерлока, так и быть, я буду Ватсоном.

Армстронг хлопнул Куина по спине, выразив таким способом одобрение. Да, надо держаться друг за дружку...

Внезапно им снова овладело мрачное настроение. Казалось, будто мозг сжала гигантская четырехмерная амеба... Засунув руки поглубже в карманы, Армстронг, тяжело ступая, направился к воротам. Лучше убраться отсюда, пока изучающий взгляд Куина не превратился в неодобрительный.

Дома, в своей нью-йоркской квартире, он оценил ситуацию под другим углом зрения. У него была небольшая, но отлично оборудованная лаборатория в Коннектикуте, в которой он провел свои лучшие часы, воплощая «в металл» свои идеи. Место, куда спешить только тогда, когда тебя обуревают жажда творить... Но являться туда в поисках прибежища от мирской суеты... Нет, это совсем не радовало.

В настоящий момент Армстронгу было нечего разрабатывать. Его прибор и без того являлся основой дюжины многообещающих устройств, и для любого вольного, не работающего по найму, изобретателя это представляло большой успех. Но он не мог заставить себя загореться вдохновением, без которого всякий лабораторный труд обречен на провал. Вдохновение всегда приходило внезапно – непредвиденное,

незваное. Сейчас его не было, и именно поэтому он, Армстронг, догадался, что его, Армстронга, беда заключается в праздности ума.

Измученный безвыходностью положения, его мозг рыскал в поисках хоть какого-нибудь занятия. Он искал ту самую черную кошку, за которой мог бы гоняться в темной комнате.

Дойдя в приступе самокопания до подобного вывода, девять человек из десяти решили бы, что им следует либо посетить психиатра, либо совершить кругосветный вояж. Либо, на худой конец, вступить в гольф-клуб. Реакция Армстронга была иной и совершенно для него типичной. Его ум хочет гоняться за призраками? Пожалуйста! Но погоня должна быть безопасной и, по возможности, захватывающей. Почему бы не попытаться выследить мифического дракона? В мрачной лесной чащобе и впрямь можно повстречать нечто огнедышащее. И уж если он так решил, это означало, что дни дракона сочтены. Из акульей хватки Армстронга не так-то легко вырваться.

Приняв наконец решение, он успокоился и, приехав на машине в Нью-Джерси, позвонил в дверь Эдди Дрейка.

– Ба! – воскликнул Дрейк. – Человек-Гора пожаловал! – Он сделал приглашающий жест. – Садись вот сюда – это самое прочное кресло в доме. Ну, сколько тебе нужно взаймы?

– Раз ты так щедр, одолжу сигарету, – Армстронг прикурил, закинул ногу за ногу и вперил взгляд в свои огромные

ботинки.

– Эдди, семь лет назад ты работал с ракетой номер девять.

– Не напоминай о ней, – огорчился Дрейк.

– Это не твоя вина.

– Вообще ничья, – заметил Дрейк.

– Ты уверен?

Дрейк выронил зажигалку, поднял ее с ковра и запротестовал:

– Что-то я тебя не понимаю! Номер девять гробанулся на полдороге к Марсу. Каждый из нас сделал все от него зависящее. Очевидно, этого оказалось недостаточно. Так чья тут вина?

– Меня интересует вовсе не результат. Меня интересуют те препятствия, о которые ты спотыкался в процессе работы, их, так сказать, природа.

– Ясно. – Дрейк посмотрел на него с хитринкой во взгляде. – У тебя проблемы с номером восемнадцать, и ты ищешь зацепки?

– В некотором смысле – да.

– Не удивляюсь. Ладно, чем могу, помогу. – Дрейк задумался, вспоминая давно минувшее. – Самой большой нашей бедой была авария двигателей. На испытательных стендах они вели себя великолепно. На первых испытаниях после установки в корабль – тоже. И только при повторных испытаниях... С превеликим трудом мы их заменили, и это обошлось нам в пять месяцев сумасшедшей работы.

– Кто выполнял монтаж двигателей?

– "Саузерн Атомикс Компани".

– Кто их проектировал, знаешь?

– Не имею понятия. Может быть, сумею выяснить.

– Буду очень обязан, если сумеешь, – сказал Армстронг. –

Какие еще случались неприятности?

– Всякая ерунда, мелочи. – Пришлось изрядно повозиться со схемой управления. На испытаниях полетели два микропроцессора, заменили другими. Много было столкновений с местными чиновниками, которым не нравилась суета в их округе, и они хотели, чтобы мы убрались от них хоть в Китай. Мы не могли послать их к чертовой матери, потому что правительство упорно делало вид, что не замечает строительства корабля...

Дрейк сощурил глаза, изучающе глядя на Армстронга, и продолжил:

– Но худшее началось потом... Стартовала эта штуковина, как ты помнишь, на глазах всей планеты. И взорвалась на полпути. Скажу тебе, грохот стоял такой, что, мне кажется, я слышу его до сих пор. Всякие доблестные налогоплательщики, иностранцы, религиозные проповедники, финансисты и политические экстремисты писали ядовитые письма в газеты, в Конгресс и всем имевшим хоть какое-то отношение к кораблю. Дюжина придурков написала и мне, предлагая арестовать тех, кто взорвал ракету. Еще двое признались, что это сделали они. Десять сообщили, что то была Божья кара.

Один прислал мне по почте свою налоговую декларацию и потребовал, чтобы я ее оплатил... – Он хмыкнул. – Когда номер восемнадцать накроется, ты очень скоро узнаешь, кто виноват, – доброхоты сообщат тебе письменно.

– Как ты думаешь, кого они назовут?

– Католиков, евреев, негров, масонов, Ку-Клукс-Клан, Армию Спасения, ветеранов второй мировой войны, свидетелей Иеговы, англичан, русских, капиталистов, анархистов, банкиров, арабских нефтяных магнатов... – Он остановился и перевел дыхание. – Список можно продолжить.

– Прямо кладезь информации! – Ты увидишь, что мир битком набит мелочными ненавистниками, напыщенными пессимистами и извращенцами.

– Почему же битком? – не согласился Армстронг. – Нет, я бы так не сказал. Кое-где царит рассудительное спокойствие. Ладно... давай вернемся к этому позже. Эд, кто поставлял автоматику и сопла двигателей?

– Автоматику делала компания «Дистанционное управление». Сопла – «Североамериканские трубы».

– Хм! Еще один пункт – ты знаешь, кто начал против вас агитацию среди населения? Если не знаешь, то можешь выяснить?

– Знаю, – тут же ответил Дрейк, скорчив гримасу. – Имел счастье несколько раз мило беседовать с этим типом. Его зовут Мервин Ричардс, у него впалые щеки и ввалившиеся глаза. Любит совать свой нос в чужие дела. Способен заговорить

до смерти кого угодно и чертовски напугал тогда окрестных жителей.

– Нас он пока не беспокоил.

– Я думаю, этого не случится. Последнее, что я о нем слышал, – он подался во Фриско разыгрывать роль верховного служителя культа эктоплазменного резонанса. Черт знает что это такое.

– Понятно. – С минуту Армстронг размышлял, затем спросил: – Не знаешь, где Кларк Маршал?

– Наверное, где-нибудь во Флориде. Хочешь допросить и его?

– Да. Уж что-нибудь я из него вытяну. – Армстронг встал, пожал Дрейку руку: – До встречи, Эд. Не забудь о тех именах для меня.

По дороге домой Армстронг остановился у библиотеки городка Джерси и какое-то время потратил, просматривая справочники и книги по ракетной технике. Он выписал девять фамилий, две из которых нашел в Манхэттенском телефонном справочнике. Он позвонил этим двоим и учинил им форменный допрос, получив в ответ целый ливень саркастических замечаний и язвительной брани. Однако он вытянул из них, хотя и с трудом, обещания сотрудничать, а большего пока и не требовалось. После библиотеки он направился домой и записал все то, что узнал к этому моменту. Затем перечитал написанное и задумался. Не так уж много. Всего лишь куча малопонятной чепухи. Впрочем, материала прибавит-

ся, когда Куин, Нортон, Дрейк и другие добудут информацию.

Хотя картина в любом случае получится туманной. Есть риск, что, в конце концов, он останется один на один с безумной гипотезой, которую ни проверить, ни как-нибудь использовать не сумеет, но все равно убивать время таким образом – лучше, чем писать на стенах: «Голосуйте за Мориарти».

Что дальше? Еще семь фамилий, за которыми можно поохотиться завтра и послезавтра. После этого пора будет поговорить с Клэр Мэндл. Он вдруг подумал, что в целом мире никто не помешает ему довести дело до конца. Целеустремленность и основательность! Если бы ему пришло в голову заняться сомнамбулизмом, он наверняка стал бы чемпионом среди лунатиков.

Расчехлив пишущую машинку, Армстронг отпечатал письма – четыре в Англию и три во Францию. Письма были ясные, убедительные, призывали к сотрудничеству, но он сомневался в успехе. Безотлагательность имеет тенденцию таять пропорционально расстоянию. Даже самые крупные неприятности выглядят значительно мельче, если случаются за несколько тысяч миль. Может, европейцы откликнутся и пришлют информацию, может, нет, но попробовать стоило.

Отправившись на традиционную прогулку, во время которой он привык размышлять, Армстронг опустил письма в почтовый ящик и двинулся к центру города. Здесь на каждом углу переливались, мигали, вспыхивали огни: «Розо-

вый Бурбон», «Закусочные Перлица», «Виталакс даст вам жизнь», «Танец такси», "Кит Руни в «Удаче ирландца», «Виталакс», «Виталакс», «Виталакс»... Вкрадчиво, соблазнительно, убедительно, и снова – вкрадчиво, соблазнительно – до тех пор, пока... Потому что, если вранье повторять слишком часто, в него поверят. Бог есть любовь. Студенты-бездельники любят добрую старую выпивку. Жизнь прекрасна! Если новость удовлетворяет этому лозунгу, она достойна... Что значит «удовлетворяет» и кто так говорит? Виталакс даст вам жизнь. Сильные руки защитят мир. Все новости... Виталакс...

Должно быть, он произвольно заговорил вслух, потому что какой-то мужчина остановился, посмотрел на него и сказал:

– Извините?..

– Нет, нет, ничего, – заверил Армстронг. – Я просто болтал с Твилипом. – Заметив непонимающий вид прохожего, он пояснил: – Он совсем крошечный и зеленый, а на хвосте у него узелок. Я ношу его в кармане жилета. – Армстронг ухмыльнулся, показав зубы.

– А-а! – Мужчина посмотрел на него странным взглядом и поспешил удалиться.

Войдя в ближайшую закусочную, Армстронг занял столик в углу и попросил пинту крепчайшего яванского кофе. В ожидании заказа он поглаживал волосы руками. Ему казалось, что его мозг заполняется маленькими голубыми пу-

зырьками, лопающимися с характерным «плоп-плоп-плоп». На самом деле, конечно, никаких пузырьков не было, а такими ему представлялись греховные замыслы. Впрочем, он вовсе не мечтал вывалить кого-нибудь в смолу и перьях или подлить кому-нибудь масла в ботинки. Пока.

Принесли кофе, он отхлебнул немного, разглядывая поток прохожих. Блики от окон и рекламы освещали их, будто актеров на сцене. Лица бесстрастные, лица возбужденные, лица вытянутые, лица круглые, лица энергичные, лица счастливые, лица мрачные, лица красивые, лица самодовольные, лица пустые, лица плачущие, лица любопытные – все разные и вместе с тем объединенные каким-то сходством. И это сходство было краеугольным камнем власти.

Какой власти? Линкольна? Ленина? Королевы Елизаветы? Власти Робеспьера? Конфуция? Или легкомысленного и просвещенного герцога де Морни, который не думал о людях, пока вдруг случайно с ними не сталкивался?

Формы власти столь же разнообразны, сколь различны сами люди.

Бармен за стойкой включил радио, и медленно потекла соната Генделя в исполнении Филадельфийского симфонического оркестра. Музыка успокаивала. Медленный величавый ритм очищал мозг от всего ненужного, как автомобильный «дворник». Она напрочь стерла «Танцующую крошку», отфильтровала дурацкий «Виталакс» и сделала симпатичными лица людей.

Вдруг музыка смолкла, и вместо нее раздался бесстрастный четкий-голос:

– Экстренное сообщение! Полчаса назад произошла крупная катастрофа на гигантской российской атомной станции в Уральских горах. Взрыв зарегистрирован всеми сейсмическими станциями. О жертвах не сообщается, но есть опасения, что они могут быть очень велики. Дальнейшая информация будет передаваться по мере поступления. – Голос умолк, затем добавил: – Сообщение зачитано с любезного разрешения фирмы «Гильде Брау», производителя лучшего в мире пива. – Снова зазвучал Гендель. Теперь музыка звучала словно реквием.

Негромко выругавшись, Армстронг покинул кафе и влился в толпу. Стемнело, небосвод был черным и траурным, и только в одном месте злобно глядел вниз гигантский белый глаз луны. Непрерывный поток ярких движущихся огней озарял небо над Манхэттеном и дальше, над Бронксом. Где-то между потоком света и Луной, высоко на крыше невидимого небоскреба медленно полз малиновый червяк, образуя слова: «Она любит мятную жевательную резинку!»

За спиной Армстронга радио переключилось на другую станцию и заиграло с новой силой. Песня называлась «Еще одна танцующая крошка», и ритм ее сотрясал тело с головы до пят.

«Услышав, как музыка насмехается над царством их теней, они поняли вдруг, что умерли...»

Армстронг не мог вспомнить, откуда знает эти слова и когда они запали ему в душу.

Но все это выбило его из колеи. Прыгнув в подвернувшееся такси, он поспешно покинул это место, сам не зная, от чего убегает.

Семерка была не таким уж счастливым числом. Он встал со звонком будильника, чувствуя, что неплохо выспался, и это странным образом контрастировало с перипетиями вчерашнего дня. Затем принял душ, побрился и включил запись утренних новостей. Русские объявили, что пятьдесят квадратных миль превратились в пустыню, а воронка в эпицентре оказалась почти в двадцать метров глубиной. Причина взрыва неизвестна. Общество Друзей предложило двадцать авиагоспиталей и перебросило их от китайской границы на место катастрофы. Юный Вентворт продал права на экранизацию своей автобиографии.

В ярости Армстронг выключил телевизор и остаток дня провел в поисках тех семи человек.

Двое, как выяснилось, умерли. Один был в Европе – незнамо где. До троих он дозвонился по телефону. Первый из них пребывал в легкомысленном и беззаботном настроении, двое других были сердиты, нетерпеливы, язвительны и даже не пытались скрыть, что считают его надоедливым дилетантом. Последнему из семерки он послал письмо. Все. Он сделал, что мог. Без свежей информации дальнейшее расследование невозможно. Конечно, если не считать Клэр Мэндл.

Утром следующего дня Армстронг мчался к Территауну, держась крайней левой полосы. Клэр Мэндл оказалась молодой женщиной, темноволосой, с живым лицом и совсем не похожей на своего брата. Она была одета в зеленый вельветовый костюм, сшитый у хорошего портного, и держала себя со спокойной уверенностью. Присмотревшись, Армстронг решил, что самая привлекательная ее черта – глаза, темные и миндалевидные; они делали ее похожей на эльфа.

Клэр Мэндл легко опустилась во вращающееся кресло, положила руки на колени и приготовилась слушать. Армстронг быстро пересказал события.

– ...Затем ваш брат начал развивать свою идею... и вот здесь-то это и произошло. – Он задумался на несколько секунд. – Я чувствовал, что не имел права беспокоить вас до сегодняшнего дня...

Ее красиво изогнутые брови чуточку поднялись.

– Вы считаете, что я смогу дать вам недостающую информацию?

– Меня уверили, что вы – единственный человек, который в состоянии это сделать.

– Мы с Бобом работали вместе, но только изредка, – задумчиво проговорила она. – У нас были разные области научных интересов. Чтобы ответить на ваши вопросы, я должна просмотреть его бумаги и кое-что вспомнить.

– Я был бы очень признателен, если бы вы именно так и сделали, – уверил он. – Я могу вам позвонить?

– Конечно. – Он пристально посмотрел на нее спокойными серыми глазами. – Но я предпочел бы встретиться где-нибудь в городе. Мы могли бы обсудить дело за ленчем.

Ее смех напомнил ему звон серебряных колокольчиков.

– Вы времени даром не теряете!

– У меня имеются скрытые мотивы, – сообщил Армстронг.

– В самом деле? – Она обнаружила женское любопытство. – Какие же?

– Я хотел бы познакомить вас с одним своим приятелем, газетным коршуном. Он мне сказал, что у ваших волос квадратные корни.

В ответ прозвучал смех – такой же, как прежде, мягкий и низкий.

– Договорились! Поставить на место газетчика – благая цель, и я готова раскрыть правду. – Она напоминала Армстронгу эльфа, подглядывающего изумленными глазами в замочную скважину. – Я вам позвоню, когда все сделаю.

– Благословляю вас! – произнес Армстронг, неожиданно заметив, что голос его охрип.

Сев в автомобиль, он завел мотор, отъехал на приличное расстояние и только тогда решил дать себе волю – изобразить нечто в духе тирольской песни.

Братец, за удовольствия надо платить!.. Смотри, куда это тебя заведет!.. Она полюбит мятную жвачку!..

Он оборвал рулады, сердито уставился в ветровое стекло

и остаток пути не раскрывал рта.

После полудня подал весточку Куин, сообщив четыре фамилии.

– Вот они, Шерлок. Может, ты чего-нибудь из них и вытащишь. – Он прищурился и показал язык. – Полюбуйся! Таким ты был неделю назад.

– Что же, по-твоему, случилось неделю назад?

– Ничего. Поэтому ты так и выглядел.

Армстронг в ответ проворчал что-то невразумительное. Аккуратно занеся имена в свою записную книжку, он спросил:

– Что-нибудь еще у вас происходит?

– У нас начались гонки шакалов.

– Ну и как, они уже собрались у трупа?

– Обглодали до косточек. Сенатор Кармайкл во всеуслышание огласил, сколько зелененьких потрачено на полеты к Марсу до сего дня. А также сколько потратить еще предстоит. Он говорит, что это позор. Сенаторы Райт, Эмблдон и Линдл поют ту же песню. Прямо-таки хором.

В книжном шкафу у Армстронга имелся экземпляр «Политического зоопарка». Сняв его с полки, он прочитал краткие биографии сенаторов Кармайкла, Райта, Эмблдона и Линдла. Затем, вспомнив про Вомерсли, просмотрел соответствующую статью тоже. Это ни к чему не привело: он не нашел ничего интересного. Compliments и плохо замаскированная лесть вперемежку с перечнем политических побед

и счастливых историй о бедных фермерах. Эти пятеро отличались друг от друга совершенно ординарными качествами, а другими, столь же ординарными, были похожи. Армстронг искал другое (если это вообще могло быть найдено) – странности, необычности, какие-то свойства, присущие им всем одновременно. Из «Зоопарка» же удалось выудить только одно – общей у пятерых сенаторов оказалась привычка носить брюки.

Конечно, глупо гоняться за воображаемыми диверсантами в одиночку и без подходящих средств, стараясь переплюнуть ФБР. Но сама охота его практическому уму не казалась глупой. Армстронгу уже приходилось гоняться за призраками, и в конце концов каждый раз обнаруживалось, что выглядят они на удивление реальными. Поистине, то была редчайшая, «эдисоновская» случайность, но когда однажды ночью произошел мгновенный всплеск напряженности магнитного поля и иридиево-кобальтовая игла, развернувшись перпендикулярно силовым линиям, медленно начала колебаться... И дело Даже не в самом феномене, а в погоне за ним, потому что когда человек два года подряд преследует цель, настигает ее и патентует солнечный компас, то к этому моменту у него развивается нюх на всякий любопытный запах, не хуже, чем у охотничьей собаки. Рассуждая таким образом, Армстронг примирялся со своей непоседливостью и учился извлекать из нее пользу. Кроме того, у него было еще одно оправдание перед самим собой: он никогда не позволял

своему разуму вертеться вокруг какой-нибудь бесполезной и никчемной задачи.

Следующий логический шаг – отстегнуть зелененьких и купить пару добавочных неглупых мозгов. За развлечения нужно платить и не скупиться, иначе шутки могут кончиться плохо – в разгар веселья можно схлопотать удар отравленным кинжалом.

3

Подходящим союзником казался Хансен, его репутация во всех отношениях была безупречна.

Армстронгу потребовалось всего несколько минут, чтобы добраться до здания из коричневого камня, на втором этаже которого размещалось агентство Хансена.

Высокая томная блондинка, взяв визитную карточку Армстронга, скрылась за дверью и почти сразу вернулась со словами:

– Мистер Хансен примет вас прямо сейчас, мистер Армстронг.

Хансен оказался почти такого же роста, как его клиент, разве что не столь широкоплечим. Предложив Армстронгу кресло, он сел за стол и сквозь очки внимательно оглядел гостя с головы до пят. Осмотр был неторопливый, непринужденный и откровенный.

– Ваше резюме? – улыбнулся Армстронг.

Не отводя испытующих глаз и не изменившись в лице, Хансен осведомился:

– Чем могу быть полезен, мистер Армстронг?

– Мне нужна информация о некоторых людях. – Армстронг вытащил из кармана листок и протянул его Хансену.

Детектив просмотрел список.

– Пятеро из них – сенаторы.

– Это имеет значение?

Пронзительные глаза снова впились в Армстронга.

– Все зависит от того, что вы подразумеваете под информацией. Если вам нужны их биографии – нет проблем! Но если речь идет о компромате, я должен знать точно, кто вы такой и как намерены использовать материал. Если дело мне не понравится, я за него не возьмусь. – Его тонкие губы сжались. – Таковы мои принципы.

– Весьма достойный подход, – одобрил Армстронг. – Чтобы рассеять ваши сомнения, есть простое решение. Вам нужно всего лишь постараться узнать мое имя.

– Какое?

– Джон Дж. Армстронг.

– Да-а, – согласился Хансен. – Этого вполне достаточно. – Правой рукой он поигрывал золотым перстнем с печаткой, блестящим на пальце левой руки. – Прошу вас подробнее.

– Мне не нужны пухлые романы об этих людях. Меня не интересуют их дни рождения. Мне нужна как можно более полная и исчерпывающая информация об организациях, к которым они принадлежат, их деловых интересах, клубах, дружеских связях, политических, религиозных или этнических объединениях, вообще, о любых норах, в которые они могли бы провалиться...

– Это будет нетрудно, – заметил Хансен.

– Значит, обойдется дешево. – Армстронг широко улыбнулся, когда его собеседник вздрогнул. – Чем лучше вы вы-

полните это задание, тем легче вам будет в дальнейшем.

– Да! – удивленно произнес Хансен, передвигая лист. – Так это не все?

– Это только начало. Скоро у вас появится другой список, а после него еще один. Если у меня хватит денег и терпения и если мои друзья из сострадания не отговорят меня от этого дела, вам предстоит собрать сведения о целом батальоне.

– Мы сделаем все возможное. Уверен, вы будете довольны. – Хансен опять поиграл перстнем. – Информация по каждому объекту обойдется в сорок долларов. Все дополнительные затраты будут указаны в счете. Не проконсультировавшись с вами, мы не пойдем на крупные расходы.

– Да хранит вас за это Бог! – с озорным пафосом ответил Армстронг и отсчитал деньги.

Нажав кнопку на столе, Хансен приказал появившейся блондинке:

– Положите деньги в сейф, Мириам, и дайте мистеру Армстронгу расписку.

Автомобиль двигался в сторону редакции «Геральд»; небрежно развалясь за рулем, Армстронг проводил мысленный смотр своих войск. Из профессионалов у него имелся Хансен и батальон его помощников. Отряд волонтеров состоял из Нортон, Дрейка, Куина... Пожалуй, и все. Еще сюда он мог добавить и эльфа-Клэр. Было бы неплохо, чтобы и впредь никто из них не знал, что делают другие. В конце концов, члены любой разветвленной структуры просто не в

состоянии знать все о характере деятельности своей организации, да и не должны это знать. Они должны видеть цель и идти к ней или, по крайней мере, верить, что идут. А его задача – убедить их в этом.

Когда Армстронг подъехал к редакции, Нортон был занят. Его провели в комнату отдыха – большую, обставленную с кричащей роскошью и заваленную бумажными копиями недавних выпусков. Он лениво начал их просматривать и в первой же наткнулся на кое-что интересное. Заголовок на седьмой странице гласил: «Самолеты пожирают расстояния», и тут же на десятой оказались трагические снимки авиационной катастрофы в Айове, где погибло несколько десятков людей. Расстояние до могилы! Он перевернул страницу. «Виталакс»... «Гильде Брау»... «Час хладнокровия»... «Внешняя оболочка слоновой кости содержит бензидин, чудесный порошок для ваших зубов».

Армстронг рывком перевернул страницу. «Четыре свободы». «Шелковый магнат предъявляет обвинение Аркадии». «Протест Греции». «Медь на свалке». «Мысль о сегодняшнем дне»... Мысль о сегодняшнем дне... Он моргнул и прочитал заметку, набранную маленькими буквами в небольшом столбце.

«Воистину говорю я вам, будет ли польза людям, если они завоюют весь мир, но потеряют свою бессмертную душу?»

Именно в этот момент в комнату с веселым кличем влетел Нортон:

– Эй, парень, у меня просто зверский телепатический аппетит! – Он остановился, глянул на Армстронга и добавил гораздо спокойнее: – Что с тобой, бедолага?

– Да так, лезет в голову всякий бред, – медленно произнес Армстронг. – Наверное, мне вообще не стоило высовывать нос из лаборатории.

– Отнюдь нет, – возразил Нортон. – У тебя та же беда, что у Кассия, – ты слишком много думаешь. И слишком редко обедаешь в компании, – ввернул он.

– Так. Намек понят. Где ты желаешь обедаться за мой счет на этот раз?

Нортон закатил глаза:

– Ну зачем так грубо?

– Зато вполне в духе нашей беседы.

– Давай тогда его сменим. Предлагаю навестить обжираловку Папазоглуса. Говорят, он готовит мясо каким-то новым способом.

Добравшись до Пятидесятой улицы, они запарковали машину на подземной стоянке и после короткой прогулки по двум кварталам подошли к заведению грека – современному кафе, наполненному аппетитными ароматами.

Мясо «по-новому» оказалось здоровенным, наполовину обугленным бифштексом с грибами. Нортон, по своему обыкновению, расправился с ним так, словно голодал по меньшей мере лет тридцать.

– Уф-ф! – Он откинулся на стуле и обратился на Армстронга

лоснящийся сытый взгляд. – Ну вот. Сейчас я не в состоянии даже пошевелиться. Можешь давать работу. Что я должен сделать на сей раз?

– Кажется, пропал Кларк Маршал. Эдди Дрейк считал, что он во Флориде, но так и не сумел напасть на его след. Вот я и подумал, может, кто-нибудь из твоих тамошних газетных волков раздобудет о Маршале какие-нибудь сведения? Несколько дней назад его видели в Ки-Уэсте.

– Не лучше ли этим заняться полиции?

– Я не могу идти в полицию, у меня нет причин подозревать, что с Маршалом что-то случилось. Скорее всего, он собрал вещички и легким аллюром отправился в неизвестном направлении. Но ведь он – личность заметная, и наверняка кто-нибудь из твоих любителей бифштексов знает, куда он девался.

– Да, он личность известная, верно. Был! Ему трижды выпадало писать о космических кораблях – о номерах первом, десятом и четырнадцатом. – Нортон печально покачал головой. – Бедный старина Кларк! Он пропал после того, как взорвался последний. – Он задумчиво и холодно посмотрел на Армстронга. – Ты никогда с ним не встречался?

Армстронг пожал плечами:

– Я видел только его фотографию и читал несколько давнишних статей. Еще я читал его письмо в газеты, где предрекалось, что номер восемнадцатый тоже обречен. Сдается мне, он здорово скис от несбывшихся надежд.

– Он больше чем скис. Он свихнулся. – То есть?

– У него развилось что-то вроде мании преследования. Он метался по стране с видом первохристианского мученика – от чего-то убегал.

– Или за чем-то охотился?

Нортон с трудом поднялся:

– Послушай. Я не против побегать вместе с тобой за привидениями, делая перерывы для добрых бифштексов. Но не добавляй к прочим своим иллюзиям еще одну: будто Кларк Маршал и всякие бродяги, двоеженцы и прочие выродки, которые где-то скрываются, окажутся в одной упряжке с тобой и что они тоже мечтают ловить призраков. Не воображай, Бога ради, что весь этот дурной мир – твой надежный тыл. – Нортон устало плюхнулся обратно на стул. – Потому что он совсем ненадежен!

– Я все это знаю, – сказал Армстронг. – Мир таков не только для меня. Он ненадежен для кого угодно и для чего угодно.

Сцепив пальцы на сытом брюхе, Нортон снизошел до возражения на последнее замечание.

– Мир? – проворчал он. – Нет! Если не дерутся народы – слава Богу, сейчас этого нет, – то дерутся семьи, наконец, отдельные люди. – Он прикрыл глаза. – И иногда они колотят манекены, просто забавы ради... – Нортон открыл глаза. – Пища! Жратва! – тоном проповедника выговорил он. – Мир постоянен в еде. Весь мир ест – это инстинкт.

– За исключением тех случаев, когда он постится или объявляет голодовку.

– Проклятие! – устало воскликнул Нортон. – Мир постится по религиозным мотивам, голодает по политическим и иногда уничтожает продовольствие по экономическим.

– Хорошо. Ты меня убедил. Мир действительно непостоянен. Ни в чем. А знаешь почему?

– А ты?

– Ха! Любой газетчик это знает, а кроме газетчиков – еще множество людей. Потому, что мир глуп.

– Я бы так не сказал, – заметил Армстронг.

– А я бы сказал. – Нортон удовлетворенно похлопал себя по животу. – Ты слишком долго жил с закрытыми глазами, чтобы видеть, как самозабвенно глуп этот мир. Несколько лет назад один из наших ребят попросил сотню прохожих назвать фамилию матери президента Джексона. Сорок семь ответили правильно – миссис Джексон. Пятьдесят три сказали, что не знают или не могут вспомнить. – Нортон самодовольно взглянул на Армстронга. – В прошлом году двести тысяч русских побывали в мавзолее Ленина, словно это храм Божий. А у французов появилась мода татуировать на мочках ушей три черточки – за свободу, равенство и братство. Годом раньше, когда император Таиланда сломал ногу, весь двор ковылял на костылях, потому что моду там задают члены королевской семьи. Было время, когда все британские аристократы носили помочи из змеиной кожи по той же са-

мой причине.

– Может быть, но...

– Нет, продолжим, – гнул свое Нортон, не переставая любоваться собой. – Аккурат к двадцатилетнему возрасту начинаешь понимать, что нет на свете невозможных безумств. Ты читал когда-нибудь «Краткий экскурс в историю человеческой глупости» Питкина?

– Кажется, нет.

– Поверь мне, ключевое слово здесь – «краткий». Ни Питкин, ни его сыновья, ни внуки не прожили бы столько, чтобы написать «полный» экскурс. Марафонские танцоры, пожиратели яиц, земляных орехов, любители ходить на шестах были во все века. Глупость восходит к истокам человеческой истории. Пирамиды – такая большая глупость, что тысячи глупцов сочиняют о них глупые теории с первого дня их существования.

– Да не хочу я с тобой спорить...

– Ради всего святого! – взмолился Нортон. – Дай же мне хоть слово сказать! Глупость – понятие относительное. Например, я считаю себя умным, потому что повидал на своем веку немало людей гораздо глупее себя. Но и мой ум относителен, потому что, по большому счету, я тоже глуп, хотя не так безнадежно, как некоторые тупицы. Вообще, на свете немало людей с проблесками ума, которые в состоянии воспользоваться глупостью окружающих. Одни, чтобы облегчить себе махинации, придумывают новые законы – это

политики. Другие зарабатывают на жизнь, прикрываясь уже готовыми законами, и становятся журналистами, торговцами, производителями оружия, гадалками на кофейной гуще... Еще они могут запускать ракеты. Третьи доходят до того, что игнорируют любые законы, становятся обманщиками и плутами. – Нортон мечтательно улыбнулся. – Есть старинное изречение, что природа создала мошенников для того, чтобы учить уму-разуму дураков.

– Ты закончил? – дружелюбно улыбнулся Армстронг.

– Да. – Нортон еще раз с видимым удовольствием похлопал себя по животу. – Это бифштекс. Из-за него я так миролюбив.

– Ну, тогда, – продолжил Армстронг, – мне сдается, что твои рассуждения смахивают на бред: ты начал со следствий и прошел весь путь в обратную сторону, к выдуманной причине.

– Выдуманной?

– Именно. С чего ты взял, что это глупость?

– А что же еще?

– Не знаю.

– Вот! – Портов торжествовал. – Ты не знаешь!

– Ну и что? Что доказывает мое невежество?

– Оно ничего не доказывает, – неохотно признал Нортон. – Но оно и не опровергает мою теорию о том, что мир есть, всегда был и, вероятно, всегда будет безнадежно глуп. Видишь ли, слишком уж хорошо в эту теорию укладываются

факты.

– Я сочиню тебе десяток таких теорий, – сообщил Армстронг. – И все они объяснят те же факты еще лучше? – Он встал, встретившись с удивленным взглядом собеседника. – Как ты заметил, беда в том, что я слишком много думаю. – Армстронг взял шляпу. – Надеюсь, ты не настолько глуп, что забудешь разузнать о Маршале? – Он помахал ручищей: – До скорого, непоседа.

– А ты – бродяга! – громко крикнул Нортон вдогонку. Хмуро уставившись в пустую тарелку, он облизал губы и вдруг помрачнел еще больше. – О, змей! Он не заплатил за бифштексы!..

Пять дней понадобилось Хансену, чтобы раскопать подробности. С точки зрения Армстронга, дело продвинулось быстро, и его оценка крепкого долговязого детектива выросла до высшего балла.

Раскрыв аккуратно напечатанное послание Хансена, Армстронг тщательно его прочел, вполголоса бормоча отдельные фразы.

«Ирвин Джеймс Линдл, совладелец компании „Рид энд Линдл“ в Уичите, штат Канзас. Сенатор, член Комитета по общественному питанию и Комитета по связям с Латинской Америкой. Принадлежит к Ассоциации производителей сельскохозяйственной техники. Национальной ассоциации производителей... м-м... Вторая авеню... Епископская Капелла в Уичите, Международный Ротари-клуб, Канзас-

ский кегельный клуб, номер 414 Американского Легиона, клуб снайперов... м-м... попечитель Американского движения молодежи...»

Информации оказалось море – Хансен выполнил работу добросовестно. Внимательно изучив пункты, Армстронг пересчитал их и обнаружил, что Линдл состоял членом ни много ни мало тридцати восьми организаций. На другом листе Вомерсли побил этот рекорд – у него было сорок четыре. Эмблтон опустил планку до двадцати одного. Пометив каждое досье соответствующим числом, Армстронг обнаружил, что первым идет Вомерсли с сорока четырьмя, а замыкает список Мервин Ричардс всего лишь с одиннадцатью. Но этого изобилия было далеко не достаточно. Ему понадобится информация обо всех, перечисленных в письме, которое он получил от Куина и переслал Хансену только вчера. А еще кое-что должно поступить от Нортон, Дрейка и других. Тратить время и силы, чтобы решить головоломку на десять процентов, было не в его привычках. Предстоит собрать еще много кусочков, чтобы подобрать ключик ко всей мозаике, разобраться, какие фрагменты пропущены, а может, и узнать, где их прячут.

Пронзительно заверещал видеотелефон, и Армстронг оставил свое занятие. На экране появилось лицо Клэр Мэндл.

– Добрый день, мистер Армстронг!

– Добрый день, Клэр, – отвечивал он с неподдельным

энтузиазмом. – Когда мы идем обедать?

– Я заставила вас ждать?

– Почти неделю.

– Простите. Я не думала, что это так срочно.

– Конечно, вы не думали. Вы сама благопристойность! –

Он наградил ее насмешливым взглядом. – Но теперь вы убедились, что мои намерения честны...

– У вас есть намерения? – с озорным видом перебила она.

Это вывело Армстронга из равновесия. Он поджал губы, борясь с желанием сказать какую-нибудь едкость. Клэр смотрела на него своими раскосыми глазами, и это никак не способствовало его душевному покою.

– Я говорил вам о них, – тихо произнес он. – Вы мне нужны для представительности. Она улыбнулась и снова изящно кольнула его: – И где же вы хотите устроить представление моей персоны?

– Вы выбираете самые ужасные слова, – пожаловался Армстронг. – Как насчет «Лонгчампа»?

– Сегодня вечером?

– Да! – прямо расцвел он.

– Ничего себе! – удивилась она. – О какой же науке может идти речь?

– Вы когда-нибудь на себя смотрели в зеркало? – парировал Армстронг.

– Я не имела в виду вашу внешность. Только ваше поведение.

– А! – Он широко улыбнулся. – Это специально – дабы доказать, что действие и противодействие не всегда равны и противонаправлены.

– Мы можем обсудить этот вопрос позже, – сказала она. – В половине девятого в «Лонгчампе». Вам удобно?

– Договорились! – Почему-то его голос звучал выше и тоньше обычного, и Армстронг тут же попытался исправить недоразумение: – В восемь двадцать. Вдруг вы придете раньше.

Раньше она не появилась, но и не опоздала. Такси остановилось у главного входа ровно в восемь тридцать; он встретил ее, проводил внутрь, подвинул стул. Под манто на ней было платье из мерцающего зеленого материала, безупречную прическу увенчивал предмет, слишком маленький для шляпки и слишком большой для цветка.

Заметив, что его восхищенный взгляд не отрывается от этого предмета, она сообщила:

– Это просто украшение.

– Вижу! – подтвердил он с полным отсутствием такта.

Слегка нахмурившись и покусывая нижнюю губу, Клэр сменила тему:

– Я просмотрела статьи Боба.

– И что вы нашли? – спросил Армстронг, опустив взгляд.

– Он систематизировал информацию об одиннадцати кораблях, которые взорвались, почти достигнув Марса. Такую информацию, например, как их расстояние от планеты в мо-

мент взрыва и последние переданные на Землю данные телеметрии. Главный его вывод представляется бесспорным – корабли разрушились не случайно. Все катастрофы вызваны одной и той же причиной.

– Тот самый слой?

Клэр заколебалась:

– Может быть. – В ее глазах мелькнул тревожный огонек. – Один из кораблей резко вильнул в сторону, видимо из-за внезапного выхлопа бокового сопла. Его траектория сильно искривилась, прежде чем гироскопы вновь вернули его на курс. В результате этот корабль подошел почти на две тысячи миль ближе к планете, чем все остальные. Затем он взорвался.

– И что?

– А то, что данное обстоятельство сильно беспокоило Боба. В его теорию слоев этот двухтысячемильный нырок не укладывался. Естественно, он попробовал заделать брешь и обнаружил, что стоит перед двумя возможностями: либо информация о корабле недостоверна, и в действительности он взорвался на том же расстоянии от поверхности, что и другие, и тогда с теорией все в порядке; либо, если информация точна, – Клэр в сомнении помедлила, – то очень похоже, что корабль уничтожили намеренно. Лазером.

– Как?! – воскликнул он. – Отсюда? За сорок восемь миллионов миль?

– Очевидно, нет. Насколько мне известно, на Земле нет

оружия такой мощности. Я вообще не представляю, каким образом можно генерировать лазерный луч в сотую долю от требуемой мощности. – Она на миг задумалась. – Остается только луч с Марса, хотя считается, что Марс необитаем. Впрочем, эта мысль столь абсурдна, что ее вряд ли стоит принимать в расчет. Остается лишь теория Боба, которая, понятное дело, рассыпается, если информация о том корабле точна.

Официант принес заказ, и они прервали беседу. Только когда он удалился настолько, что не мог их услышать, Армстронг сказал:

– Все споры о причинах проистекают от нашего невежества. Или неведения. Корабли передали по радио прорву информации: температура, интенсивность космического излучения, расход топлива и прочее. Но это не то.

Она кивнула в ответ на его вопрошающий взгляд, и он продолжил:

– Как нам узнать главное? У вас есть какие-нибудь соображения? – Это может сделать караван. – Караван?

– Да, и чем длиннее, тем лучше. – Она пригубила из своего бокала. – Пилотируемый корабль-матка, впереди которого один за другим летят зонды. Первый зонд будет приманкой. Когда он взрывается, следующий за ним отклоняется от курса на заданный угол. Если и он аналогичным образом врезается в преграду, описывает дугу третий зонд. Тем временем корабль-матка, идущий в арьергарде, при первом

же взрыве поворачивает к Земле, собирая всю информацию, которую успеет принять от всех зондов. – Она с задумчивым видом водила своим бокалом по белой скатерти. – Даже если эта методика не позволит получить достаточно данных, она, по крайней мере, прояснит один вопрос.

– Какой именно?

– Она установит причину гибели кораблей. Излучение, или же имеет место диверсия. Если диверсия, то никакое, даже самое поспешное отступление их не спасет. Но если хотя бы один вернется невредимым, тогда причиной можно считать слой Мэндла.

– Просто, слишком просто. – Он опечалился. – Это обойдется минимум в двести миллионов долларов.

– Да, я знаю, – искренне посочувствовала она. – Но раз уж информация находится за миллионы миль, кто-нибудь должен рискнуть ее добыть. Ведь другого способа не существует. – Лицо ее посветлело, и она наградила Армстронга ободряющей улыбкой. – Для начала могу ссудить вам десятку.

– Спасибо, не надо, – сказал он. – Если бы две сотни миллионов баксов потребовались для того, чтобы взорвать к чертям всю цивилизацию, их бы быстренько нашли. Но для такого проекта – нет! Десять миллионов на боевой самолет; десять центов на космические исследования – вот такие у нас дела.

Ее прохладная рука легонько коснулась его лапищи:

– Мрачный вы человек!

Он беспокойно заерзал, и она улыбнулась опять:

– Шкала ценностей в нашем мире не так уж плоха.

– Да?

– Безусловно. Вполне естественно, что на оружие деньги дают охотнее, чем на рискованные предприятия. В конце концов, страх – чувство самое глубокое, более... человеческое, что ли, из всех. Избавиться от страха – это гораздо актуальнее, чем удовлетворить любопытство. Если вы посадите на Марс свою ракету, то это не сделает дома людей прочнее, не спасет чью-нибудь жизнь и не будет гарантом свободы.

– Свобода, – усмехнулся он. – Какие только зверства не совершались под ее знаменем! – Он снова занервничал, тяжелые челюсти сжались. – Все зависит от того, что подразумевать под словом «свобода». – Затем он вдруг сменил тон и добавил; – Извините. Мы ведь пришли сюда не затем, чтобы спорить друг с другом? Давайте оставим эту тему.

– Согласна. – Она оглядела людей за соседними столиками. – Где этот газетный волк, который должен меня оценить?

– Его не будет. Я передумал и не позвал его.

– Как же так?

Он попробовал недовольно взглянуть на нее, но не смог придать лицу соответствующего выражения. Grimаса, появившаяся на его лице, заставила ее брови подняться в удивлении.

– Двое – это тоже компания, – сообщил он.

– А ужасная мина, которую вы на себя только что нацепили, должна, по-видимому, означать угрозу?

– Если угодно. Я чертовски скверно разыгрываю сцены.

– Вы думаете, это необходимо?

Он оживился и уверил:

– Нет, конечно! Просто я пытался убежать от своих мыслей и убежал слишком далеко. Совсем как тот человек, которому вырвали зуб, и он смеется, только чтобы показать, что ничего не почувствовал.

– Воистину, странен мужской ум, и извилисты тропы его, – философски заметила Клэр. Она перевела взгляд куда-то за его плечо, глаза ее вдруг сузились, она наклонилась вперед и тихо произнесла: – У моего брата Боба была одна причуда. Может быть, он рассказывал вам. Он не верил в совпадения.

– Да, он говорил мне. Почему вы вспомнили об этом сейчас?

– Потому что именно сейчас я кое-кого увидела. – Ее голова придвинулась ближе. – Через четыре столика позади вас – рыжий, веснушчатый человек в светло-сером костюме. Сегодня утром, когда я вышла из дома, он прошел мимо меня. Я посмотрела на него совершенно случайно, конечно, и забыла бы напрочь, если бы он снова не пересек мне дорогу в тот момент, когда я вышла на улицу вечером. Теперь он – здесь. Три раза за день – это уже многовато. – Она весело усмехнулась. – Если он так же любопытен, как и Боб, и, в

свою очередь, запомнил меня, он наверняка подумает, что я против него что-то замышляю.

– Вы уверены, что не ошиблись? – спросил Армстронг, не оборачиваясь.

– Убеждена.

– И вы никогда, не замечали его раньше?

– Не припоминаю.

Армстронг немного подумал, затем пожал плечами:

– Может, это какой-нибудь робкий обожатель? Стесняется подойти. Предпочитает восхищаться издалека.

– Не говорите глупостей, – укорила она.

Он снова пожал плечами и взглянул на часы.

– Вы позволите, я выйду на минутку? Скоро вернусь. – Дождавшись ее кивка, Армстронг поднялся и небрежно направился к выходу, по-прежнему не глядя по сторонам.

Снаружи имелась телефонная будка. Войдя в нее, он опустил монетку и стал набирать цифры, следя за экраном.

Автоответчик провозгласил: «Агентство Хансена! Вы можете подключиться к ночной линии связи по четвертому сигналу или записать свое сообщение по десятому сигналу. Один... два... три... четыре...»

– Подключаюсь, – моментально среагировал Армстронг. Крохотный голубой курсор замигал на цифре четыре, послышался характерный звук зуммера.

Затем раздался резкий щелчок, цифра четыре растаяла, и появилось суровое лицо Хансена. На голове у него красова-

лась шляпа. Он бесстрастно смотрел на Армстронга, не произнося ни слова.

– Уходите или пришли? – осведомился Армстронг.

– Ухожу. Впрочем, никакой разницы. Эта линия включается в любом случае, здесь ли я или нет. – Он холодно глядел с экрана. – В чем дело?

– Я-в «Лонгчампе» с приятельницей. Кажется, за ней следят.

– Ну и что? Нет закона, запрещающего за кем-нибудь следить, особенно за дамой.

– А если это не просто так? Вдруг ей грозит опасность?

– Чепуха! – На бесстрастном лице сверкнули глаза. – Вы начитались дурацких книжек. Но если парень до сих пор не имел дела с полицией, вы ничего с ним не сделаете, пока он сам не схватит вас за горло.

– Просто замечательно! – В Армстронге взыграл боевой дух. – Значит, я позвонил вам просто так, чтобы вы спели мне колыбельную?

– Оторвитесь от него, уходите оттуда.

– Удирать – занятие, недостойное мужчины.

– Или, – продолжил Хансен, игнорируя это замечание, – можно завлечь его в какое-нибудь укромное местечко и пересчитать ему ребра.

– Я уже прикидывал. Это ничего не даст.

– Или, – добавил Хансен по-прежнему невозмутимо, – сделайте то, что обычно делаю я, – сами выследите «хвост»

и выясните, кто стоит за его спиной. Всегда лучше знать чужие козыри.

– У меня была такая мысль. Но раз уж я с дамой, я не могу следить за парнем, который следит за ней, тем более что я должен ее охранять. Придется этим делом заняться вам.

– Вы можете оставаться на месте, пока я не приеду? – спросил Хансен.

– Вообще-то мы собирались на выставку на Шестой авеню, но, так уж и быть, подождем, когда вы к нам присоединитесь.

– Мне нужно пятнадцать минут. – Хансен сдвинул шляпу на затылок. – Когда появлюсь, вы меня не видите – понятно?

– Да я вас вообще знать не знаю, – согласно кивнул Армстронг. Выключив монитор, он вернулся к Клэр.

– Четвертый столик свободен, – сокрушенно сказал он, тяжело опускаясь в кресло.

– Боже мой! – воскликнула Клэр, приложив к блеснувшим глазам платочек размером чуть больше почтовой марки. – Вы о том человеке? Ну, вы не лучше Боба! – Отрезвленная его спокойным взглядом, она добавила: – Он вышел сразу за вами.

Армстронг сделал знак официанту. Лучше пока замять это дело. Пусть она успокоится, в ближайшие четверть часа ее ничто не должно огорчать. Но за кем следил рыжий сейчас, за Клэр или за ним?

С минутным опозданием прибыл Хансен в сопровожде-

нии Мириам и приземистого малого, на вид отпетого хулигана, в грозящей лопнуть по швам кожаной куртке. Трио с достоинством продефилировало мимо Армстронга, взглянув на него, как на пустое место, и заняло столик в глубине зала, левее.

Болтая с Клэр и одновременно стараясь не пропустить все еще отсутствовавшего соглядатая, Армстронг дал Хансену с друзьями время на то, чтобы пропустить по стаканчику, затем встал и помог своей даме надеть манто.

Они направились на выставку и провели два часа среди впечатляющих голограмм-экспонатов, наблюдая демонстрацию передвижной телеустановки с десятифутовым экраном. Они сошлись во мнении, что цветовая насыщенность и объемность изображения выше всяких похвал. Телевидение почти достигло предела своих возможностей.

Оттуда они направились в ночной бар, а затем Армстронг на своей машине отвез Клэр домой. По дороге ничего не случилось, и до самого возвращения к себе он не замечал Хансена или еще кого-нибудь. Чувствуя раздражение оттого, что ничего необычного не происходило, Армстронг задумался: а не слишком ли он драматизирует всякие пустяки?

Мысленно перебирая детские воспоминания, Армстронг подумал, что всегда и во всем был воплощением нормальности. Ни живостью ума, ни причудливостью фантазий, ни вздорностью капризов он не превосходил любого здорового ребенка. Лишь позже он развил в себе свою одержимость и

склонность к мрачным предчувствиям. Почему, почему, почему? Он сердито смотрел в стену, которая, казалось, молча вторила: «Почему, почему, почему?»

Начало светать, затем наступило утро, а он все ломал голову над одними и теми же вопросами, с томительной безысходностью не находя на них ответа. Усталый, он тупо слонялся по квартире, пока наконец в половине одиннадцатого не позвонил Хансен.

– Я потратил на это дело много времени, – заявил Хансен, – зато впервые оказался участником целой кавалькады.

– Что значит «кавалькады»?

– Возглавляли ее вы и ваша подруга. Затем – тип, который следил за вами. Провисев у него на «хвосте» целый час, я вдруг обнаружил, что кто-то висит на «хвосте» у меня. Поэтому мы с Питом разделились, и, таким образом, я отвязался от этого последнего шпика. Он прицепился к Питу, а я последовал за ним. Выстроилась такая цепочка: вы, затем ваш «хвост», затем Пит, затем тот, другой тип, затем я. Хорошо еще, что вам не взбрело в голову кататься всю ночь – к утру за вами таскалась бы половина Нью-Йорка.

Армстронг нахмурился. Этот рассказ озадачил его вконец.

– Что дальше?

– Первый отстал, когда вы приехали домой. Топтун отправился на подземную стоянку на Восьмой авеню, пересел в другую машину и поехал вот по этому адресу на Сайпрес

Хиллз. – Хансен зачитал адрес, затем продолжил: – Конечно, остальные участники парада тоже побывали на Сайпрес Хиллз: там Пит бросил все и отправился домой. Тот, кто следил за Питом, последовал за ним, но на полпути отстал. Для этого Мириам пришлось проделать прямо-таки цирковые номера с нашим автомобилем. В результате остались двое – этот последний хвост и я. Ни за что не угадаете, куда он меня привел.

– Куда? – осведомился Армстронг.

– Четвертый этаж Манхэттенского банка. Он вызвал ночной лифт с таким видом, будто направляется к себе домой. Дальше идти я не мог.

– А что находится на четвертом этаже?

В первый раз на длинном лице Хансена появилось какое-то выражение: странная смесь разочарования и приятного предвкушения того, что он сейчас скажет своему собеседнику.

– Судя по индикатору, лифт действительно остановился на четвертом этаже. К тому же в окнах четвертого этажа горел свет... – Хансен, словно дразня собеседника, умолк. – Весь четвертый этаж, как оказалось, занимает местное отделение ФБР.

– Что? – вырвалось у Армстронга.

– То, что слышали. – Хансен опять был невозмутим. – И поэтому я считаю своим долгом поинтересоваться: что все это значит и во что вы меня впутали?

– Мне-то, черт возьми, откуда знать?! – Почти сразу Армстронг почувствовал, что произнес не те слова, которые следовало.

– Что ж, в таком случае, – с мрачным скепсисом заметил Хансен, – советую вам съездить туда и самому расспросить ФБР. – Сурово посмотрев на Армстронга, он отключился.

Армстронг сел и стиснул голову руками. Что губит ракеты: лазер с Марса или диверсия на Земле?.. Удирать – занятие для женщин... «Виталакс» даст вам жизнь – даст ли?.. Лучше съездить туда и спросить у ФБР... Сильные руки сохраняют мир. Кратер в две мили глубиной и диаметром в пятьдесят...

Я – Озимандис, царь царей, – пристально вглядываюсь а деяния свои – с высоты величия своего и скорби своей...

«Гильде Бра»... «Виталакс»... Лучше пойти и спросить ФБР...

Лучше пойти и спросить ФБР!

4

У человека из ФБР было такое широкое и костистое лицо, какого Армстронгу видеть еще не доводилось. Больше всего он походил на портновский манекен. Сидя за черным полированным столом, он прислонил визитную карточку посетителя к небольшому календарю и принялся изучать Армстронга бесстрастными зеленоватыми глазами.

– Какие у вас проблемы, мистер Армстронг?

– За мной следят. Кто-то из вашей компании. Я желаю знать почему.

– Конечно, это ваше право! – Представитель ФБР едва заметно улыбнулся. – Собственно, мы и рассчитывали, что вы придете к нам после того, как Хансен снабдил вас информацией.

Армстронг откинулся в кресле и едко осведомился:

– Откуда вам известно, чем снабдил меня Хансен?

– Наш сотрудник доложил, что Хансен не отставал от него почти весь вечер. Агент не пытался скрыться, так как Хансен достаточно хорошо нам известен. – Человек за столом опять улыбнулся. – И, без сомнения, он доставил себе некоторое удовольствие, приведя прославленного Хансена сюда.

– Фу! – отвращением выдохнул Армстронг.

– Однако, – продолжил тот, – должен вам сообщить, что вам не о чем беспокоиться. Вас снабдили «сопровождаю-

щим» исключительно потому, что мы отечески присматриваем за мисс Мэндл.

– Тогда почему вы предполагали, что я к вам приду?

– Потому что ваш приход доказывает, что у вас нет ни малейшего представления о том, почему за вами следят. Это, в свою очередь, доказывает, что вы не знаете, почему нас интересует мисс Мэндл. – Он отсутствующим взглядом посмотрел на календарь. – Вы рассказали ей о событиях последней ночи?

– Нет.

– Она знает, что за ней следят?

– Не думаю. Она сначала обратила внимание, но затем решила, что это совпадение. – Армстронг почувствовал легкое раздражение. Его собственное маленькое расследование грозило превратиться в нечто значительно большего размаха. – Но почему все-таки вы установили надзор? В чем вы ее подозреваете?

Проигнорировав вопрос, агент пристально взглянул на Армстронга и осведомился:

– Не кажется ли вам, что мисс Мэндл слишком быстро отказалась от мысли о слежке? Не думаете ли вы, что она разыграла спектакль? Ее поведение показалось вам естественным, или она была чем-то взволнована?

Армстронг ответил:

– Любой человек в здравом уме с первого взгляда понял бы, что мисс Мэндл далека от самой мысли о преследовании.

Преследовать ее нет никаких причин. Зачем это понадобилось вам?

– А вам? – спросил агент. – Это мое дело, – фыркнул Армстронг.

– Конечно! И наше – тоже! – Федеральный агент встал. – Видите ли, мистер Армстронг, нам нужно убедиться, что мисс Мэндл не осведомлена о некоем обстоятельстве, о котором, как мы надеемся, она не знает. Либо – если она все-таки в курсе дела, то не сообщила ли она о нем кому-нибудь еще. Из ваших слов следует, что мисс Мэндл этой информацией не обладает... – Почему не спросить ее прямо?

– Потому что мисс Мэндл, с ее умом ученого, сразу же осознает значимость предмета. Боюсь, что с помощью дедукции она быстро докопается до истины, чего нам бы не хотелось.

– Значит, эта информация – научного характера?

– Можете так считать. – Взяв визитную карточку, он протянул ее Армстронгу – деликатный намек, что разговор закончен.

Армстронг поднялся и сунул карточку в карман жилета.

– Это имеет отношение к полетам на Марс?

Федеральный агент и глазом не моргнул:

– Сожалею, но в настоящий момент не могу ответить на ваш вопрос.

– Допустим, я сообщу мисс Мэндл, что ФБР наступает ей на пятки?

– Нас больше устроило бы, чтобы вы этого не делали. Но мы не можем принудить вас молчать. – Федеральный агент спокойно рассматривал Армстронга. – Мисс Мэндл, скорее всего, недолго будет нас интересовать. Но если вы вмешаетесь, мы расценим это как враждебный акт и возьмемся за вас тоже. Тем не менее вы вольны поступать как считаете нужным.

– О, черт! – Армстронг был озадачен и отнюдь не обрадован. – Мне не нравится наш разговор – сплошные загадки и ничего конкретного. По крайней мере, вы могли бы объяснить, почему за нами следил еще и тот тип с Сайпрес Хиллз.

Агент нахмурился.

– Кое в чем нам предстоит разобраться. Впрочем, Хансен тоже не дремлет, и вы, вероятно, узнаете причину почти одновременно с нами.

– Отлично. – Твердо ступая, Армстронг направился к выходу. – На том и закончим.

– Сожалею, но не могу ничем помочь, – произнес хозяин кабинета, когда Армстронг уже закрывал за собой дверь.

Выйдя на улицу, Армстронг направился к ближайшему видеофону, позвонил Хансену и с подробностями пересказал весь разговор.

– Короче, – заключил он, – ФБР «пасет» бедняжку Клэр на тот самый случай, если она обнаружит, что Санта-Клаус – это всего-навсего ее собственный переодетый папочка, и устроит революцию среди разочарованных детишек.

– Вы просто паразитируете на моем уме, – мягко произнес Хансен.

– Что? – Армстронг, моргнув, уставился в бесстрастное лицо.

– Этот толстяк из Бюро надавал вам целую кучу козырей.

– В самом деле? Каких?

– Во-первых, они не могут допрашивать мисс Мэндл, ибо боятся, что она их перехитрит и узнает истину. Во-вторых, они рассчитывают, что одной лишь ее проницательности явно не хватит, чтобы добыть эти факты. В-третьих, они боятся, что она узнает эти факты каким-либо иным путем. В-четвертых, они также боятся, что кто-нибудь, владеющий данной информацией, предоставит ее ей.

– Дальше, – подбодрил Армстронг.

– Они не могут проверить того, кто мог бы сообщить ей эти данные. Почему? Ответ прост: потому что он мертв! Кто же из тех, кто сейчас мертв, был так близок к Клэр Мэндл, что...

– Боб Мэндл.

– Однако вы понятливы. – Темные глаза Хансена твердо, не мигая, смотрели с экрана. – Вне всякого сомнения, она имела отношение к чему-то, чем он непосредственно занимался, а его сестра – нет. Может быть, еще один Манхэттенский проект. Может, правительство где-нибудь на чердаке собирает квантовую бомбу. Не знаю. И будь я проклят, если хочу это знать. Предпочитаю держаться подальше от таких

дел.

– Ваше дело – сторона, можете не волноваться, – уверил Армстронг.

– А вы меня не успокаивайте. Я звонил в ФБР еще до того, как вы туда собрались. Мне ответили, что против вас у них ничего нет. – Хансен посмотрел вниз на свой стол. – Только что я получил еще три рапорта. Вы за ними приедете или предпочитаете получить по почте?

– Отправьте почтой, – распорядился Армстронг. Выключив видеофон, он подошел к машине и сел, не заводя мотор. Несколько минут он с отсутствующим видом глядел в ветровое стекло, пока его мозг перетряхивал факты.

Предположим, он позвонит Клэр и решительно спросит... Что дальше? В любом случае, как задать вопрос? «Располагаете ли вы какой-либо официальной информацией, владеть которой вам не следует?» Черт возьми, это глупо! «Говорил ли вам Боб когда-либо то, что он не должен был говорить, и если да, то что именно?» Да ему укажут на дверь, не успеет он и глазом моргнуть!

Она выгонит его, даже если он пустит в ход все свое обаяние, и будет права, трижды права, тем более что, скорее всего, она ничего-таки не знает. С другой стороны, если Боб что-то и рассказал ей, как брат сестре, по-родственному, вряд ли она выложит это по первому требованию совершенно чужому человеку. К тому же подобный инцидент отнюдь не улучшит их отношений. Значит, допрос Клэр Мэндл ис-

ключен. Армстронг сразу же выбросил эту мысль из головы.

Что все-таки хочет от нее ФБР? Он чувствовал, что здесь скрывается пропущенное звено его собственной головоломки. Причем звено ключевое. Может быть, ухватившись за него, он вытянет всю Цепь?..

В этом деле спешить нельзя. Самая быстрая дорога к истине – в данном случае – отнюдь не прямая. То, что не должна знать Клэр Мэндл, вероятно, не следует знать и ему. Если об этом умолчали в ФБР, то можно побиться об заклад, что никакой другой бюрократ с ним не разоткровенничается.

Армстронг встрепнулся, решив хотя бы на время выбросить из головы осточертевшие мысли. Доехав до центра, он поставил машину на стоянку и вошел в кинотеатр на Пятидесятой улице. Там показывали кинохронику – отличное средство успокоить разыгравшееся воображение.

Щурясь в полутьме, он нашел свободное кресло, сел и поднял взгляд на экран. Там, среди живописного ландшафта Северной Дакоты, возвышались свадебные виселицы, многократно раскритикованные как признак безвкусицы и дурного тона. В петлях, пропущенных под мышками, раскачивались бок о бок жених и невеста, глупо улыбаясь в камеру, а священник с козлиной бородкой, подвешенный таким же образом, бормотал соответствующие молитвы. Развалясь в кресле, Армстронг хмуро смотрел на эту сцену.

Кадр сменился. На сей раз беспорядки в Индии. Мусульмане, атакующие процессию буддистов, и вооруженная ду-

бинками полиция, избивающая и тех, и других. Крупным планом – потные, фанатичные физиономии, трупы в сточных канавах. Мимолетные кадры горящего древнего храма, и на его фоне мрачная фигура Великого Бога Ганеши...

Затем спуск на воду «Железного Герцога», крупнейшего английского линкора. Разбитая о борт бутылка шампанского, поднятый флаг и какой-то тип с лошадиным лицом, дирижирующий военным оркестром. Сильные руки защитят мир.

Первый полет нового русского бомбардировщика. Аплодисменты, музыка, дробь марширующих колонн. Сильные руки защитят мир.

Крошечные точки, с огромной скоростью несущиеся по небосводу, – новейшие американские стратосферные истребители, за час покрывающие тысячи миль. Победа, победа, аллилуйя! Сильные руки защитят мир.

Затем последовала круговерть новых фасонов шляпок, платьев и купальников, каких-то бесполезных технических новинок, а под занавес – панегирик новейшему музыкальному автомату – с клавиатурой, позволяющей выбирать нужную мелодию, с экраном, изображающим соответствующих исполнителей. Зрителям и слушателям предлагался рекламный ролик: накурившиеся марихуаны юнцы, терзающие слух шлягером «Крошка, танцуй веселей». Что ж, солидно, восемь ударов на такт.

Его глаза привыкли к полумраку; Армстронг посмотрел по сторонам, изучил поблекшую блондинку в соседнем крес-

ле. Ее челюсти что-то пережевывали, глаза впились в экран, левая нога постукивала в ритм гроыхавшему музыкально-автомату. Начальная стадия сонолепсии.

Армстронг глянул в противоположную сторону. Там, вяло раскрыв рот уставясь в пустоту, дергался прыщавый тинейджер, безуспешно стараясь вписаться в ритм.

Толкнув тинейджера локтем, Армстронг рывкнул:

– Брысь!

Юнец перестал трястись и повернул очкастую физиономию к Армстронгу:

– А? Что?

– Прочь! – поднявшись во весь рост, прорычал Армстронг. Юнец рефлексивно поджал ноги, но лишь только Армстронг прошел, снова уставился в экран, открыв рот, а мысль о том, что же такое ему сказали, не успев даже оформиться в его голове, бесследно растворилась.

Армстронг отправился домой. Что-то шевелилось и корчило в глубине его сознания, словно искалеченная змея. Таинственное и неуловимое нечто, которое он никак не мог ухватить, ощущение чего-то смутно знакомого и столь же смутно опасного... Обычно, когда на него накатывало такое состояние, он справлялся с ним одним и тем же способом: сначала пытался распознать эту мысль, а потом, потерпев неудачу, от нее избавиться.

На сей раз ему помогла крошечная булавоочная головка, поблескивающая в центре двери, словно глаз насекомого.

Остановившись с ключом в руке, он внимательно осмотрел мерцавшую бусинку, затем быстро глянул на верхнюю и нижнюю лестничные площадки. Не дотрагиваясь до двери, он убрал ключ в карман и тихонько удалился.

Очутившись на улице, Армстронг посмотрел на окна своей квартиры, убедился, что они не светятся, и из угловой аптеки на противоположной стороне позвонил Хансену.

– В мою дверь вмонтирована катодная трубка типа «муравьиный глаз». Она зажигается, если дверь открывают, не воспользовавшись специальным непроводящим ключом. Сейчас эта трубка горит. Кто-то забрался в квартиру.

– Вызовите полицию, – предложил Хансен.

– Сначала я так и хотел сделать, но лотом мне пришла в голову идея получше. Я хочу, чтобы вы позвонили мне домой. Если кто-то снимет трубку, вы скажете, что это полицейская проверка, и попросите позвать меня. Если у них имеется сканер, отключающий экран, вы потребуете его заблокировать. – Он воинственно оскалился. – Это заставит гостей пуститься в бег. А я посмотрю, куда они направятся.

– О'кей, – согласился Хансен. – Хотел бы я знать, чем все это кончится. Начинаем. – Он отключился.

С небрежным видом Армстронг вышел из аптеки и, пройдя по улице, скользнул в темный подъезд напротив своего дома. Ждать пришлось дольше, чем он предполагал. Прошло пятнадцать томительных минут, затем двадцать. Никто не вышел из дома, никто туда не вошел. Армстронг нервничал.

Черт возьми, неужели незваные гости почуяли неладное? Но это могло случиться, только если они знают Хансена в лицо. И это тоже весьма примечательный факт.

Армстронг то и дело смотрел на часы. Шла уже двадцать вторая минута, когда на улице внезапно появились два автомобиля. Они с визгом остановились у его подъезда. Из первой машины выпрыгнули четверо полисменов, из второй появился Хансен. Взгляд его был настороженным.

Выйдя из своего укрытия, Армстронг перешел улицу.

– Что-нибудь не так?

– Я звонил три раза, – сообщил Хансен, – но так и не дождался ответа. Вы о себе знать не давали, поэтому я решил вызвать полицию.

– Хм-м!

– Я же не знал, где вы. Может, вы зашли в квартиру и наорвались на неприятности. Так что не обессудьте. Пойдемте, надо посмотреть, что там делается.

Все шестеро поднялись по лестнице и подошли к двери, на которой поблескивал крохотный огонек. Вставив ключ в замок, Армстронг отпер дверь, широко распахнул ее, и в тот же миг могучий полицейский, оттолкнув его в сторону, проскользнул в дверной проем с пистолетом на изготовку, шаря свободной рукой в поисках выключателя. Наконец вспыхнул свет. Полицейский сделал четыре шага, остановился и воскликнул:

– Труп, будь я проклят!

Оттеснив Армстронга, в квартиру вошли остальные. Внутри царил неопиcуемый беспорядок. Дверцы шкафов были распахнуты, ящики выдвинуты, их содержимое валялось на полу. От сквозняка в воздухе порхали бумажки. Даже ковры оказались изодраны в клочья. В центре стояло кресло – в нем покоился труп, и его спокойная лоза жутко контрастировала с хаосом вокруг. Крови на теле не было, и, если бы не упавшая на грудь голова, ничто не указывало бы на то, что жизни в нем не больше, чем в манекене.

Приподняв волосатой рукой подбородок покойника, первый полицейский взгляделся в мертвое лицо.

– Готов! – Он обежал взглядом присутствующих. – Кто-нибудь его знает?

Не сводя глаз с худощавого, посиневшего лица и жестких взъерошенных волос, Армстронг сказал:

– Я не вполне уверен, потому что никогда не встречался с ним лично, но думаю, что этого человека звали Кларк Маршал.

– Тот самый, помешанный на ракетах? – быстро вставил Хансен. Армстронг кивнул.

– Если вы вызовете Билла Нортонa из «Геральд» и покажете ему картинку по монитору, он его опознает. Нортон хорошо знал Маршала.

Взявшись за телефон, полицейский несколько раз набрал номер, затем бросил это занятие.

– Черта с два! Отключен. – Он обвел комнату професси-

ональным взглядом. – Тот, кто здесь поработал, видать, чертовски спешил. – Полицейский пожал плечами и сказал, обращаясь к своим товарищам: – Я вернусь к машине и вызову экспертов. Попрошу их взять с собой Нортон. – Он вышел.

Другой полицейский сказал Армстронгу:

– Обычно воры не громят все подряд, а громилы не воруют. Похоже, тут побывали и те, и другие. Что им было нужно? У вас есть какие-нибудь соображения на этот счет? Если да, то посмотрите, нашли ли они то, что искали.

– Что они могли искать – не представляю, – Армстронг пожал плечами.

Стоявший рядом Хансен улыбнулся и подчеркнуто широко зевнул, на лице его был написан откровенный скепсис. Армстронг обернулся к нему:

– Это правда. Я совершенно без понятия. – Он помолчал, затем со злобным удовлетворением добавил: – Но, если повезет, я скоро узнаю, кто это сделал.

– Ваше доверие в высшей степени льстит мне, – сказал Хансен.

– От скромности вы не умрете, – ядовито усмехнулся Армстронг. – Если бы я полагался только на других, я бы никогда ничего не добился, даже если бы все вокруг так же честно отработывали свой гонорар. Я имел в виду не вас и не полицию. Я имел в виду конструкцию настенных часов.

– О! – Слегка смутившись, Хансен направился к внушительному механизму, висевшему на дальней стене. Теперь,

подойдя ближе, он видел, что подвеска была толще обычной, а внутри поблескивало что-то, похожее на линзу. Если бы не замечание Армстронга, он сто раз прошел бы мимо, не обратив внимания на эту деталь. Хансен уязвленно облизал тонкие губы.

Пока трое полицейских с нескрываемым удивлением наблюдали за этой сценой, Армстронг легким движением потянул часы на себя и, услышав щелчок, освободил от фиксаторов и положил их на стол.

В открывшейся нише Армстронг аккуратно разъединил несколько проводов и достал небольшой блестящий прибор, в торце которого была вмонтирована трубочка с линзами на концах. Все это он положил рядом с часами.

– Внутри этой штуки, – сообщил Армстронг, – семьсот футов одномиллиметровой пленки. Ее можно проявить. Эта камера включается, как только срабатывает сигнализатор на двери. Если Бог на нашей стороне, дело в шляпе.

– Ну и ну! – прошептал кто-то из полицейских, затем добавил еще более уважительно: – Вот это парень!

Армстронг немедленно принялся за дело и не успел еще закончить, когда прибыли эксперты и Нортон.

– Это Кларк, ясное дело! – возбужденно сказал Билл. – Боже мой! Я с ним только вчера разговаривал...

– Да? – Армстронг умело заправил кассету в аппарат и начал перематывать пленку. – Он говорил, что придет сюда?

– Я сам направил его к тебе. Я позвонил ему и сказал,

что некто Армстронг спятил точно так же, как и он, и хочет его видеть. Сумасшедших тянет друг к другу, верно? Сегодня утром он объявился. Я раз шесть пытался до тебя дозвониться.

– Меня не было дома. Большую часть дня я провел в ФБР.

– Он был как рыба на сковородке, – говорил Нортон. – Вел себя так, словно за ним охотился дух его бабушки. В конце концов я дал ему твой адрес, и он сказал, что поедет к тебе сегодня, только позже. – Нортон провел рукой по взъерошенным волосам. – В голове не укладывается! Он просил дать ему адрес, где его ждала смерть! Надо же!

Поглядывая на часы, Армстронг проявлял пленку.

– "Рыба на сковородке". Что это значит? Он боялся?

– Ну, этого бы я не сказал. Скорее, он был похож на человека, который ждет, что на него вот-вот вденут смирительную рубашку. Как будто он что-то прятал, а что – сам толком не знал. И это чертовски ему мешало. – Нортон всмотрелся в аппарат, над которым колдовал Армстронг: – Что за чертовщиной ты занимаешься? Масло взбиваешь?

– Примерно. Хочу смазать дорогу, чтобы кое у кого колеса забуксовали!

Оттеснив Нортон в сторону, в комнату вошел капитан полиции. – Вы Джон Дж. Армстронг?

– Да.

– Врач говорит, что этот человек умер три-четыре часа назад. Причина смерти пока неизвестна. – Капитан смерил

Армстронга взглядом. – Где вы находились в это время?

– В ФБР.

– Вот как? – Капитан от неожиданности вздрогнул. – Если в этом деле участвует ФБР, то, пожалуй, я позвоню им прямо сейчас.

– Это было бы весьма кстати, – одобрил Армстронг. Вытянув из бачка конец пленки, он вставил его в электросушилку и, когда капитан вышел, подмигнул Нортону.

Хансен просунул голову в дверь:

– Долго еще? – Минут пять.

– Я включу проектор и подготовлю экран. – Спасибо. – Продолжая перематывать пленку, Армстронг услышал, как в соседней комнате зазвонил видеофон, и флегматично заметил Нортону: – Смотри-ка, они восстановили связь. Держу пари, что это звонит миссис Сондерс из Хартфорда, и она сейчас скажет, что у нее там настоящий погром. Поговори с ней и попроси ее не переживать.

Не успел Нортон сделать шаг, как в комнату вошел полицейский.

– Теперь с телефоном все в порядке. Вам звонят – сказали, что пытаются дозвониться уже несколько часов, какая-то миссис Сондерс из Хартфорда. Говорит, что ваша лаборатория разгромлена и сейчас там черт-те что творится. С ней беседуют тамошние полицейские.

Нортон уставился на полицейского, потом на Армстронга, потом опять на полицейского. С трудом проглотив комок в

горле, он выговорил:

– Будь я проклят, если меня прельщают лавры пророка! –
Затем он направился к видеофону.

Озадаченному полицейскому Армстронг объяснил:

– Билл ответит. Я так и думал, что лаборатория не избежит той же участи. Вряд ли эти ребята упустили бы ее из виду. – Вставив пленку в микропроектор, он посмотрел в объектив и присвистнул: – Отлично! Ловушка сработала? – И Армстронг направился в соседнюю комнату. Там находились пятеро полицейских в форме плюс четверо экспертов, Хансен и Нортон. Последний как раз закончил утешать миссис Сондерс.

– Она говорит, что все перевернуто вверх дном. Трудно сказать, уцелело ли хоть что-нибудь вообще.

Армстронг хмыкнул, выключил свет и нажал кнопку на проекторе. Яркий луч, прорезав темноту, осветил небольшой экран на противоположной стене. На экране появилось миниатюрное, размером два на три фута, изображение комнаты. Зрители увидели, как дверь медленно приоткрылась.

Какой-то человек осторожно проскользнул внутрь, закрыл за собой дверь, проверил, надежно ли она заперта, и после этого быстро обследовал квартиру. Он был среднего роста и телосложения, с рыжими волосами, одет в серый костюм.

– Парень из Сайпрес Хиллз, – шепнул Хансен, ткнув Армстронга локтем. Тот кивнул.

Подойдя к маленькому деревянному бюро, стоявшему левее двери, рыжий ловко открыл его и быстро просмотрел содержимое. Он явно спешил – ненужные бумаги и документы разрывались и как попало бросались на пол. Очевидно, он не нашел того, что искал. Опустошив бюро, он простучал его со всех сторон в поисках тайников, перевернул и обследовал дно. Затем, убедившись, что в бюро ничего больше спрятано быть не может, человек повернулся к дюралевому письменному столу и с той же лихорадочной поспешностью проделал с ним те же операции. Не повезло ему и здесь.

На секунду он остановился и посмотрел на часы. Бледно-голубые глаза взглянули прямо в камеру, но их хозяин так и не заподозрил, что каждый его шаг фиксируется на пленке. На лице было написано одно только нетерпение.

С новой энергией он принялся сбрасывать с книжных полок книги, основательно перетряхивая их одну за одной. После этого его внимание переключилось на кресла и диван, он перевернул их и тоже простучал. Затем настал черед ковров и паркета, для чего рыжему пришлось опуститься на четвереньки.

Не удовлетворившись, он направился в спальню, пропав из поля зрения камеры, но пленка продолжала воспроизводить шум его движений и звук передвигаемой время от времени мебели. Это продолжалось минуты две, а затем кто-то громко постучал в дверь.

Рыжий вновь появился на экране. Он быстро, по-кошачьи,

приблизился к двери, осторожно встал сбоку и, глядя своими тусклыми глазами на замок, приложил ухо к косяку. Достав из кармана предмет, похожий на небольшой фонарь, он сжал его в правой руке.

Невидимый посетитель постучал снова. Рыжий не шевелился. Потом стук раздался в третий раз. Около трех минут рыжий стоял у двери, готовый, видимо, ко всему, а затем... Пленка кончилась. Армстронг включил свет.

– Проклятие! – взвыл полицейский капитан. – Если бы побольше метража!

– Это тот тип, которого мы вели до Сайпрес Хиллз, – заявил Хансен. Он мрачно посмотрел на тело, уже перенесенное на диван и накрытое простыней. – Жаль, что вы не сняли до конца! Хотел бы я узнать, как это случилось!

– Десять против одного, что Кларк не ушел, как надеялся этот рыжий, – предположил капитан. – Он постучал раза три, потом прогулялся за газетой или сигаретами, вернулся, сел около двери и стал ждать, когда вернется мистер Армстронг. А когда взломщик открыл дверь, Кларк застукал его с поличным. Что случилось потом, каждый может себе представить, но этот рыжий – именно тот, кто нам нужен. – Он взглянул на Хансена: – Вы знаете, где он живет?

– Я знаю, куда он меня привел. – Хансен назвал адрес в Сайпресс Хиллз. – Еще за ним следило ФБР. Может, у них информации больше.

– Это мы тоже отработаем. – Капитан повернулся к Арм-

стронгу: – Вам придется отдать этот фильм нам. Боже, что за улика! – Его мясистое лицо выражало восхищение. – Самая изящная ловушка, которую я видел в жизни и которая работала. Поздравляю! Жаль, что у вас нет другой такой штуки в Хартфорде.

– Найдется и там. Если я вам больше не нужен, то я хотел бы именно туда и отправиться.

– Конечно, поезжайте! Будь я проклят, если у меня есть причины вас задерживать.

– Спасибо. – Армстронг достал ключ от входной двери и протянул его Хансену: – Закроете потом, ладно? Я позвоню вам в контору сразу, как вернусь: – Он снова посмотрел на капитана полиции. – Если появятся люди из ФБР, надеюсь, вы им все объясните.

Кивнув Нортону, который уже спешно царапал в блокноте какие-то каракули о покойном Кларке Маршале, он вышел и сел в машину.

Он ехал очень быстро, но спокойно. Серые глаза с обманчивой небрежностью следили за дорогой, изредка поглядывали в зеркало заднего вида и снова возвращались на стремительно бегущую ленту асфальта.

Через час с небольшим Армстронг достиг развязки, где сходились пять дорог. Такой случай упускать было жалко. Обогнав тяжелый грузовик и увернувшись от двух встречных «седанов», он свернул, стремительно описал круг и вновь выскочил на ту же трассу. И, не теряя времени, раз-

вернул машину поперек дороги, прямо перед носом зеленого туристского микроавтобуса, который вот уже полчаса следовал за ним как на привязи.

Как ни быстр был маневр, водитель зеленой машины успел среагировать. Увидев перед собой автомобиль Армстронга и заметив, что другая полоса занята приближающимся грузовиком, он резко затормозил и остановился буквально в ярде от преграды. Включив заднюю скорость, он попытался развернуться, но тут уже Армстронг оказался на высоте. Подбежав к зеленой машине, он резко распахнул дверцу и рванул рыжего водителя за левую руку.

Подобно многим атлетически сложенным людям, Армстронг имел лишь приблизительное представление о собственной силе. Он выдернул рыжего из-за руля, как куклу, и не успел тот коснуться ногами земли, как огромный кулак ударил его прямо в челюсть. Рыжий, пролетев по воздуху пару ярдов, грохнулся наземь и затих. Словно свечка потухла.

Слегка удивленный тем, что его удар оказал подобный эффект, Армстронг подул на костяшки пальцев, огляделся и обнаружил, что собрал аудиторию. Из грузовика, остановившегося ярдах в пятидесяти, высунулся водитель и с любопытством смотрел на происходящее; какая-то легковушка притормозила у обочины, и непомерно толстая женщина с целым выводком ребятишек тарасила на него глаза, как будто здесь снимают кино. Позади машины Армстронга плавно остановился черный лимузин, из которого не спеша вышли два человека. – Отыскав носовой платок, Армстронг перевернул бесчувственного рыжего лицом вниз, завел ему руки за спину и приготовился связать, когда заметил, что к нему приближается парочка из черной машины. Оба были плечистые парни, но Армстронгу не чета.

Один из них выставил ногу и слегка пнул ботинком лежавшего пленника.

– Вы нас опередили, мистер Армстронг, – заметил он, и в

его руке сверкнула золотая бляха. – Мы офицеры ФБР. – Он задумчиво посмотрел на рыжего. – Мы сразу его засекли, как только он увязался за вами. Зря вы так. Лучше бы веревочке виться дальше – глядишь, этот тип размотал бы ее столько, что хватило бы его связать.

– Вы опоздали, – отрывисто сказал Армстронг. – Им уже интересуется полиция.

– О, в таком случае вы выполнили работу на отлично, – признал агент. – Мы бы его запросто взяли, только вот полиция всегда забывает нас об этом попросить. – Он вытащил наручники: – Разрешите? Мы доставим его в лучшем виде.

– Я бы с удовольствием, – отчетливо произнес Армстронг, – но мне не нравится форма ваших ушей.

С этими словами он ударил офицера в зубы. Таким ударом можно было свалить и быка... Человек с глухим стуком растянулся плашмя.

Одновременно Армстронг сделал «нырок». Толстуха, которая, раскрыв рот, все еще выглядывала из окна своей машины, должно быть, подумала, что у него глаза на затылке, так как напарник поверженного офицера, махнув своей дубинкой по воздуху, вдруг согнулся, почти упал на широкую спину Армстронга и тут же был опрокинут на землю. Первый агент попытался встать, и Армстронг прыгнул к нему, одновременно ударив второго ботинком в живот. Это вышло случайно, но удачно, и теперь он мог не опасаться валяющегося в пыли первого.

Быстрота, столь необычная в таком крупном и массивном человеке, казалось, принесла ему легкую победу, но нельзя учесть все. Занятый двумя противниками, Армстронг не заметил, как очнулся рыжий. Тот выбросил вперед ногу – в самый нужный момент, и Армстронг грохнулся на асфальт.

Не в силах вздохнуть, он перекатился на спину и услышал женский истошный вопль. Кто-то схватил его за ноги. Бледно-голубые глаза заглянули ему в лицо, а затем что-то взорвалось в его голове. И сразу все поглотил-мрак...

Сознание возвращалось медленно. Он лежал на траве, а на голове набухла шишка. Тупая пульсирующая боль мучительно отдавалась в глазах. Когда мгла рассеялась, Армстронг увидел над собой водителя грузовика и патрульного полицейского мотоциклиста. Он сел, потирая раскалывающуюся голову, и огляделся по сторонам.

Машина с толстухой исчезла, впрочем, как и машина рыжего и черный лимузин. Его собственный автомобиль стоял на обочине, а за ним притулился полицейский мотоцикл.

– Фу! – выдохнул он, осторожно поглаживая голову.

– Эти парни здорово вас отделали, – смущенно сказал водитель. – Они так быстро смотались, что я не успел запомнить номера машин.

– За ними едет мой напарник, – вставил полицейский. – Мы опоздали только на минуту, так что, может, еще успеем догнать. – Он взглянул на Армстронга: – Вы сумеете их опознать? Вы их знаете?

– Нет. Пока не знаю, – мрачно ответил Армстронг. Стараясь сидеть прямо, он сжимал голову так; словно боялся, что она рассыплется на мелкие кусочки. – Двое хотели меня надуть. Представились агентами ФБР. Якобы они меня охраняли. На самом деле они сопровождали третьего.

– Как вы узнали, что они не из ФБР?

– Никогда не слышал, чтобы люди из ФБР разъезжали в иностранных спортивных машинах или использовали наручники европейского образца.

– Значит, им будет предъявлено еще одно обвинение, – размышлял вслух полицейский. – И серьезное – имперсонация представителя закона. В любом случае, я должен представить рапорт. Пожалуйста, ваше имя и адрес. – Повернувшись к шоферу грузовика, полицейский прибавил: – Ваши – тоже, вы свидетель. – Записав данные, он спросил Армстронга: – Далеко вы направляетесь?

– В Хартфорд.

– Не наш округ, но сейчас это не имеет значения. Я поеду за вами следом. Если они за вас взялись, то могут попробовать еще раз.

Усевшись за руль, Армстронг отправился дальше; полицейский мотоцикл стрекотал позади. Вести машину было трудно, на каждый удар пульса голова отзывалась, как чугунный шар. С усилием удерживая набрякшие веки, он всматривался вперед, чувствуя, как внутри поднимается злость. Оказалось, что это была не слишком удачная идея – вот так,

с налету, покончить с рыжим. Единственное, чего он добился, – заработал шишку на голове.

Или не только? Продолжая размышлять, Армстронг пришел к выводу, что теперь у него есть вполне определенная уверенность – казалось бы, бессмысленные поиски кусочков им же самим придуманной головоломки вовсе не являются бессмысленными. Общая картина существовала, нужно только ее построить, а для этого – найти и собрать все фрагменты. Его дом и лабораторию обыскали не шутки ради. И рыжий с приятелями не просто так повис у него на хвосте. За всем этим угадывалась цель, и ее можно выяснить, если он, Армстронг, проявит чуть больше упорства и если ему немного повезет.

Эти мысли настолько успокоили Армстронга, что он прибыл в Хартфорд в куда более спокойном состоянии. Полицейский на мотоцикле отстал, дав на прощание двойной сигнал, и помчался обратно, на свой участок. Армстронга встретила миссис Сондерс; она нервно ломала руки и уверяла, что вышла всего на пару часов.

– Я успела только завернуть за угол!..

Обронив пару успокоительных фраз, Армстронг извлек из тайника скрытую камеру, обработал пленку и вставил ее в проектор.

То, что он увидел, было почти полным повторением сцены из первого фильма, разве что здесь взломщиком оказался худощавый тип с впалыми щеками, который сделал свое дело

без всяких помех. Прибыли двое хартфордских полицейских в штатском, и Армстронг прокрутил фильм еще раз, для них. Однако полицейские не опознали человека со впалыми щеками и вскоре удалились, забрав пленку как вещественное доказательство. Армстронг прибрал в лаборатории, проверил оборудование и наконец убедился, что ничто ценное не пострадало.

Ясно, что оба взломщика не нашли того, что искали. Может, они решат, что он носит это с собой? На всякий случай надо следить в оба!

Лишь через три дня он увиделся с Хансеном. Томная Мириам провела его в кабинет, где детектив беспокойно ерзал в скрипучем кресле.

– Я ошеломлен той скоростью, с какой мы бегаем по кругу, – устало заявил Армстронг.

Хансен нахмурился, порылся в столе, достал ключ от квартиры Армстронга и бросил его на стол.

– Обычно я чего-то добиваюсь, когда знаю, куда идти. Чего, черт побери, вы от меня хотите, если я работаю в потемках? Вы просите от меня информацию и время от времени зовете на помощь...

– Просто все очень скверно, – смягчился Армстронг. – Поверьте, я не стал бы держать вас в потемках, если бы сам видел хоть какой-то луч света.

– Вы всерьез хотите уверить меня в том, что топчетесь, как пьяный слон в посудной лавке, не понимая, что творится

вокруг?

– Именно так! И, черт возьми, как хочется изменить ситуацию!

– Боже мой! – не поверил Хансен. – Вы-суете свой нос в чужие дела, бросаете деньги на ветер, людей преследуют и убивают – а вы не знаете, почему!

– Послушайте! Дело не во мне. Можете думать, что я просто помешался. Но остальное идет своим чередом. Вот в чем вся штука!

– Вздор, – сказал Хансен. – Своим чередом отчалит гроб на катафалке. И в нем будете вы. – Он нахмурился еще больше. – И никто не поймет почему. – Хансен наклонился над столом и добавил: – И никто не будет знать – кто следующий?

– Вы попали в точку, – согласился Армстронг. – Это было бы неплохо – узнать, кто на очереди, после того, как меня похоронят. – Неожиданная мысль вдруг пришла ему в голову, и он с энтузиазмом добавил: – Например, вы!

– Не исключено, – мрачно заметил Хансен.

– Но, – продолжил Армстронг, – если я протяну ноги, людям следует знать, почему я их протянул. Это могло бы побудить кого-нибудь подхватить эстафетную палочку. А когда убьют и его, у меня на том свете появится друг.

– Мой бизнес ограничен этим светом, – чопорно заявил Хансен. – Астральные сферы меня интересуют, когда там станут платить полновесной монетой.

– Отлично. – Жестом руки Армстронг как бы отмел

неприятные мысли. – Я расскажу вам то немногое, что знаю, а дальше поступайте, как сочтете нужным. Короче, мне пришла в голову мысль, что катастрофы в космосе не случайны. Возможно, это чей-то умысел. Может быть, кто-то подстраивает их.

– Кто?

Армстронг наградил Хансена презрительным взглядом.

– Как вы думаете, если я знаю ответ, то зачем я, черт возьми, прыгаю, как мартышка в клетке?!

Хансен промолчал, и тогда он продолжил:

– Эту предпосылку я принял в основном ради собственного развлечения. Или еще по какой-то причине, которую я сейчас уже не в состоянии объяснить. Если допущение неверно, то все мои заключения тоже будут неверными, как бы логичны они ни были. Я отталкивался от того, что катастрофы космических кораблей организуются неизвестными лицами. Что же отсюда следует в первую очередь?

– Продолжайте.

– Эти аварии происходили в разное время, корабли создавались различными группами ученых и в различных государствах. Следовательно, никакой, даже сверхгениальный маньяк-одиночка не может быть ответственным за все катастрофы. Следовательно, за этим стоит организация, причем она должна быть действительно международной и лишенной всяких патриотических мотивов. Здесь мы подходим к первому противоречию. – Армстронг задумчиво почесал под-

бородок. – Предположим, русские хотели бы помешать нам достичь Марса раньше их; по той же причине французы могут притормозить англичан, и так далее, но зачем какой бы то ни было международной организации останавливать всех подряд? Чего они добиваются? Каковы их цели?

– Почему я знаю? – пожав плечами, сказал Хансен.

– Да, тут вроде никакого смысла нет, – кивнул Армстронг, – и именно это беспокоит меня больше всего. Неделю назад я представлял себе два решения: первое – что они продают свои услуги всем государствам по очереди, но тогда эту банду уже давно вытащили бы за ушко да на солнышко. Второе – я спятил, и мне мерещится всякая чертовщина. – Армстронг яростно поскреб голову. – Черт побери, но ведь шишка на черепахе мне не мерещится.

– Подозреваю, что, погнавшись за призраком, вы, сами того не желая, наткнулись на нечто конкретное, но абсолютно из другой оперы, – предположил Хансен. – Как тот парень, который копал колодец, а выкопал труп.

– Может быть, но вряд ли. – Армстронг на миг задумался. – Если организация существует, то искать ее нужно повсюду, потому что она наверняка прячется под самой невинной вывеской. Вот почему я держу вас на сборе информации. Хочу подвести подозрения под общий знаменатель.

– А! – заметил Хансен. Глаза его блеснули, и он снова воскликнул: – А!

– Беда в том, что у меня слишком мало данных. Да еще

эти полицейские истории, слежки и погромы... Отвлекает. Вы получили письма из Англии и Франции?

Хансен достал из ящика четыре письма.

– Извините, мне следовало отдать их вам сразу. Они пришли вчера днем. – Хансен покрутил свой перстень. – Как я понимаю, вам нужна информация об одиннадцати людях, которые упоминаются в этих письмах?

– Обязательно? – Армстронг быстро просмотрел письма и протянул их назад. – Что ж, кое-кто ответил. Даже больше народу, чем я ожидал. Некоторых людей чертовски легко напугать. Крикнешь им: «Эй!» – и они уже молчат. – Засунув руки в карманы, он вытянул ноги и вздохнул: – Хорошо бы иметь окурки сигареты с места каждого преступления, а потом поговорить по душам с тем парнем, который этот окурочек выбросил. Как в кино. – Армстронг мрачно взглянул на слушавшего его Хансена. – Разве вы не согласны, что любое преступление можно раскрыть по окурку, на котором написано имя убийцы, а?

– Так не бывает, – усмехнулся Хансен. – Во всяком случае, у меня. Мне приходится трудиться в поте лица – но в конце концов получается то же самое.

– Потеть, конечно, приходится. Всякий раз, когда мы надеемся, что к чему-то пришли, вдруг обнаруживается, что мы не пришли ни к чему. Рыжий исчез вместе со своими спасателями, и с тех пор о них ни слуху ни духу. Квартира в Сайпрес Хиллз оказалась арендованной человеком, который

уже исчез, и опять никакого ключика. Никто не может нащупать след того типа, который разгромил мою лабораторию. Кларк Маршал умирает от тромбоза сосудов сердца, точь-в-точь как Боб Мэндл, и ни один эскулап не находит в этом ничего необычного...

– Но хоть что-нибудь они узнали? – Что они могут? Божатся, что симптомы самые обычные, и такая смерть не может быть насильственной. И что сам человек не может ни съесть, ни выпить, ни ввести себе шприцем ничего, что привело бы его к подобному концу. Отсюда следует, что обе смерти были естественными, несмотря на то что последняя произошла при чрезвычайно подозрительных обстоятельствах. Вот так-то!

Оба надолго замолчали, размышляя, затем Хансен заметил:

– Мистер Армстронг, я пришел к выводу, что у всех людей, о которых вы собираете информацию, есть одно общее качество.

Армстронг подобрал ноги.

– Какое? – отрывисто спросил он.

– Все они живы.

Снова вытянув ноги, Армстронг расслабился. – Конечно, живы. Зачем мне информация о мертвых?

– Почему нет? Некоторые из них вполне могли делиться на этот ваш неуловимый общий знаменатель, когда были живы.

– Не исключено.

– А кое-кто вполне мог умереть естественной смертью.

– Что вы имеете в виду?

– То, что их, возможно, скрутил тромбоз сосудов сердца.

– В самом деле! – Армстронг мысленно повертел идею так и сяк. – Хорошо, предположим, мы обнаружили дюжину умерших от этой болезни – ну и что? Любой врач скажет нам, что для такого города, как Нью-Йорк, это – капля в море. Тем не менее я все же согласен, что это что-нибудь может значить. Но что?

– У меня есть на этот счет одно соображение, – произнес Хансен. – Вы ловко подловили рыжего этой вашей камерой, но одновременно убедились, что рыжий тоже не промах. Между прочим, наверняка вы заметили то же, что и я, и подумали об этом раз пятьдесят с тех пор. – Хансен снова покрутил перстень. – А полиции это и в голову не пришло.

– Да, – медленно согласился Армстронг. – Та штука, которую рыжий держал в руке, когда стоял у двери. Она напоминала фонарь. Но кто, скажите на милость, будет стоять за дверью с фонариком на изготовку? Это нелепо. Тем не менее он держал его так, как держат оружие. – Армстронг взглянул на Хансена: – Мне кажется, у него был газовый баллончик.

Хансен кивнул:

– Согласен. – Он облизал тонкие губы. – Я могу строить предположения об этом оружии только на основе известных фактов, пусть даже они не совсем обычны. Но я никогда не

поверю, что подобная штука – некое абсолютно неизвестное приспособление. Я пришел к выводу, что мы видели карманный газовый баллончик. Поэтому вчера днем я позвонил доктору Лоури и спросил, знает ли он какой-нибудь газ, способный вызвать тромбоз сосудов сердца.

– И что он ответил?

– Он ответил, что сама мысль об этом абсурдна.

– Ну вот, мы снова в тупике, – проворчал Армстронг.

– Он дает по десять долларов за каждое свое слово, и слов было немало, что такого газа не существует. – Снова облизав губы, Хансен добавил: – Но...

– Не тяните, Хансен? Вы не давали обет молчания?

– Но газовый раздражитель, достаточно мощный, чтобы вызвать дыхательные спазмы, в принципе мог стать причиной смерти человека с определенной стадией тромбоза. Пульс у жертвы учащается до невероятной частоты и как поршень загоняет тромб прямо в сердце.

– Ни черта это нам не даст, – заявил Армстронг, снова откидываясь в кресле. – Я своими глазами видел, как загнулся Мэндл. Он ни разу не кашлянул.

– Знаю. Я поинтересовался. Я также присутствовал на вскрытии тела Маршала. Так вот, он не вдыхал ни газ, ни что-либо другое, что оставило бы следы в его легких. Кроме того, у него не было судорог – это установлено.

– И мы опять вернулись к исходной точке. Газовый баллончик рыжего, оказывается, вовсе не газовый. – Кустистые

брови Армстронга сошлись вместе. – Сдается мне, мы заплутали в трех соснах.

– С вас сто долларов, – напомнил Хансен. – Надо торопиться получить свои деньги, пока клиент не загнулся.

Армстронг встал, отсчитал деньги.

– Дайте срок, и я выберусь из этого тупика, даже если придется рискнуть своей шеей. Хотя, надеюсь, когда я получу от вас все досье, я смогу проложить другой путь. Но для этого мне нужна информация – и чем раньше, тем лучше.

– Это уж моя работа, – сказал Хансен. – И, поверьте, я не сижу сложа руки. У меня есть кое-какие соображения.

Армстронг уже наполовину открыл дверь, но задержался.

– Не откажетесь сообщить? – спросил он.

– Дело в корреляции. Эти ребята обшарили ваш дом и лабораторию не просто так. Они что-то искали, хотя мы и не знаем, что именно. Если кто-то из вашего списка тоже подвергся обыску или был убит, это станет для меня отличным указателем. Сейчас я отрабатываю эту версию.

– Вы тратите время впустую. – Армстронг с интересом наблюдал, как Хансен открыл рот, а затем закрыл его, не сказав ни слова. – Этой версией я уже сыт по горло. Почему? А потому, что я понял – ФБР знает, что у меня искали, но предпочитает молчать. И еще они знают, что этого у меня быть не могло...

– Значит, они просто гнусные, мерзкие вруны! – Хансен почесал лоб. – Черт побери! С каждой минутой мы погружа-

емся все глубже и глубже и даже не знаем – во что!

Смирненно ссутулив широкую спину, Армстронг закрыл дверь и направился домой.

Кто-то, быть может сам Хансен, прибрал его квартиру, что его очень порадовало. Отряхнув плащ, Армстронг повесил его на вешалку, достал потайную камеру, перезарядил ее, подготовил к работе и вставил обратно в тайник.

Затем он позвонил Клэр Мэндл. Она казалась такой же опрятной и приветливой, как всегда.

– О, это вы, мистер Армстронг!

– Джон! – поправил он.

– Вот еще, – парировала она. – Мы не настолько близко знакомы.

– Именно поэтому пусть пока будет Джон. Для более серьезных дел еще слишком рано.

– Отсюда я заключаю, что вы звоните мне не для профессиональной консультации, а просто поговорить о цветах, которые появляются весной! У вас опять скрытые мотивы. – Она мелодраматически вздохнула. – Ну хорошо, можете изложить Дело... Джон!

– Послушайте, – произнес он, – я позвонил, чтобы выяснить, можем ли мы опять где-нибудь встретиться?

– Встретиться-то мы можем. Только надо ли? – Я хотел задать вам один очень важный вопрос.

– Неужели! Так быстро! – Она взглянула на него в притворном изумлении.

Он продолжал срывающимся голосом:

– Если у меня не окажется возможности задать его при встрече, я вынужден буду спросить прямо сейчас!

В ответ Клэр чуть опустила глаза. Красиво играет, подумал Армстронг, медленно наливаясь краской.

– Кто-нибудь побывал у вас? Кто-нибудь рылся в ваших бумагах? – проскрежетал он сквозь зубы.

Она озадаченно взглянула на него:

– Откуда вы узнали?

– Значит, кто-то был! – мрачно заметил он. Но про себя порадовался – само небо посылало ему отличную возможность сблизиться с ней. – Клэр, если вы хотите узнать подробности, это должно обсуждаться за чашкой чая, а не по телефону.

– Это ультиматум?

– Да.

– Bravo! – заключила она. – Ладно, я сдаюсь. Сегодня?

Армстронг истово закивал и подумал, что ведет себя совсем по-детски; впрочем, его это не смутило. Ее улыбка была искренней.

– На том же месте в тот же час?

– Приходите пораньше!

Он проследил, как растаяло на экране ее изображение, потом вдруг пнул диванную подушку ногой, несколько раз хлопнул в ладоши, пару раз проорал во все горло:

– Здорово! Здорово! Здорово! – И, успокоившись, отпра-

вился бриться.

Клэр явилась минута в минуту – в превосходно сшитом костюме и маленькой фетровой шляпке.

– Ну, – сказала она, когда они сели за столик, – как вы собираетесь посвятить меня в эту тайну?

Он сидел сцепив руки и напряженно глядел на нее. Молчаливое созерцание продолжалось довольно долго, и спустя какое-то время она усмехнулась, достала пудреницу, изучила себя в зеркальце, но обнаружить пятнышко на носу не удалось. Убрав пудреницу, Клэр наклонилась вперед и легонько ударила его по руке:

– Проснитесь! Я задала вам вопрос!

Покачав головой, Армстронг проникновенно произнес:

– Воображение! Красота! Ум! Ах, черт возьми!

– В чем дело?

– Ни в чем. Скажите мне, почему вы так совершенны?

– Наверное, потому, что вы не носите очки, – усмехнулась

Клэр. – Кроме того, уж не хотите ли вы меня обольстить?

– Боже сохрани! – горячо сказал Армстронг. – Хотя...

Она снова ударила его по руке, на этот раз сильнее.

– Хватит на меня смотреть, вы не в зоопарке? Возьмите себя в руки и рассказывайте об этих мародерах.

Обидевшись, Армстронг открыл было рот, чтобы дать достойный ответ, но в последний момент передумал и произнес:

– Ладно. Слушайте. Мою берлогу прочесали граблями три

или четыре дня назад. То же самое сотворили с моей лабораторией в Хартфорде. Что они искали – для меня загадка, и она не дает мне покоя. – Он внимательно посмотрел на нее. Сейчас нельзя ошибиться. Иначе можно угробить все дело. – Так как это произошло вскоре после нашей последней беседы, я задумался – нет ли здесь какой-либо связи. Иначе говоря, нас могли заподозрить в обмене какой-то информацией – тогда вы тоже должны были стать жертвой.

– Ясно. – Она была озадачена. – Чем же таким интересным мы могли обменяться?

– Наверное, тем, что искали в вашем доме, – подчеркнул Армстронг.

Клэр не обиделась, лицо ее стало еще серьезнее.

– Кто-то проник в дом вчера, перерыл все мои бумаги, перевернул вверх дном содержимое стола и библиотеки, но ничего не взял.

– Вы уверены, что не упустили какую-нибудь мелочь?

– Вполне.

– Может быть, что-то из архива вашего брата?..

– Оттуда тоже. – В ее взгляде появилась усмешка. – Что особенного могло быть в бумагах Боба?

– Я знаю, что он работал с правительственным заказом высшей степени секретности.

– Кто вам это сказал?

– ФБР.

Трудно было судить, попал ли удар в цель. Клэр прекрас-

но владела собой и восприняла эту информацию спокойно. Казалось, она просто задумалась над ответом.

– Боба привлекали к какому-то космическому проекту. Это я знаю точно. Но в бумагах ничего подобного нет. Единственное исключение – та статья, в которой он объяснял свою теорию слоев. Очевидно, он не вел записей на эту тему и передавал материалы прямо правительству, уничтожая черновики. Боб всегда был очень методичен и чрезмерно осторожен.

– Так и должно быть, если человек связан с секретной работой, – одобрительно сказал Армстронг.

– Насколько мне известно, сейчас готовится старт корабля под номером восемнадцать, – продолжала Клэр, – Боб наверняка занимался именно этим проектом. Я думаю, корабль будет совершенно новой, особой конструкции, основанной на последних разработках...

– Номер восемнадцать, можно сказать, уже почти при смерти, – возразил Армстронг и, внезапно решившись, принялся подробно описывать свой недавний визит в Нью-Мехико, спарринг-матч с Фазергилом и то, что узнал от Куина. – Не знаю, что подумаете вы, – заключил он, – но мне кажется, что такие задержки неспроста. Корабль как будто задерживают изо всех сил, заботясь только об одном – чтобы это не слишком бросалось в глаза.

Клэр задумалась, ее глаза вдруг стали серьезными. Наконец она сказала:

– Возникает любопытный парадокс. Корабль финансируется правительством, и большинство препятствий кажутся инспирированными опять же правительством. – Правительство строит этот корабль и само же тянет с окончанием работ. Возможно, в игре участвует кто-то еще, и это усложняет ситуацию, но давайте пока сконцентрируемся только на правительственном аспекте. Почему власти тянут с постройкой корабля?

– Конечно, не потому, что у них нет на это денег. Спросите что-нибудь полегче!

– Мы должны ответить на этот вопрос. Потому что под кажущимися противоречиями всегда кроется логика.

– Единственное, что приходит на ум, – строительство корабля могут тормозить, когда появляется альтернатива уже созданным разработкам. Но зачем они ломают уже построенное, если можно заранее спланировать сроки монтажа под окончание испытаний каждого конкретного устройства? Я знаю, что бюрократы – не люди, но не настолько же!

Она неодобрительно сморщила носик.

– По-моему, слишком уж просто. Вы сами-то верите в это?

– Не верю. Но попробуйте сочинить что-нибудь получше.

Клэр снова задумалась, и Армстронг, заказав напитки, воспользовался случаем, чтобы внимательно ее рассмотреть. Она, казалось, не замечала его пристального взгляда; в молчании прошло несколько минут, затем ее глаза вдруг вспыхнули.

– А что, если номер восемнадцать вовсе не при смерти?

Что, если он вообще не родился?

– Я вас не понимаю.

– Приманка. Подсадная утка.

– Что? – воскликнул Армстронг.

– Ш-ш! – Она посмотрела на ближайшие столики. – Не надо так кричать! – Ее голос зазвучал тише, доверительнее. – Полмира пережевывает версию о постоянных диверсиях в космической промышленности, и, конечно, правительство не могло остаться в стороне. Теперь подумайте, что бы вы сделали на их месте, если бы решили поставить суперракету на стапель, но опасались бы всех этих странных штук, происшедших с ее предтечами? – Взгляд Клэр стал острым, пронизывающим. – Что бы вы сделали?

Он хлопнул по столу огромной ручищей:

– Черт возьми! Я строил бы ее спокойно и тайком в какой-нибудь глуши, да хоть на Северном полюсе! И я строил бы другую, о которой знала бы каждая собака, в Нью-Мехико, специально для диверсантов.

– Умный мальчик! – похвалила Клэр.

– Только есть тут одна загвоздка, которая меня тревожит, – добавил Армстронг, не обратив внимания на ее сарказм.

– Откройте мне душу.

– В один прекрасный день кое-кому придется за все это отчитаться. Или оправдаться, если угодно.

– Но вас волнует не только это, верно? – подчеркнула Клэр.

– Конечно? Я вам уже говорил, кто меня волнует!

Впервые она покраснела, и он отметил это с удовлетворением. Словно прочитав его мысли, Клэр достала пудреницу и слегка приложила к лицу подушечку. Армстронг следил за нею молча.

Закончив, она едко заметила:

– Мало кому удавалось угнаться за двумя зайцами.

– А вдруг я стану счастливым исключением? – возразил Армстронг. Он подозвал официанта и, когда на столе появились новые бокалы, доверительно наклонился к молодой женщине: – Давайте прекратим подпускать друг другу шпильки. Дело-то нешуточное. У меня все внутри переворачивается.

– Да что вы говорите! – прошептала она, сделав маленький глоток из своего бокала.

– В последние дни мне не дает покоя странное чувство, – упрямо продолжал Армстронг. – Не знаю, может, я просто свихнулся.

– Что за чувство?

– Смесь дурных предчувствий, раздражения, подозрения и вообще взвинченность.

– И давно это с вами?

– Не знаю. Давно. Или недавно. Я читаю новости, и оно появляется сразу же. Я смотрю на небо, и оно уже тут как

тут. Слушаю радио, и оно пеленает меня, словно кокон. Я могу быть на седьмом небе – и вдруг самая пустячная мелочишка подрезает мне крылья. Я становлюсь капризнее примадонны.

– Вам нужна хорошая доза «Виталакса», – поставила диагноз Клэр.

Он хмуро, чуть ли не свирепо глянул на нее.

– Вот от таких слов оно и возникает! И каждый день я трачу на борьбу с ним все больше и больше сил!

Поставив бокал на стол, Клэр серьезно заметила:

– Можно сказать иначе, Джон. Вам необходимо как следует отдохнуть.

– Не думаю. Физически я совершенно здоров. Меня тревожит состояние моей психики. И на то есть основания. – Армстронг спокойно посмотрел на нее. – У меня нет доказательств, но что-то упорно подсказывает мне, что это важный кусок той загадки, которую я пытаюсь разрешить.

– Вы хотите сказать, что ваша раздражительность связана с проблемой ракет?

– Клэр, да неужели она может быть связана с чем-нибудь другим? Я уверен в этом так же, как в том, что вы сидите передо мной.

– Вы пытались докопаться до первопричины?

– Да, конечно, – только не сработало. Не понимаю, что за чертовщина. – Армстронг уныло посмотрел по сторонам и искоса глянул на Клэр. – Например, считая как-то вечером

ворон, я вдруг заметил темнокожего ладного парня в зеленом тюрбане. Очевидно, свами – его звали Шри Банерджи или как-то похоже. Я немедленно стал размышлять об индусском аскетизме. Я думал о тех, кто годами пристально вглядывается в солнце, пока не ослепнет совсем, а затем продолжает это занятие уже незрячим весь остаток своей жалкой жизни. Я думал о других, которые держат руку поднятой, пока она не высохнет, и о третьих, которые сидят на корточках, пока ноги их не деформируются, и этих людей приходится потом носить на руках. Я увидел всех их словно воочию. И я почувствовал, что сердце мое сейчас выскочит из груди – так это было больно.

Странный блеск появился в глазах Клэр, когда Армстронг умолк.

– А как вы себя чувствуете со мной? Только серьезно, без острот.

– Спокойно, – сказал он. – Спокойно, безмятежно и как-то мирно.

Ее негромкий смех напоминал звон колокольчиков.

– Как если бы я была не от мира сего?

– Вы отнюдь не ангел, и слава Богу, – ответил Армстронг. – Вы женщина. Предпочитаю вас в таком качестве.

– Это не ответ на мой вопрос.

– Я на него отвечу, – неожиданно сказал Армстронг, – когда буду владеть всеми фактами.

Их глаза смотрели прямо друг в друга, и слова ее стучали,

как барабан, в его мозгу: не от мира сего... не от мира сего...
не от мира сего... Черт подери! Люди не из этого мира! Клэр
первой опустила глаза.

6

Был час пополудни четвертого дня, с тех пор как Хансен прислал последнее досье. Армстронг отодвинул в сторону кучу бумаг, поскреб щетину и потянулся к телефону.

– Ханни на месте?

Соединяю, – медленно выговорила Мириам.

На экране появилось-суровое лицо Хансена.

– Вы получили счет? – спросил детектив.

– Да. Чек послан почтой.

– О'кей! Что-нибудь еще?

– Еще? Мой Бог, мы только начали! Я кое-что нашел в этих досье. Вы можете приехать ко мне?

– Через двадцать минут. – Хансен исчез с экрана.

Наскоро побрившись, Армстронг заметно посвежел, но круги под воспаленными глазами все же остались. Когда прибыл Хансен, Армстронг еще держал в руках полотенце.

– Рассказывайте, Шерлок, – бросил детектив, плюхаясь в кресло.

– Из ста семнадцати досье я выбрал тридцать четыре, которые объединены одним фактом. А именно – членством интересующих нас людей в «Норман-клубе».

– Хм! – На Хансена это явно не произвело впечатления. – Слышали о таком?

– Не помню. – Детектив беззаботно махнул рукой. – На

свете столько же клубов, сколько рыб в море. Большинство из них просто мыльные пузыри. Почему же «Норман-клуб» такой особенный?

– Особенностей несколько. Для начала, клуб – международный. Филиалы есть в каждой стране, практически – в каждом городе. Клубы эти закрыты для посторонних. Только сами их члены знают, зачем они туда приходят.

– Где вы раскопали этот мусор?

– В Центральном Регистре. Да будет вам известно, что все клубы и организации обязаны регистрироваться. «Норман-клуб», по документам, всего лишь литературное объединение, и никаких политических целей не преследует. Чушь собачья, за этим явно что-то кроется.

– Гм, – произнес Хансен. – Вы хотите, чтобы я проверял всю эту толпу?

– Нет, не хочу. Я собираюсь залезть прямо в их местный клоповник и сделать это сам, если сумею, конечно. – Армстронг швырнул полотенце на вешалку и сел, не сводя глаз с гостя. – Надеюсь, кое-что разужнаю. У того рыжего был эскорт, и думаю, что это – не просто так.

– Делайте, что хотите, – невозмутимо сказал Хансен. – Только дайте мне знать, если в вашем кошельке покажется дно.

– Я хочу, чтобы вы находились поблизости – на случай, если меня загонят в угол. – Наклонившись, Армстронг открыл шкаф и достал небольшой черный приборчик с крохотной

параболической антенной на торце. Протянув его Хансену, он подробно объяснил, как им пользоваться, и закончил: – Будьте готовы к шести часам вечера, угол Шестой и Западной Пятьдесят Восьмой. Однажды вы согласились со мной работать – и это был ваш собственный, осознанный выбор. Так следуйте ему.

Хансен встал, задумчиво повертел приборчик и опустил его в карман.

– Ладно. Я там буду. Но если вы умрете от тромбоза, я тут же уношу ноги. «Норман-клуб» – ха! – Он пошел к двери. – Хорошо бы он оказался просто сборищем придурков, которые коллекционируют французские романы. Очень на это надеюсь.

Усмехнувшись, Армстронг ничего не ответил и только хитро глянул Хансену вслед. Он обратил внимание на полшутливую догадку детектива: слово «Норман» вызывало ассоциации с Францией. Там, в Париже, также был филиал клуба. Но филиалы имелись и в других местах, там, где изучение французской литературы выглядело бы несколько странно.

Очевидно, что «Норман-клуб» преследует некие цели, отличные от заявленных. Название его вовсе не обязательно связано с Францией или даже с Европой. Оно связано... С чем?

Черт, опять двадцать пять... Мысли понеслись вскачь, перепрыгивая друг через друга, одна путанее другой, а в кон-

це цепочки его ждет ответ столь неясный, что, добравшись до него, он не сумеет понять, что именно получил. Это был безумный танец безумного мима, разгадать который можно лишь интуитивно, но любая попытка применить логику обречена на провал.

Нахальный клоун-мим танцевал, то появляясь, то вдруг исчезая из освещенного круга на сцене и – главное – не переставая насмехаться над зрителем:

– Давай, дружище, лови меня! Я все вижу, а ты, такой большой, не видишь ни черта! Раз, два, три, четыре, пять – где меня искать? Ни за что и никогда не поймаете меня!

От этой мысли становилось жутко. Где-то рядом скрывалась леденящую душу истина, которая ловко ускользала от Армстронга всякий раз, когда тот пытался ее схватить. Истина эта напоминала о себе постоянно – о ней говорили по радио, кричали и трубили во весь голос на переполненных улицах, с иронией она звучала в помпезных речах политиков, ее с придыханием нашептывали губы ослепших отшельников, о ней бормотали толпы молящихся.

Армстронга прошиб пот. Громоздкий и неповоротливый, как медведь в клетке, он топтался по ковру, туда-обратно, туда-обратно, туда-обратно. Под его тяжелыми шагами скрипели половицы. Туда-обратно. Когда открывается зоопарк? Пускают ли туда посетителей? Принесли они какие-нибудь булочки? "Она полюбит «Чиклеминт». Он яростно надавил правым кулаком на левую ладонь. Пора? Скоро шесть часов?

«Норман-клуб» ненавязчиво намекал о миллионах долларов в карманах его членов. У десятиэтажного здания был огромный арочный подъезд, а фасад облицован серым гранитом; и то и другое производило впечатление. За аркой находилась стеклянная вращающаяся дверь, а перед дверью располагался швейцар, наряженный, как увешанный звездами генерал игрушечной армии.

Поднявшись по широким мраморным ступенькам, Армстронг наткнулся на изящную «генеральскую» руку в белой перчатке.

– Прошу прощения, сэра, – услышал он хорошо поставленный голос.

– Пока не за что, – сказал Армстронг с дерзкой щедростью.

– Сэр, вход разрешен только членам клуба.

– А! – Армстронг сдвинул шляпу на лоб и почесал в затылке. «Генерал» наблюдал этот неизысканный жест с благовоспитанной снисходительностью, намекающей, что членство в клубе не для тех, кто привык почесываться. Между тем Армстронг оценивающе разглядывал швейцара. – Как стать членом? – спросил он.

– Нужно иметь рекомендации, сэра.

– От кого?

– От члена клуба, сэра.

– Ах да, конечно. – Армстронг слегка толкнул дверь, отчего она начала медленно поворачиваться. – Боюсь, чтобы

убедить моего влиятельного друга дать рекомендацию, мне придется сперва войти.

«Генерал» воинственно нахмурился, сделал шаг вперед и вытянул руку шлагбаумом:

– Очень жаль, сэр...

Армстронг аккуратно наступил своей ножищей на лакированный ботинок швейцара и так же аккуратно толкнул его в грудь. «Генерал» моментально оказался в сидячем положении. Быстро оглядев улицу, Армстронг вошел в дверь и очутился в фойе, пол которого покрывал толстый ковер.

Некто с набриолиненными волосами взял у него шляпу и пальто и элегантно жестом указал на дверь в дальнем конце:

– Сюда, сэр.

– Благодарю вас. – Шагая по толстому ковру, Армстронг добрался до двери, оглянулся и заметил, что снаружи, на улице, швейцар в униформе уже поднялся на ноги и принял исходное положение. Преследовать его швейцар не пытался – видно, не очень-то он был уверен в себе, а может, предоставил справляться с бесцеремонным чужаком внутренней службе. Удовлетворенно улыбнувшись, Армстронг открыл дверь и шагнул в проем.

Дверь бесшумно закрылась за ним, чуть слышно шелкнул замок, и единственный в комнате человек, сидевший за дальним столом, поднял голову. Это был смуглый, холеный мужчина с черными глазами.

Равнодушно оглядев гостя, он любезным тоном произнес:

– Рад видеть вас, мистер Армстронг. – Затем он изящной рукой указал на кресло: – Садитесь, пожалуйста. – И нажал кнопку на столе.

Осторожно усевшись, Армстронг громко произнес:

– Так вы меня знаете?

– Конечно, конечно. – Мужчина коротко и деланно рассмеялся. – Мы вас ждали. Мистер Ротман будет здесь с минуты на минуту. Уверяю вас, он не задержится.

– Отлично. – Армстронг закинул ногу за ногу и сердито уставился на смуглого, который, совершенно не обратив на это внимания, принялся за свои бумаги.

«Мы вас ждали!» Как, во имя всех святых, они могли его ждать? Никто не знал, что он придет сюда, кроме Хансена и разве что Мириам. Армстронг встал и направился обратно к двери. Попробовал ее открыть – как и следовало ожидать, она оказалась запертой. Он вернулся в кресло. Смуглый даже не поднял глаз и с безразличным видом продолжал возиться со своими бумагами.

– Где мистер Хансен? – обратился к нему Армстронг.

Человек посмотрел на него, в черных глазах мелькнула насмешка.

– Мистер Хансен? – Он задумался на пару секунд. – Ах да, мистер Хансен! Мы позаботимся о нем, если возникнет необходимость. – Он перевел взгляд на другую дверь: – А вот и мистер Ротман.

Сунув руку в карман, Армстронг поднялся из кресла. Вошедший оказался крупным, кряжистым мужчиной, немного склонным к полноте. Его красная физиономия была увенчана копной вьющихся белых волос. Любезно кивнув смуглому, Ротман с протянутой рукой энергично направился к Армстронгу:

– Мой дорогой мистер Армстронг! Рад приветствовать вас! – Его рукопожатие было энергичным и радушным. Похлопав Армстронга по плечу, он хохотнул: – А вы знаете, я даже держал пари, что вы появитесь не позже чем через десять дней.

– В самом деле? – хмуро сказал Армстронг. Он был озадачен. Такого приема он ожидал меньше всего. Слишком много нелепых неожиданностей во всем этом нелепом деле... – Кто рассказал вам? Хансен? – спросил он.

– Господи, мистер Армстронг, вы нас недооцениваете. Наши источники информации гораздо более надежны. – Снова хихикнув, он повел Армстронга к той двери, откуда вышел сам. Смуглый продолжал работать, не обращая на них внимания. – Не сомневаюсь, мистер Армстронг, что вы найдете нашу компанию совершенно непохожей на то, что вы предполагали увидеть, – но так случается почти со всеми, кто к нам приходит. Очень спокойная компания, очень. – Подойдя к двери, он широко распахнул ее: – Прошу.

Армстронг, еще не переступив порог, успел заметить небольшую группу, человек шесть, расположившихся во-

круг какого-то аппарата, похожего на гигантскую видеокамеру. Он не успел ни оценить обстановку, ни что-то предпринять, ни даже пустить в ход кулаки, к чему был внутренне готов, ни даже отпрыгнуть в сторону или броситься на пол.

Эта картинка – «видеокамера» и люди возле нее – запечатлелась у него на сетчатке за мгновение до того, как из аппарата вырвался яркий голубой луч, и... сознание покинуло Армстронга, а огромное тело рухнуло на пол.

По комнате распространялся запах озона. Позади – смуглый человек хладнокровно переключал бумаги на своем столе, продолжая что-то писать.

Армстронг пришел в себя в роскошно обставленной камере; в горле у него пересохло, но руки-ноги были целы. Он лежал на кровати, а вокруг стояли инкрустированный столик, небольшое бюро, пара глубоких мягких кресел, электрический радиатор, стеллаж с книгами в отличных твердых переплетах и многое другое, чего обычно в камерах не бывает. Видя все это словно в тумане, Армстронг облизал пересохшие губы, поднялся, пошатываясь, добрал до умывальника, открыл до отказа кран с холодной водой и напился.

Двери в камере не было, вместо нее имелась толстая решетка из бериллиево-стальных прутьев дюймовой толщины. Подойдя к решетке, Армстронг выглянул в коридор. Противоположная стена была глухой, но по бокам его камеры находились еще две и, возможно, еще несколько – дальше по коридору. Тряхнув решетку, он крикнул:

– Есть тут кто-нибудь?

Кто-то зашевелился в соседней клетке справа. Ее обитатель подошел к своей решетке, но видеть друг друга узники не могли. Невидимый сосед Армстронга заговорил; судя по голосу, он был намного старше.

– Значит, вы пришли в себя? Долго ж вы были без сознания. За последние два часа я окликал вас раз десять. Как они вас взяли?

– Не знаю. Помню яркую голубую вспышку, а потом я сразу вырубился, будто меня нокаутировали. Где мы?

– Об этом, я сам хотел спросить вас. – Сосед помолчал немного и сказал: – В любом случае, сейчас вы на ногах, пришли в себя и сможете ответить на другой вопрос – очень для меня важный.

– Валяйте, – разрешил Армстронг, тщетно пытаясь рассмотреть сквозь прутья хоть что-нибудь.

– Что такое жизнь?

– А?

– Что такое жизнь? – повторил человек.

– Станный вопрос. Зачем это вам?

– Совершенно необходимо! От ответа зависит моя жизнь. Я могу ее лишиться. Или даже хуже, если, конечно, такое бывает. Не знаю. Но я должен ответить на один вопрос, а он звучит именно так: что такое жизнь?

Вцепившись в решетку с такой силой, что побелели костяшки пальцев, Армстронг процедил сквозь зубы:

– Кто задал вам этот вопрос? Кому нужен ответ? Кто и почему угрожает вам?

– Если я расскажу вам, – возразил невидимый собеседник, – то вы начнете думать об этом, вместо того чтобы искать ответ на мой вопрос. Вы найдете мне ответ, хороший ответ, и вот тогда я расскажу вам то небольшое, что знаю. – Его сотряс приступ сильнейшего кашля, затем он продолжил: – Напрягите же свои умственные способности, пока вы их еще не растеряли. Следующим будете вы. Один вопрос! И надеюсь, ради самого себя вы отыщете ответ?

– Это что – экзамен?

– Его придумали они. Провалившихся хоронят.

– Вы сошли с ума! – решил Армстронг. Оставив решетку в покое, он упал в кресло, вперив желчный взор в стену. Неужто его засунули в сумасшедший дом? Известно ведь, что туда легко попасть, но почти невозможно выйти. Если так, кто поместил его сюда и по чьему приказу? Что это, искусный и надежный метод, с помощью которого влиятельные персоны устраняют со своего пути непрошенных соглядатаев? Либо его недавняя навязчивая мысль о собственной ненормальности получила вдруг весомое подтверждение?

И значит, та голубая вспышка – всего лишь видение, бред сумасшедшего? Значит, он просто вдруг взял и попал в руки ни в чем не повинному добряку Ротману? Нервный шок, нервный тик, нервный... Или – опухоль мозга... Ну уж нет, его мозг мог выкинуть какой-либо фортель, но свое основ-

ное дело выполнял безотказно, и Армстронг сейчас ощущал прилив умственных сил.

Его задумчивый взор остановился на полке с книгами, но глаза не видели их, а уши слышали лишь тихое непрерывное бормотание узника из соседней камеры. Если они хотели его убрать, гораздо проще было сделать это раньше. Значит, они хотят вытянуть из него что-то, прежде чем заставить замолчать раз и навсегда. Возможно, их интересует секретная информация, за которой посылали рыжего. Вряд ли им требовался всего лишь удовлетворительный ответ на единственный отвлеченный вопрос. Заставлять жертву покупать себе жизнь одной крупницей философской премудрости – просто форменное издевательство.

«Что такое жизнь?»

Несмотря на весь свой рационализм, Армстронг никак не мог отделаться от этого вопроса, словно гвоздем засевшего у него в мозгу. Вопрос изводил его, пока он не встал с кресла, несколько раз прошелся из угла в угол и, в конце концов, обнаружил, что снова стоит у решетки.

– Эй! – обратился он к невидимому соседу. – А как вы сами считаете, что такое жизнь?

Сосед прекратил бормотать и подошел ближе.

– В детстве и юности меня учили, что жизнь – это средство, для достижения высших целей. Наверное, я должен ответить именно так. Но что, если этот ответ их не устроит? Вдруг они скажут, что я ответил неправильно?.. И тогда...

и тогда...

– Ну? – нетерпеливо спросил Армстронг.

– Не знаю. Я не уверен, что ответ правильный, а он должен быть правильным! Вы сами поймете, как важно дать правильный ответ, когда они зададут вопрос вам!

Не обратив внимания на эту зловещую ремарку, Армстронг осведомился:

– Какие еще варианты вы придумали?

Сосед замялся, затем с сомнением произнес:

– Жизнь – это рост.

– Кристаллы тоже растут, – заметил Армстронг.

– Значит, неправильно. Как насчет того, что жизнь – это движение?

– Деревья не движутся по собственной воле.

– Но они растут. А рост – это форма движения.

– Планеты тоже движутся. А также спутники, астероиды и прочие штуки, которые уж точно не живые.

– Ради Бога, прекратите! Если вы так легко играете словами, то они и подавно. Я придумал дюжину ответов, и все никуда не годятся. – Его усталый голос выдавал нервное напряжение. – В каждом есть какой-то изъян. – Некоторое время сосед помолчал, затем заговорил опять: – Если бы об этом спросили вас, что бы вы ответили?

Армстронг подумал насколько минут, потом медленно произнес:

– Я бы сказал, что жизнь – это категория материи, и не

стал бы ломать голову.

Без всякого восторга человек пробормотал:

– Спасибо. Это интересно. – И, отойдя в глубь своей клетки, снова принялся бормотать себе под нос.

Впрочем, на этот раз долго думать ему не дали. Минут через десять в коридоре появились два коренастых типа с суровыми лицами; они прошли мимо Армстронга, даже не удосужившись на него взглянуть, и отперли соседнюю камеру. Армстронг встал у своей решетки.

Через несколько секунд они проследовали обратно, ведя под руки сутулого, сморщенного человечка. Близоруко щурясь поверх пенсне, человечек то и дело спотыкался, но стражники были невозмутимы, как сфинксы.

Армстронг с черным юмором сказал ближайшему:

– В тебе, похоже, не меньше двухсот фунтов – значит, и веревки потребуется футов восемь.

Охранники не прореагировали, словно были глухонемыми. С невозмутимым видом они прошли мимо, а пленник между ними продолжал монотонно бубнить свое. В конце коридора захлопнулась дверь – звук их шагов и бормотание старика будто отрезало, и наступила тишина. Очевидно, в остальных камерах никого не было. Армстронг остался наедине со своими мыслями.

Следующий час он провел, обследуя свою камеру в поисках скрытых микрофонов, сканеров и прочих шпионских штучек. Ничего. Заглянув под мебель, вынув книги, про-

смотрев все, до чего мог дотянуться, он лишь убил время – и это немного его развлекло, но не принесло награды за труды. Если они и установили какое-нибудь следящее устройство, то разве что под штукатуркой. Чтобы его обнаружить, пришлось бы расковыривать стены и потолок.

Довольный, что ничего не нашел, Армстронг умылся, почистил зубы, привел себя в порядок и просмотрел корешки книг. Ни одна из них его не заинтересовала.

Вскоре появился один из охранников, просунул под решетку поднос с обедом и ушел, не проронив ни слова. На следующее утро таким же способом Армстронг получил завтрак. Еда сделала бы честь лучшему отелю. Какую бы судьбу ему ни уготовили перед тем, как что-либо сделать, его решили откормить. Наслаждаясь едой, Армстронг решил, что за меню он им, так и быть, вынесет благодарность, если, конечно, выберется отсюда.

Но когда наступило время обеда, аппетит его поубавился из-за мыслей о все еще отсутствующем соседе. Старик так и не появился. Значит, либо он дал верный ответ, либо все это – просто безумный трюк, где на карту ставилась жизнь и где любителям задавать слишком много вопросов предлагалось ответить всего на один вопрос, но какой! Так сказать, око за око.

Но «Норман-клуб» определенно был частью той таинственной головоломки, которую он пытался разгадать, главной частью, ключевым звеном. Это знание принесло ему ма-

ло радости; получается, что этой же информацией должен владеть и Хансен, а тогда суровый детектив был одним из лучших актеров и отпетых лжецов, с какими он когда-либо сталкивался. Хотя Армстронг подозревал кого угодно, только не Хансена. А все его собственная непроходимая глупость! Дураки обречены попадать впросак.

С мрачным видом, в двадцатый раз, он ощупал жилетный карман. Вещь, которая должна была там находиться, исчезла. Они победили в этой игре! Если бы ему удалось сохранить эту штуку, половина полицейских Нью-Йорка уже вооружалась бы в их лавочку. Поскольку ничего не случилось, значит, устройство больше не работало – они знали, как с ним обращаться.

Через несколько мгновений размышления пришлось оборвать. Под решетку просунули обед, уже успевший слегка остыть. На подносе, прислоненный к тарелке с жареным цыпленком, стоял белый конверт. Быстро вскрыв его, Армстронг прочел вслух:

«Дорогой мистер Армстронг! Ваша дальнейшая судьба зависит от того, какой вы подыщите ответ на простой вопрос, написанный ниже. Надеемся, что вы дадите обдуманый ответ, ибо ваша жизнь имеет для вас значение. Потратьте время с толком – в вашем распоряжении есть два дня для серьезных размышлений».

Подписи не было. Армстронг посмотрел на шесть слов, отпечатанных большими буквами внизу, и мысли его сме-

шались. По спине пробежал холодок. Вот когда сбылись все суеверные страхи, вот когда оправдались плохие приметы, вот, оказывается, что означало то странное душевное беспокойство, о котором он говорил Клэр!

Это была расплата! Медленно, с почти физическим усилием его глаза прошли по шести судьбоносным словам:
«ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ НОРМАЛЬНЫ?»

Шесть слов состояли из двадцати восьми букв и требовали ответа, от которого зависела его судьба. Правда, в записке не говорилось о смерти прямо; угроза даже основывалась на том, что Армстронг говорил, о чем думал. Эти фокусники могли сделать с ним все, что угодно, – если их могущества хватило на то, чтобы бросить вызов правительствам многих государств и по меньшей мере на двадцать лет задержать завоевание Марса, значит, им вовсе незачем стесняться в средствах, когда дело касается одного человека. Шесть слов – они давили так, как петля сдавливает шею повешенного.

Армстронг прочитал вопрос в третий раз. Фраза была отпечатана голубым шрифтом, она казалась наглой, самоуверенной, вызывающей, словно писавший ее упивался тем, что ставил именно неразрешимую задачу.

«ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ НОРМАЛЬНЫ?»

Щелчком отправив бумажку на крышку столика, Армстронг сел, отодвинул поднос с едой в сторону, упер локти в стол и обхватил голову руками. Жареные цыплята его больше не интересовали. Это послание напоминало звонок в опытах Павлова; только собака, вместо того чтобы истекать слюной, задумалась!

Не меняя позы, Армстронг дал волю мыслям. Если он нормален, они обязательно куда-нибудь его приведут. Если

он сумасшедший, они будут просто носиться по кругу. Нортон был прав – я слишком много думаю. Можно ли существовать, не думая? «Я мыслю, следовательно, я...» Я – что?

Я – Джон Дж. Армстронг. Так утверждается. Я дал жизнь умным вещицам, задуманным Джоном Дж. Армстронгом. Некоторые люди похвалили эти вещи, расценили их как плоды здравого ума и даже оказались настолько любезны, что приписали мне искру гениальности. И... и... гений сродни безумцу! Куда это я опять? Я стою на границе? Я преуспевал по одну сторону этой границы, а сейчас оказался по ее другую сторону? Тонкая красная линия...

В любом случае, что заставляет их подозревать, что я ненормален? Откуда им известно, что они сами нормальные? Что такое нормальность? Разве есть четкое определение? Если есть, то кто его придумал? И с чего этот парень взял, что он сам нормальный? Откуда вообще человек знает, что он в своем уме?

«ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ НОРМАЛЬНЫ?»

Ответ: конечно, я нормален. Откуда вам это известно? Я должен быть нормальным! Это почему? Потому что я так считаю. Так может считать любой псих! Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли? И сумасшедших убирают с дороги, не правда ли?

Менее спятившие изолируют более спятивших. Говорят, что разница между теми, кто сидит в тюрьме, и теми, кто там не сидит, в том, что последние никогда не попадались с

поличным. Разница между теми, кто в сумасшедшем доме, и теми, кто вне его...

– Заткнись! – Крик вырвался у него непроизвольно, и Армстронга даже передернуло от ярости, с которой он прозвучал. Поднявшись из-за стола, он принялся мерить шагами камеру.

Не тревожься, сынок. Это все пустяки. Сумасшедшие часто беседуют сами с собой. Иногда кричат. Иногда вопят. Иногда пронзительно визжат на таких высоких нотах, что слух не выдерживает. Иногда они шепчут, шепчут, шепчут, а их налитые кровью глаза видят то, чего нигде нет. Они вытворяют и другие фокусы. Они носят талисманы, без которых не решаются перейти улицу. У них есть счастливые числа, которые управляют их жизнью, и перед каждым делом они повторяют эти числа про себя. Когда им кажется, что никто их не видит, они трогают дверные ручки, потому что не потрогать дверную ручку – ужасная примета. Они избегают наступать на трещины между камнями мостовой, ибо наступить на такую трещину означает разделить надвое живую душу. Свихнувшемуся необходимо одиночество, потому что со временем безумие расцветает и требует все больше и больше сил, и бедняга отдает их с готовностью... Но за тобой-то не числится ничего такого, сынок. Или?..

«ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ НОРМАЛЬНЫ?»

Разве ты забыл, что твой долг – принимать стойку «смирно» всякий раз, когда коллекция надраенных медных труб

воспроизводит акустические колебания в определенной последовательности? Говоришь, ты никогда не совершил, бы подобной нелепости? Пятьдесят миллионов французов делают это всякий раз, когда оркестр играет «Марсельезу», а пятьдесят миллионов французов не могут быть все сплошь ненормальны, верно? Хватался бы ты левой рукой за правую ступню, едва слышав «Крошка, танцуй веселей», если сто миллионов поступают именно так и ожидают, что ты последуешь их примеру? Ты не последуешь? Лжешь!

– Сумасшедшие – лгуны, – ни к кому не обращаясь, произнес Армстронг. – Они лгут самим себе, упорно и многословно, и им легко себя обманывать, потому что они живут в придуманном, призрачном мире. Я себе не лгу. Я не идиот. Я разговаривал с собой, чтобы лучше сосредоточиться, так иногда делают и другие люди. Это просто привычка себя анализировать и не имеет никакого отношения к вопросу о здоровом уме.

Эта маленькая речь успокоила его, но не убедила. Армстронг страдал грехом скептицизма, ибо слишком хорошо знал, насколько легко убедить того, кто хочет, чтобы его убедили. Он же не собирался сдаваться на милость эмоций. Ведь именно способ мышления определяет, здравый ум или нет. Если мысли приводят человека к конкретному результату – значит, этот человек разумен, нормален. Но если под влиянием эмоций человек не способен ни до чего додуматься, если эмоции возьмут верх над разумом – такой человек безу-

мен.

Но что такое конкретный результат? И кто сказал это... и откуда он знал, что он сам нормален?

Армстронг вернулся за стол. Придвинув поднос с едой, он оглядел его без всякого энтузиазма и раздраженно пробурчал:

– Будь я проклят, если хочу есть, но я не собираюсь давать им повод думать, что они меня запугали, – это у них не получится!

Покончив с обедом, он развернул кресло к решетке и дал свободу своим мыслям, которые вертелись вокруг Клэр Мэндл, но отнюдь не имели отношения к ее научной деятельности. Армстронг вспомнил, как ее миндалевидные глаза вглядывались в его лицо. К таким глазам очень пошла бы изумрудно-зеленая шляпка эльфа с помпончиком на макушке. Когда-нибудь он обязательно купит ей такую шляпку и заставит надеть.

Армстронг сидел, не отрывая глаз от решетки. Наконец появился охранник. Он поставил под решетку чай и тарелку с пирожными и стал ждать, когда Армстронг отдаст ему пустой поднос, оставшийся от обеда.

Трюк, который задумал Армстронг, мог не сработать, но попробовать стоило. По крайней мере, они получают столько же пищи для размышлений, сколько сами дали ему. А кроме того – долой однообразие в жизни!

– Давай на пари, что сам ты такого не пробовал? – вызы-

вающе бросил Армстронг сквозь решетку.

Охранник не отреагировал, более того, не удосужился поднять на узника глаза.

Беззаботно пожав широкими плечами, Армстронг выпустил вторую отравленную стрелу:

– А ты смотрел последний фильм с Консуэлой Игуэрола? Потрясающий фильм! Если б ты смотрел, то, наверное, до сих пор был бы в столбняке. Впрочем, выбрось это из головы, парень, – Консуэла все равно не для тебя.

Охранник нетерпеливо дернулся. Армстронг не спеша оглядел его с головы до ног, но и это не возымело никакого эффекта. Тогда он принес пустой поднос и начал просовывать его под решетку, удерживая в дюйме над полом. Но как только поднос оказался на «той стороне» и охранник наклонился, чтобы его взять, Армстронг разжал пальцы.

Ампула, прикрепленная к днищу подноса, на дальнем от Армстронга конце, треснула с характерным звуком лопнувшего стекла, и Армстронг едва успел отскочить прочь, когда струя мутного газа ударила снизу прямо в лицо охраннику. Несколько секунд тело беспорядочно дергалось, тщетно пытаясь выпрямиться, затем рухнуло вперед, лицом в поднос.

Сдернув со стола скатерть, Армстронг начал лихорадочно размахивать ею, отгоняя от себя воздух. Потом он остановился, потянул носом, снова замахал скатертью, постепенно приближаясь к решетке и одновременно приносясь, пока наконец не удостоверился, что пары рассеялись. Просунув

руки сквозь прутья, он поднял охранника на ноги и прислонил к решетке.

Именно в этот момент он заметил еще двух охранников, да и то лишь потому, что они стояли рядом, опершись о противоположную стену. Они небрежно отделились от стены, держа руки в карманах; на суровых лицах не отражалось ни страха, ни беспокойства, ни какого-либо желания вмешаться. Оба глядели на Армстронга со странным выражением вялого интереса.

Придерживая свою бесчувственную жертву одной рукой и не сводя внимательных глаз с двух зрителей, Армстронг другой рукой обыскал охранника. Обыск он проделал тщательно, обследовав все карманы, и все это время двое громил с академическим интересом следили за его действиями. Это была самая идиотская ситуация, в которую он когда-либо попадал.

В конце концов Армстронг осторожно отпустил охранника, и тот мягко сполз на пол. Армстронг поморщился. Ни ключа, ни оружия, ничего такого, что оправдало бы затраченные усилия. Парочка приблизилась к решетке и подняла своего бесчувственного товарища.

Ближайший к Армстронгу заглянул в камеру и спросил:

– Вас обыскали. Где вы взяли ампулу?

– Наконец-то слышу человеческую речь, – одобрительно заметил Армстронг. – Я думал, вы все языки проглотили. Как насчет немножко поболтать?

– Отвечайте на вопрос, – упорно гнул свое охранник.

– Вы еще слишком молоды, чтобы знать о таких вещах.

Вот вы скушаете свою манную кашку, вырастете большими, тогда папа вам все расскажет.

Как с гуся вода. Этот тип не выказал ни раздражения, ни гнева, ни какого-либо другого чувства. Воистину, кто бы ни подбирал сюда охранников, он, наверное, нанимал самых флегматичных типов на свете.

Восприняв его отказ отвечать так, словно это не имело ни малейшего значения, охранник приподнял голову и плечи пострадавшего коллеги и спросил:

– Сколько он пробудет в нокауте?

– Минут двадцать, – ответил Армстронг. – Потом он очуется без всяких последствий.

Охранник понимающе кивнул, и оба удалились, унося своего товарища.

Расстроенный Армстронг слонялся по камере. Ни ключа, ни оружия – вообще ничего. Редкостное невезение. Они определили его и тут, заранее рассчитав, что он попытается освободиться. Именно поэтому у охранника не оказалось ничего полезного. Двойная страховка – ведь они обыскали его, пока он был без сознания.

Теперь Армстронгу стало понятным поведение двух остальных тюремщиков. Хотя, Бог свидетель, ему доставило бы больше удовольствия, если бы они набросились на него, как рассерженные гориллы, – уж тогда бы он им показал, где

раки зимуют. Черта с два они бы с ним справились. А если бы и справились, то одного он успел бы приложить как следует. Увы, даже в этом маленьком развлечении ему отказали.

Зачем тебе еще развлечения, ты, чудак с кашей в голове? Неужели тебе мало?

«ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ НОРМАЛЬНЫ?»

На полке с книгами имелся толковый словарь. Вытащив его, Армстронг перелистал страницы. «Нормальный – в значении: здоровый; не расстроенный умственно; в здравом уме; здравого рассудка». Конечно, в сотый раз всплыли неизбежные вопросы: "Что такое «нормальное»? Правильное? Здоровое? Кто автор определения? Кто проверял самого автора на соответствие его собственному определению? Что случится, если в психбольнице пациенты будут лечить друг друга? Вот когда жизнь не покажется медом, и никто и ни за что не ответит на главный вопрос: А судьи кто?

Поставив словарь обратно, Армстронг взял соседнюю книгу – «Змеиное гнездо» Мэри Джейн Уорд. На последней странице он прочел: «Я скажу тебе, когда это кончится – когда больных станет больше, чем здоровых, и они засадят здоровых в психушку!»

Выругавшись вполголоса, он со стуком задвинул на место и эту книгу. Больные засадят здоровых в дур дом... Или они уже это сделали? Что, если обитатели сумасшедших домов на самом деле вовсе не сумасшедшие? Бред какой-то! Как сформулировать абсолютный критерий нормальности,

если не существует критерия ненормальности? Почему воинствующего индивидуалиста считают безумным, если он беден, и всего лишь эксцентричным, если он богат? Зависит ли умственное равновесие от обладания парой-другой миллионов?

Психологи и психиатры искали критерий годами и, похоже, примирились с невозможностью когда-нибудь его получить. Отсюда и пошла гулять мрачная шутка, что посреди всеобщего, поголовного и всеобъемлющего невежества и безумия почему-то лишь психиатрам дозволено утверждать – вот этот опасный маньяк может разгуливать на свободе, а вон тот вольнодумец должен быть заперт в психушку.

«Если он в здравом уме, пусть он это докажет».

И все-таки надо найти ответ на вопрос. Ведь он точно есть, он существует, нужно только сохранить выдержку, спокойствие, собранность, устоять перед возмутительной неуместностью вопроса. Вдобавок ответ, который удовлетворит его самого, может не устроить его инквизиторов, и тогда его запросто закатают в бетон или придумают еще что-нибудь, не менее эффективное. А что, если дать им ответ, прямо противоположный тому, какой они от него ждут. Закатить глаза, пустить слюну на подбородок, захихикать и заявить, ломая руки: «Видите, я идиот! Я всегда им был! Я самый-самый идиотский идиот в подлунном мире!» И добавить доверительным басом: «Вы знаете, кто я? Я вам скажу – я Монтигома, Виннету или Соколиный Глаз!» А в довер-

шение – гомерически расхохотаться. То-то бы они призадумались. Но что дальше?

– Они сделают то же самое, что и в случае, если я отвечу неправильно, – сказал Армстронг в стену.

Интересно, справился ли сосед со своим вопросом «Что такое жизнь?». Возможно, сейчас он узнал ответ, ибо нашел его, выяснив, что такое смерть. Был этот пожилой человек первой или пятнадцатой жертвой зловещей игры? И какие вопросы задавались другим, прежде чем они вступали в неведомое? Вопросы, вопросы, вопросы... Они способны довести человека до ручки – если он уже до нее не дошел.

Армстронг устало окинул взглядом книжную полку. Если эти тома подобрали специально для него – лучше вообще их не трогать. «Змеиное гнездо» наводило на мысль именно об умышленном подборе, причем довольно коварном. Книги предназначены для того, чтобы выбить из колеи его беспокойный ум. С другой стороны, если они стояли в этой камере всегда, безотносительно к вопросу о его нормальности, от них может быть некая польза. Когда совсем будет худо, он возьмет в руки книжку, уляжется на диван и, если повезет, на время избавится от мучительных бесконечных вопросов.

Взгляд его наткнулся на «Тиранию слов» Стюарта Чейза, он вытащил ее и бегло просмотрел; Семантика. Ну что же, это пригодится. Все, что угодно, лишь бы отнять магическую силу у воображаемых дьяволов. Испытав на себе психическую тиранию шести судьбоносных слов, он ничего не поте-

рвет, если попытается понять своих тиранов.

Устроившись в кресле, Армстронг заставил себя отвлечься от проблем и углубился в объяснения и иронические комментарии Чейза. Все было хорошо, пока он не споткнулся об абзац, от которого мысли его снова понеслись вскачь. Тряхнув головой, Армстронг перечитал отрывок, с отвращением бормоча слова: «Навык семантического анализа позволяет нам отделить мыслительный процесс от реальных событий; делает нас способными к абстрагированию; предохраняет от соблазна заселить Вселенную несуществующими образами. Этот навык включает в себя склонность к поэзии, фантазии, творчеству, интеллектуальным развлечениям. Он удерживает нас от извечной человеческой тяги к подмене действительных причин мнимыми, выдуманнами, которые во все не стоят того, чтобы за них драться и умирать. Этот навык предохраняет человека от опасного воздействия чужой воли, понижает степень внушаемости, сдерживает развитие психических состояний, граничащих с безумием».

Он яростно швырнул книгу в угол. «Психические состояния, граничащие с безумием». Неужели этот чертов Чейз такой великий специалист, что не боится сказать, что нормально, а что ненормально? Неужто вообще все писатели разбираются в этих вопросах? Если нет, тогда кто? Глотатели золотых рыбок? Что там сказал старый фермер своей жене? Ах, да: «Весь мир сошел с ума, кроме нас с тобой, да и ты временами чуточку странная».

Вернувшись к полке, Армстронг снял следующую книгу и открыл с обреченным видом. Если и у третьей подобный привкус, значит, совершенно ясно, все эти тома подобрали специально для него. Через три точки на плоскости можно провести только одну окружность. Следовательно, налицо подготовка, а это, в свою очередь, означает, что таинственные тюремщики действительно предвидели его появление, в чем они и признались тогда в «Норман-клубе».

Книга называлась «Человеческое мышление», автор – Бертран Рассел, и он отшвырнул ее вслед за Чейзом, когда дошел до места, где говорилось: «Некоторые считают, что психоанализ окончательно показал отсутствие в нашей вере какого бы то ни было рационального зерна именно подчеркиванием странных, почти безумных истоков самых заботливо лелеемых людьми убеждений».

Яростно выругавшись, Армстронг стал искать выключатель, чтобы погасить свет, не нашел и, закрыв глаза, повалился на диванчик. В полночь лампы погасли сами, но прошло еще много времени, прежде чем он погрузился в тяжелую дрему.

Ему дали помучиться еще тридцать шесть часов, и на исходе их он понял, как быстро даже самый сильный разум пасует перед единственной навязчивой мыслью.

«ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ НОРМАЛЬНЫ?»

Забудь об этом! Выбрось из головы! Думай о чем-нибудь другом! О чем угодно!

«ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ НОРМАЛЬНЫ?»

Думай о Куине, который ждет своего полета на Марс. Думай о Фазергиле. Думай о том дне, когда ты поймал черного окуня (он хоть и был большой, но все же не такой, как кит). Думай о том дне, когда ты запатентовал солнечный компас (десять тысяч плюс солидный процент). Думай об обеде, который матушка Сондерс давала в последний День Благодарения.

«ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ НОРМАЛЬНЫ?»

Старая добрая пытка каплями воды – бесконечное «кап-кап-кап» – вопрос, который раз за разом всплывает в мозгу и крутится, крутится, крутится, не находя ответа.

Когда появились охранники, Армстронг воспринял их приход с облегчением. Их было шестеро – сильных, с бесстрастными лицами, похожих друг на друга, как братья. Они открыли камеру, провели его по коридору, потом через анфиладу из четырех комнат и большой зал. Он ступал твердо и решительно, не спотыкаясь, как его предшественник. Внимательным взглядом он оценивал обстановку, больше всего сожалея о том, что эскорт оказался таким многочисленным. Двое охранников стали бы забавой для его мощных мышц, троих было бы не слишком много, и он рискнул бы испытать судьбу даже с четырьмя. Тот, кто назначил в наряд шестерых, видно, знал свое дело. Ввязываться в заведомо безнадежную драку было бы верхом глупости.

Перед огромной дверью в левой стене залы эскорт оста-

новился, и один из охранников приказал:

– Снимите ботинки.

– Там что – мечеть? – спросил Армстронг.

– Снимите ботинки.

Наклонившись, Армстронг разулся и поставил ботинки у стены.

Один из охранников толкнул дверь, махнул рукой, и Армстронг с вызывающим видом прошел дальше. Его ноги в одних носках бесшумно ступали по толстому ковру. Заметив кресло, он плюхнулся в него и воинственно уставился на человека, сидящего за огромным полированным столом.

Последний ответил взглядом, выражающим вежливый интерес. Типичный аристократ, подумал Армстронг. Аккуратно подстриженные седые волосы, пронизательные темно-карие глаза и тонкий, крючковатый нос хозяина кабинета делали его похожим на ястреба. Губы полные, но поджатые. Линия рта свидетельствовала о наличии чувства юмора.

Бросив Армстронгу знакомый блестящий предмет, он произнес глубоким гортанным голосом:

– Можете забрать свою зажигалку, мистер Армстронг.

Остроумная штучка. Каков ее диапазон?

– Около семи миль, – коротко ответил Армстронг.

– В самом деле? Нас больше всего заинтересовал источник питания. И еще эти крохотные магнетрончики. – Он положил на стол холеные руки и улыбнулся. – Кристалл мы, конечно, извлекли. Разве можно допустить, чтобы продол-

жал идти сигнал, тем более, что ваш друг Хансен преданно вас караулил. Жаль, жаль было портить вещь, но мы обязаны думать о своих интересах. Кажется, электронщики называют такое устройство скваггер?

– Бипер, – раздраженно поправил Армстронг. – Он делает «бип-бип».

– Дорогой мой! С этим «бип-бип» мы попали бы в весьма дурацкое положение, если бы заранее не подготовили вам ту дурацкую ловушку. Вы уж нас простите!

– Ничего. Трудности у вас еще впереди, – уверил его Армстронг. – Руки-ноги у меня пока целы, и дырок в штанах нет.

Непонятно почему, но это замечание доставило его собеседнику явное удовольствие. Одобрительно рассмеявшись, он дружелюбно посмотрел на Армстронга, затем, нажав кнопку на столе, заговорил в маленький видеофон:

– Ну что? В каблуке левого ботинка? И пачка пиробумаги в правом? Почему не нашли при первом обыске?! – В его любезных глазах вспыхнули красные огоньки. – Кто обыскивал? Фамилия? – Получив ответ, он отрезал: – Пришлите его сюда немедленно, я разберусь с этим делом. – Сняв палец с кнопки, он откинулся в кресле, взглянул на Армстронга, и жесткое выражение сползло с его лица.

– Собираетесь отшлепать мальчика по попке? – спросил Армстронг.

– Лучше подумайте о том, что будет с вами, – любезно ответил собеседник. Лицо его оставалось спокойным, но в гла-

зах появился лед. – Вам был задан вопрос. Вы нашли ответ или просите дополнительное время?

– Я ничего ни у кого не прошу, а меньше всего – у вас. – Армстронг ответил собеседнику столь же твердым взглядом. – Ответ готов.

– Какой же? – Я не знаю, что я нормален.

– Это ваш полный и окончательный ответ?

– Да, – подтвердил Армстронг. – И мне наплевать, нравится он вам или нет. Можете делать с ним и со мной, что хотите.

– Ай-яй-яй? – укорил собеседник. – Давайте будем сдержаннее. Моя личная оценка вашего ответа никак не связана с последствиями, которые он повлечет за собой. Если хотите знать, я считаю ваш ответ просто блестящим.

– Премного благодарен, – вызывающе усмехнулся Армстронг. – Сомневаюсь, чтобы кто-то ответил иначе.

– Разумное допущение, учитывая противоречивые обстоятельства, в которые вы попали, – заметил его собеседник. – Но абсолютно неверное.

– Вот как?

Инквизитор вздохнул и произнес:

– Так уж вышло, что я знаю, что нормален. Этот факт был удостоверяется со стопроцентной точностью и может быть доказан вновь в любой момент, когда мне вздумается.

– Чушь! – резко бросил Армстронг. Проиригнорировав это замечание, собеседник продолжил все тем же спокойным,

хорошо поставленным голосом:

– Кстати, каждый индивид в этом здании отличается от большинства людей именно тем, что абсолютно нормален. Члены «Норман-клуба» – нормальны совершенно и безоговорочно. – Холодными уверенными глазами он посмотрел на Армстронга. – Это качество – необходимое условие членства. Кандидат должен быть нормальным человеком – норманом!

– Что? – Армстронг встал, его пальцы задрожали.

– Его мозг не должен зависеть от, если так можно выразиться, флюидов собственного тела, – невозмутимо продолжал собеседник. – То есть кандидат не должен быть гуманом.

– Вы хотите сказать, что не относитесь к человеческому роду? – медленно произнес Армстронг.

– Сядьте, сядьте? Успокойтесь! Излишняя горячность говорит не в вашу пользу. – Он взмахнул рукой и подождал, пока Армстронг не заставил себя опуститься в кресло. – Если исходить из принятых в этом несчастном мире понятий, я – человек, то есть анатомически и физиологически я ничем не отличаюсь от вас. Но в более глубоком смысле – в истинном смысле – я не гуман, слава Богу! Я – норман!

– Что такое «более глубокий» смысл? Для кого он глубокий? – осведомился Армстронг.

– Это вам еще предстоит узнать. Всему свое время. – Норман нажал кнопку и проговорил в видеофон: – Он готов для Комнаты Десять.

Армстронг снова, встал. Он ощущал себя явно не в своей тарелке – взъерошенный, потный, да еще и в помятом костюме.

– Значит, у меня впереди полно времени, так? И вы даете мне возможность узнать, что стоит за всей этой мелодраматической галиматьей?

– Если угодно.

– Тогда к чему эта идиотская игра в вопросы, да еще с угрозами?

Человек широко улыбнулся:

– Вопрос подобран так, чтобы подвести ваш мозг к состоянию истощения, необходимому для последующего этапа, ибо усталый мозг и восприимчив, и неагрессивен. Что касается угроз... Я могу лишь предположить, что вы были введены в заблуждение пессимизмом и слабоволием индивида в соседней... гм... комнате.

– Клетке, – поправил Армстронг.

– Хорошо – назовем ее клеткой. Но с вашей стороны было немножко наивно позволить ввести себя в заблуждение, вам не кажется? Наше сообщение не содержало угрозы. Мы вообще не желаем вам зла.

– Хорошо. Ловлю вас на слове. Отдайте мне ботинки, и я отправлюсь отсюда восвояси.

– Не сейчас. – Хозяин кабинета посмотрел на открытую дверь и вошедших охранников. – Не сейчас, мистер Армстронг. Прежде всего мы хотим предоставить вам удоволь-

ствие убедиться, что вы действительно нормальны. Я уверен, что мы не ошиблись!

– А если все-таки ошиблись?

В глазах собеседника вновь вспыхнул нехороший огонек.

– Я буду безмерно опечален.

– Вот это я вам обещаю! – пригрозил Армстронг. Вызывающе задрав подбородок, он поднялся, вышел вместе с охранниками за дверь и обулся. Проверять ботинки не имело смысла: из краткого разговора по видеофону он понял, что из полостей в каблуках все изъято.

Выпрямившись и махнув рукой в сторону кабинета, он спросил у одного из охранников:

– Кто этот прилизанный ловкач?

– Сенатор Линдл, – ответили ему. Армстронг даже рот открыл. – Линдл?! Ну и дела! Когда он в последний раз читал Конституцию, хотел бы я знать!

– Нужно было спросить у него "самого, – парировал охранник. Он показал в конец зала: – Теперь вас ждут там. Комната Десять.

– А там – что?

Без всякого выражения охранник ответил:

– А там заглядывают под черепашку и решают – либо...

Он не договорил и резко отшатнулся от внезапного удара армстронговского кулака. Хоть Армстронг целился в челюсть, а попал в лоб, этого оказалось достаточно – охранник опрокинулся на пол, да так и остался лежать.

Остальные проявили себя настоящими «норманами». Изменение ситуации они восприняли без лишних эмоций, отреагировали быстро и согласованно. В полном молчании и с пугающим равнодушием они набросились на Армстронга и повалили его на ковер. Напрягшись, он отшвырнул одного из нападавших, но тот выбыл из игры ненадолго, впрочем, как и первый, получивший удар в лоб, который пришел в себя и тоже присоединился к дерущимся.

Вся семерка боролась в каком-то странном неестественном молчании, то вставая на ноги, когда могучие руки Армстронга подымали весь клубок тел, то вновь образуя на ковре кучу.

Но шестеро против одного – все-таки слишком. В конце концов, подхватив Армстронга за руки и за ноги, тюремщики отволокли несчастного в Комнату Десять.

Там его привязали ремнями к горизонтальной металлической решетке, установленной в центре непонятного и зловещего аппарата внушительных размеров. Как индюка на вертел, подумал Армстронг.

8

Один широкий ремень прижимал лодыжки, другой стягивал колени, еще один удерживал бедра, четвертый обхватывал талию и пятый обвивал грудь. На шее Армстронга набухли вены, лицо налилось от напряжения кровью – и ремень на груди лопнул с громким треском. Усилие, которым он порвал двухдюймовую кожу, было впечатляющим и эффективным, но абсолютно бесполезным. Его тут же опутали еще четырьмя ремнями, и всего их стало восемь. Затем громилы перевели дух, потеряли свои синяки и шишки, взглянули на пленника – без злобы, но и без восторга – и вышли.

Оставшись один, Армстронг завертел головой в разные стороны, насколько позволяли ремни, пытаясь оценить обстановку. Если это была камера пыток, то она почему-то походила на радиостудию. Среди всякой всячины, разбросанной как и где попало, он увидел несколько мощных конденсаторов, множество резисторов, лампы с водяным охлаждением и угольными анодами размером со средний аквариум, ртутные стабилизаторы, двойные проволочные сферы, вставленные одна в другую, как в старинных вариометрах. Вся проводка была не из меди, а из тонких серебряных трубочек, в местах соединений покрытых бронзой. Некоторые трубочки проходили сквозь большие стеклянные бусины, а рядом тянулись параллельные полоски алюминиевой фоль-

ги, очевидно, для подавления помех.

На этом сходство с радиостудией исчерпывалось; насколько он мог судить, странная схема не имела ничего общего с известными стандартами. Ни один радиоинженер в здравом уме не соединил бы элементы подобным образом. Странные штуковины и паутина серебряных трубочек окружали Армстронга со всех сторон, уходя куда-то за голову, где он не мог ничего. Он решил, что это и есть агрегат для прощупывания мозгов. Его догадку подтверждал шлем, висящий над головой. Армстронг мрачно сверкнул глазами.

Похоже, эти чертовы «норманы» изобрели какой-то способ сводить людей с ума, не оставляя шрамов на теле; от нежелательного человека они могли избавиться раз и навсегда, не убивая его. Ни один психиатр ничего не заподозрит, как бы тщательно он ни обследовал жертву преступления – единственного в своем роде, которое не оставляет следов. Да, все сходится. Сделав это, они позволяют ему уйти. Он останется жив, но уже не сможет отличить автомобиль от велосипеда. Армстронг снова попытался разорвать ремни. Тщетно. Они скрипели, но не поддавались.

– По-моему, это устройство поинтереснее, ваш бипер, а, мистер Армстронг? – вкрадчиво произнес чей-то голос.

Скосив глаза, Армстронг увидел Линдла. Сейчас сенатор еще больше походил на ястреба, но острые, словно выточенные резцом, черты его лица при этом выражали подобие дружелюбия и свидетельствовали о хорошем чувстве юмора.

– Веселитесь, пока есть возможность, – проворчал Армстронг. – Петухи тоже кукарекают, пока в суп не попадают.

– Дорогой мистер Армстронг, у меня и в мыслях не было веселиться. – Линдл сделал протестующий жест. – Я в высшей степени восхищаюсь вами, а также вашими работами, которые, если позволите заметить, считаю просто гениальными. Даже этот аппарат не идет с ними ни в какое сравнение, если учесть, какие препятствия вам пришлось преодолеть на пути к своим изобретениям.

– Не надейтесь, я вас благодарить не собираюсь. Когда-нибудь и я буду точно так же восхищаться вами – связанным.

Линдл улыбнулся:

– Скажите, когда вы были маленьким, вы сами шли к зубному врачу или вас тащил силком папа?

– Я тащил папу, – кисло произнес Армстронг.

– Вы воинственно настроены, – все еще улыбаясь, заметил Линдл. – Однако это не ваша вина. Я буду рад продолжить разговор позже, когда вы пройдете процедуру. – Подняв руку, он сделал знак. Старый седой человек в очках с толстыми линзами в длинном белом халате приблизился к Армстронгу и мельком взглянул на него, как будто тот был кроликом, пришпиленным к лабораторному столу для вскрытия. Линдл сказал: – Это доктор Горовиц. Оперировать будет он. Приступайте, доктор! – Бросив на жертву последний веселый взгляд, он вышел.

Горовиц включил на пульте большой рубильник. Ртутные

трубки замерцали пурпурным светом, угольные аноды постепенно стали красными, затем золотистыми. Станный ровный звук, напоминающий шипение пара, раздался из аппарата, и ноги Армстронга вдруг почувствовали тепло, исходящее откуда-то из-под решетки. Комната наполнилась запахом горячего металла, горелого пластика и озона.

Тщетно стараясь разорвать путы, Армстронг пообещал Горовицу:

– Я до тебя еще доберусь! Выверну наизнанку!

Горовиц обернулся. Глаза его за мощными линзами казались огромными, как у совы. Не ответив ни слова, он взял шлем за ободок и осторожно опустил Армстронгу на голову. Армстронг успел заметить несколько непонятных колец внутри шлема, затем наступила темнота. До слуха его донеслись чьи-то торопливые шаги, резкий щелчок переключателя, а потом он почувствовал, будто его мозг вращается внутри черепной коробки.

Он не испытывал физической боли, а только странное неприятное чувство, вроде того, что люди ощущают во сне, падая с высоты и просыпаясь в ужасе от неизбежного удара о землю. Казалось, существует земной, во плоти и крови, но какой-то вялый Армстронг, наблюдающий, как другого, одухотворенного, небесного Армстронга подвергают жестоким мукам. Оба Армстронга были половинками его самого, и сознания обеих половинок пытались воспрепятствовать этому противоестественному раздвоению.

Миллион вопросов посыпался на его разум с немыслимой быстротой, а произвольные ответы появлялись прежде, чем мозг успевал осознать смысл обращений. Как вы реагируете на это? Как вы реагируете на то? Значит ли это утверждение что-нибудь для вас? Верите ли вы первому, второму или третьему – и почему? Отвергаете вы четвертое, пятое или шестое – и почему? Сочувствуете ли вы седьмому? Отталкивает ли вас восьмое? Как изменится ваша точка зрения на девятое, если ваше духовное "я" снова соединится с телесной оболочкой? Миллион вопросов в минуту, тысяча в секунду, сотни в каждый миг. Некогда думать, взвешивать, рассуждать, вспоминать скрытые предрассудки, предубеждения, желания и прочие нюансы, из которых складывается личность человека. Да это и не требовалось. Нужны были автоматические, реакции. Как у амёбы: задрожит, сожмется или поползет?

Представьте, что вас окунают в воду. Горячая она или холодная? Светлая или темная? Истина или ложь? Оцените факт. Вообще, факт ли это? Вычислите эту сумму. Согласны ли вы, что это этично? При определенных обстоятельствах?.. А что такое этика вообще? Определяют ли обстоятельства этичность поступка? Откуда вы знаете, что вы нормальны? В чем разница между правдой и ложью? Может ли нечто быть правдой для одного человека и ложью для другого? Может ли оно быть правдой сегодня, но ложью вчера – и снова ложью завтра? Может ли это быть правдой для вас, но ложью

для меня? Существует ли абсолютная истина и абсолютная ложь? Универсальны ли они при всех обстоятельствах? Разумен ли довод? Разумна ли вера? Откуда вы знаете, что вы нормальны? Какой смысл вы вкладываете в следующие слова?.. Разумна ли интуиция? Зависима ли логика? Рациональна ли мысль?

Армстронг тонул в бездонном море безволия, и разум его послушно откликнулся на все вопросы, как бы они ни были каверзны. Сколько это продолжалось, он не имел ни малейшего понятия, ибо время и пространство перестали существовать, и во Вселенной не осталось ничего, кроме его собственного беззащитного ума, исповедовавшегося перед электронным алтарем.

Первыми признаками возврата к нормальному состоянию были жар и полное физическое истощение. Он безвольно лежал на металлической решетке, уставившись невидящим взглядом на переплетение серебряных трубочек и бусин. Эта штукovina выжала его как лимон; руки дрожали, голова раскалывалась от боли. До него медленно доходило, что ремни больше не опутывают его тело, а Горовиц стоит рядом и молча его изучает.

На скверном английском, гортанным голосом, Горовиц произнес:

– Выпейте – вам станет лучше.

Горячая жидкость обожгла горло. Сделав большой глоток, Армстронг облизал губы и закрыл глаза; мелькнула запозда-

лая мысль, что он выпил, скорее всего, какой-то наркотик. Снадобье подействовало сразу, и он был настолько истощен, что, махнув на все рукой, моментально провалился в сон.

На вызов ученого явились охранники. Они подняли тяжелое тело с решетки, отнесли обратно в камеру и оставили там. Они проделали это так же флегматично, как всегда, словно таскать тела было для них будничным, рутинным занятием. Но они в свое время тоже прошли через психотрон.

Армстронг проспал целые сутки, после чего умылся, побрился, позавтракал и почти пришел в себя, когда за ним явились опять. Его снова провели по коридору, через четыре комнаты в зал; снова его провели через двойные двери, и он очутился в том же кресле лицом к лицу с Линдлом. Сенатор поднял голову, на лице его читалось удовлетворение.

– Ну, мистер Армстронг, похоже, вы прошли путь до конца. Он был долог и извилист, со множеством ловушек и препятствий, но вы его все-таки прошли. Поздравляю.

– Это еще не конец! И наступит он, только когда...

Линдл протестующе поднял руку:

– Знаю, знаю! Вы хотите сообщить мне все, что вы обо мне думаете. Но давайте на время оставим личности, а? У вас наверняка много вопросов, и сейчас настало время на них ответить. У нас больше нет причин скрывать от вас информацию, а наоборот, есть весомый довод в пользу того, чтобы все вам рассказать.

– Какой довод?

– Вы нормальный!

– Ха! – воскликнул Армстронг с иронией. – Неужели? Даже не верится!

Подавшись вперед, Линдл внимательно на него посмотрел.

– Послушайте, я хочу изложить вам кое-какие факты. Готов держать пари, что вы мне не поверите, хотя от этого они не перестанут быть фактами. Однако вы можете получить информацию только при определенных условиях.

– Валяйте, – равнодушно произнес Армстронг.

– Вы должны отбросить вполне естественную враждебность по отношению ко мне, ибо она есть порождение ваших эмоций, а не разума. Я понимаю, что насильно мил не будешь, и я не прошу ни любви, ни дружбы – пока! Но я настаиваю на том, чтобы вы выслушали меня спокойно и без предубеждения. Давайте на время забудем, что произошло, и поговорим серьезно.

Армстронг задумался. По сути дела, от него требовалось изменить самому себе, пусть и на время. Превратиться в рыбу. Заморозить эмоции. Предположим, он согласится. На время. Он выслушает этого лощеного аристократа с ястребиным профилем, но пусть он не требует от него дружбы. Сидеть и слушать, флегматично, как изваяние, – это пожалуйста. Но не больше. А уж забыть – черта с два!

– Ладно. Попробую, – произнес он наконец.

– Вот и хорошо! – одобрительно заметил Линдл. Скре-

стив руки на столе, он заговорил: – Как известно, и, возможно, время от времени вы об этом задумывались, людей этого мира можно разделить на группы несколькими способами. Однако критерии классификации неоднозначны и иногда противоречат один другому. Вы можете, например, разделить людей по цвету кожи. Или по фонетическому признаку, в соответствии с языками, на которых они говорят. Либо согласно их политическим, экономическим или религиозным пристрастиям. Людей можно также разделить на мужчин и женщин, на старых и молодых, на богатых и бедных, на невежественных и образованных. Критериев очень, очень много!

Он многозначительно понизил голос.

– Но есть один критерий, который применяется реже других, хотя именно он – самый важный.

– Продолжайте, – подбодрил Армстронг.

– Каждый землянин либо «гуман», либо «норман»! – Линдл оценивающе посмотрел на собеседника. – То есть, иначе говоря, либо он безумный, либо нет; либо неразумный, либо здравомыслящий!

Беспокойно заерзав в кресле, Армстронг заметил:

– Я ничего не говорю. Предоставляю это вам.

– Нормальных, в здравом уме людей – мало, – продолжил Линдл. Его голос приобрел особый тембр, мрачный и тяжеловесный, словно он пытался подражать ангелу, читающему Книгу Судеб. – Ненормальных, наоборот, много – фактиче-

ски их подавляющее большинство в этом несчастном мире. Не следует питать иллюзий: если некто менее безумен, чем остальные, это не означает, что он нормален. Относительные категории – всего лишь относительные категории. Отсюда следует, что никто в этом мире не может считаться нормальным до тех пор, пока это не подтверждено объективными доказательствами.

– И конечно, вы их придумали, – саркастически заметил Армстронг. – Помешанные определяют, кто помешан!

– Минуточку! – укоризненно произнес Линдл. – Мы ведь договорились не проявлять враждебности, не так ли? – Он спокойно взглянул на Армстронга, помолчал, затем продолжил: – Методику эту придумал не я. Ее вообще разработали не здесь.

– Значит, ее придумали на Марсе? – весело предположил Армстронг.

– Именно.

Армстронг издал непроизвольное: «Что?» – затем прикусил губу и погрузился в молчание.

– Я вас предупреждал. Я сказал, что вы получите больше фактов, чем заслуживаете! – Тонкое лицо Линдла стало задумчивым. – Эти методы были придуманы на Марсе нашими предками сто двадцать тысяч лет назад. Они – единственное средство, при помощи которого нормальность человека можно определить достоверно.

– Наши предки... Вы хотите сказать, что люди прибыли

сюда с Марса... в доисторические времена?

– Не все. Только те, у которых белая кожа. По прямой линии белые – марсиане, все до единого. И неважно – знают они это или нет, нравится им; это или нет. Желтокожие люди – единственные коренные земляне, – они жили здесь всегда. В некотором смысле мы у них в гостях. Как, скажем, американцы в гостях у индейцев. Но люди с красной кожей – венериане. Чернокожие – с Меркурия. Каждый негр – меркурианец по происхождению.

– Звучит как постулаты новой религии, – скептически заметил Армстронг. – Откуда вы все это взяли – увидели в магическом кристалле? Вам кто-то передал священные скрижали?

– Послушайте! Это же происходило сто с лишним тысяч лет назад! Здесь некому было вести записи! Да они бы и не сохранились. – Линдл говорил доверительно и уверенно. Он нисколько не напоминал фанатика или служителя культа, эдакого безумного проповедника безумного учения, верно-го только потому, что оно «единственно верно». Он говорил так, словно убеждал, что розы – красные, а фиалки – голубые. – Видите ли, все это – достояние внеземной истории, анналы которой намного древней и гораздо достоверней, чем легенды Земли. Эти факты имеют неоспоримые доказательства, и их можно проверить в любой момент.

– Да? – прервал его Армстронг. – Как?

– Как угодно. Например, я могу показать вам трехмерные

записи происходивших событий, включая первые марсианские экспедиции на Землю и Луну. Я могу дать вам поиграть с психотроном, пока вы не убедитесь сами, что он не похож ни на один аппарат, существующий в этом мире. Однако самое эффективное и бесспорное доказательство будет обнаружено тогда, когда земляне достигнут Марса – если нам не удастся им помешать!

– А! – Армстронг положил свои мощные руки на подлокотники кресла и принял воинственный вид. – Стало быть, вы признаете, что диверсии с ракетами – ваших рук дело?

– Признаю? Мой дорогой, мы гордимся этим!

– По-моему, – отчеканил Армстронг, – вы сами сунули голову в петлю и сами затянули веревку. Вы собираетесь гордиться и в тюрьме, когда ФБР поймает вас за шиворот?

Линдл иронично хмыкнул:

– Слышу речь землянина. Американца. Причем стопроцентного.

– Может быть. Но мне нравится быть американцем. Я нормален. Вы сами это сказали. Я достаточно нормален, чтобы сохранить какое-то самоуважение. И я не собираюсь продаваться первому встречному просто потому, что этот первый встречный предложил мне большую цену.

– Каков упрямец! – Линдл рассмеялся и погрозил пальцем: – Никакой враждебности – помните? У этого разговора одна цель – мы раскрываем перед вами карты, а уж вы сами решаете, что для вас предпочтительнее. Но услышать вы

должны все. Ведь вы – ученый, вы не привыкли принимать решения, исходя из непроверенных фактов, правда?

– Да. Не привык. Выкладываете все. Я слушаю – но не надейтесь, что я просто так возьму и поверю!

– Я изложу вам вкратце ту историю, которая неизвестна большинству людей в этом мире. Неизвестна потому, что ее держат в тайне по причинам, которые вы скоро поймете. Отдельные эпизоды этой истории и кое-какие факты являются тщательно оберегаемыми секретами определенных тайных обществ, например масонов или мальтийских рыцарей. Информация, которую вы от меня узнаете, не подлежит разглашению, всуе, если можно так выразиться. Это – бисер, который не рассылают перед... обыкновенными людьми. Это знание для немногих – нормальных!

– Я весь внимание.

– Вы должны не просто слушать, – сказал Линдл. – Вы должны также думать. Думать, чтобы запомнить. А запомнив и вникнув, постараться увидеть будни этого мира под новым углом, другим взглядом.

Линдл проницательно взглянул на Армстронга и начал рассказ:

– Более ста двадцати тысяч лет назад раса белокожих высокоразвитых людей Марса вышла в космос и направила свои корабли к внутренним планетам Солнечной системы. Они обнаружили, что все планеты заселены существами, чрезвычайно похожими на них самих, но отстающими

в развитии. Разница ограничивалась чертами лица и цветом кожи. Обитатели Меркурия – чернокожие, жители Венеры – бронзовые, земляне – желтые. Объяснение здесь очень простое: пигментация находится в прямой зависимости от интенсивности солнечного облучения. Марсиане белые, потому что они должны быть белыми.

– Тут я с вами вполне согласен, – признал Армстронг. – Так и должно быть, если это вообще может быть.

Линдл не обратил на его шутку никакого внимания.

– На ходе истории сказалось различие природных условий. Все планеты были плодородны, но ни на одной жизнь не развивалась так бурно, как на Земле. Однако в этом заключалось и ее несчастье, жизнь на Земле просто-напросто пожирала сама себя. Меркурий и Венера отставали от Марса очень ненамного – настолько ненамного, что они и сами могли бы в течение ближайшей тысячи лет выйти в космос, даже если бы белые марсиане им не помогли. Но желтые люди Земли оказались невероятно примитивными, существами дикарями, занятыми постоянной и тяжелейшей борьбой за существование среди кишаших вокруг чудовищных форм жизни. Потенциал земной расы был не меньшим, чем у их соседей, но землянам приходилось преодолевать гораздо более трудные препятствия, и прогресс, естественно, шел медленнее. Никому из обитателей трех других планет не было нужды тратить столько сил на борьбу за выживание, и потому их развитие шло сравнительно быстро, особенно – на Марсе.

Земляне же поднимались к вершине самым трудным маршрутом. Изобилие жизни на их планете, которое может быть благом, было их бичом.

– Ну и?.. – без необходимости подтолкнул Армстронг.

– В дальнейшем, совместно осваивая космос, культуры трех планет – Марса, Венеры и Меркурия – сблизились и фактически объединились. Землю – мир джунглей и болот, ядовитых растений и опасных хищников – просто игнорировали. Она была слишком молодой, слишком дикой, чтобы стать равноправным членом Солнечного Братства. Хотя, повторяю, потенциальные возможности землян были хорошо известны, и их ждала столь же великая судьба. Но так уж получилось, что немногочисленные желтые люди Земли в те времена еще недалеко ушли от обезьян.

– Однако же самая древняя из известных цивилизаций на Земле, как оказалось, была китайской, – хитро вставил Армстронг.

– Совершенно верно, – согласился Линдл." – Что также является доказательством правдивости моего рассказа. Я еще вернусь к этому обстоятельству. – Прежде чем продолжить, он взглянул на Армстронга, чтобы понаблюдать, какой эффект производят его слова.

– Довольно долго Землю не брали в расчет, о ней забыли, совсем как об Америке в период между Эриком Рыжим и Колумбом. За это время люди трех других планет стали почти богами, и лишь одна черта отделяла их от совершен-

ства – они несли в себе семена саморазрушения, склонность к агрессии, которая время от времени грозила ввергнуть их миры в кровавые и бесполезные войны. Это был изначально-ный, извечный дефект менталитета, который давал всходы в каждом поколении. Распознать его не могли прежде всего потому, что, во-первых, не существовало надежной методики, а во-вторых, люди понимали, что, даже если бы методика вдруг появилась, использовать ее не имело никакого смысла, пока не решена куда более важная проблема – сепарации. Иными словами, незачем отделять агнцев от козлищ, если не знаешь, что делать с последними. Вопрос об эвтаназии даже не поднимался; уровень морали в обществе был уже достаточно высок. Для того чтобы могущественные цивилизации трех планет достигли истинного совершенства, требовался некий «мирный» способ избавления от «нечистых». И в течение многих столетий мудрейшие из мудрых не могли найти решения.

Сделав паузу, Линдл перегнулся через стол и предложил Армстронгу сигареты. Взяв одну, Джон заметил:

– Ангелам тоже свойственны вредные привычки, а? – Он усмехнулся, воткнул сигарету в рот и, машинально затянувшись, как это обычно у него получалось, полез в карман за зажигалкой. Внезапно кончик сигареты зажегся сам собой, но дым, который проник в его легкие, был не табачным, а каким-то другим, ароматным и успокаивающим.

– Даже ангелы любят утешение? – улыбнулся Линдл. – Од-

нако продолжим. Наконец нашли решение. К любому замку можно подобрать ключик, нужно лишь время. Проблема перестала быть проблемой, когда Прахада, марсианский специалист по электронике, создал психотрон. Это было абсолютное решение. Со стопроцентной достоверностью психотрон отличал рационально мыслящих людей от мыслящих иррационально. Он не мог устранить причины, скрытые на генетическом уровне, но он со стопроцентной гарантией идентифицировал психический дефект. Это был чисто психический анализ: физические несовершенства и расовые различия аппарат игнорировал. Умственно несовершенным особям отказывалось в статусе полноправных граждан всех трех планет. Если угодно, это статус «богоподобного».

– Для многих он оказался прекрасным подарком! – вставил Армстронг.

– Вскоре после изобретения психотрона один венерианский философ разработал план, который полностью соответствовал этическому кодексу Солнечного Братства и предусматривал право несовершеннолетних распоряжаться собственной судьбой. Одним словом, не прошедших тест на психотроне решили высылать на Землю.

Армстронг уронил сигарету, но сразу же поднял ее с ковра. Его пальцы дрожали, хотя он напряг всю свою волю, чтобы сохранить самообладание. Казалось, душа его снова распалась на две непримиримые половины. «Ну и горазд же врать этот Линдл! Да он самый натуральный псих! Только су-

масшедший может придумать такой вздор!» – говорила одна половина. Другой голос с дьявольской настойчивостью твердил: «А разве не это ты подозревал все время? Ты видел, ты знал, что человеческое поведение иррационально, но у тебя не хватало духу признать этот факт. Ты не доверял своим собственным мыслям, потому что считал безумие окружающих нормой!»

Решительно выбросив из головы оба назойливых голоса, Армстронг сосредоточился на поразительной истории, которую рассказывал человек с хищным птичьим лицом.

– На самом деле предложенный план «психической чистки» ненамного отличался от гораздо более позднего плана англичан, которые, после нескольких первых экспедиций, превратили в тюрьму целый материк – и стали ссылать туда преступников и всякого рода смутьянов. Для Франции эту роль играла Гвиана. Приверженцы плана, рассматривавшие Землю, если угодно, как своего рода космическую Австралию, доказывали меркурианцам, венерианам и марсианам: «Давайте избавимся от гуманов! Мы не лишаем их права на жизнь. Мы не хотим крови! Пусть сама Природа рассудит, смогут ли выжить люди с ущербным мышлением». План был принят. На это ушла бездна сил, средств, времени – целых шестьсот лет! Но они это сделали!

– Гитлер рядом с вами просто младенец, – заключил Армстронг.

Нимало не смутившись, Линдл продолжал с задумчивым

ВИДОМ:

– Итак, основательно потрудившись, три планеты отфильтровали всех психически дефектных и избавились от них, невзирая на возраст, пол и степень несовершенства и не обращая внимания на их просьбы и мольбы. Меньшинство превратилось в большинство. Это лучше, чем эвтаназия, и более щадящая мера, согласитесь. – С этого момента Земля оказалась населена чернокожими изгнанниками с Меркурия, коричневыми с Венеры, белыми с Марса плюс, конечно же, местными желтыми, среди которых находились и нормальные, и психически дефектные индивиды. Вопрос об их очистке так и остался открытым. К лучшему или к худшему – время покажет. Но факт, который вы упомянули и который я просил вас запомнить – о том, что именно китайцы создали древнейшую земную цивилизацию, не случаен. Ибо среди всех обитателей планеты только они имели нормальных, которые компенсировали влияние ненормальных. Прочие, как было установлено с помощью психотрона, в той или иной степени страдали безумием – и по сей день большинство все еще остаются таковыми!

– Знаете ли, от ваших слов человек вполне может наложить на себя руки, – заметил Армстронг. – Даже сумасшедшие не любят, когда им каждый день напоминают об их обреченности.

– Интересное суждение, хотя и абсолютно беспочвенное, – возразил Линдл. – Как я вам сказал, правду знают

очень немногие, остальные пребывают в счастливом неведении. Это – во-первых. Во-вторых, тысячелетия спустя выявился факт огромной значимости, факт, который дает повод для оптимизма и может считаться оправданием для чистки. Оказалось, что здравомыслие – признак доминантный.

– Что-что?

– Здравомыслие – доминанта, – настойчиво повторил Линдл. – С течением времени, по мере смены поколений, дефект мышления постепенно сглаживается и исчезает, уступая место наследственному здравомыслию. Каждое следующее поколение и качественно, и количественно отличается от предыдущего. Так называемая «дефектная» раса, как выяснилось, находится на том же пути, только значительно отстала. В один прекрасный день она наверстает упущенное! – Линдл снова взглянул на Армстронга, чтобы убедиться в действенности своих слов. – Главная проблема сейчас в другом – несовершенные люди Земли преуспевают в науке – и особенно в космонавтике – гораздо быстрее, чем прогрессируют психологически. Они угрожают вторгнуться в «святилища» богов, хотя им еще очень далеко до богоподобия. Некоторые обладают мозгом нормана, сохраняя при этом стиль мышления гумана. Иными словами, они стремятся заполучить приз, который предназначен вовсе не для них – по крайней мере, пока. И если мы не сумеем им помешать, то есть если мы каким-либо способом не сдержим космиче-

скую экспансию Земли, то Марс, Венера и Меркурий встретятся с проблемами, которые они уже решили сто тысяч лет назад.

– По-моему, это стыдно, – сказал Армстронг.

– Разве? – Голос Линдла звучал резко. – Подумайте еще.

Вы считаете себя американцем и землянином, потому что... потому что вы так считаете. Но ведь когда-то вы так же искренне верили в Санта-Клауса и пасхального кролика. Но вы – белый и нормальный и по определению – марсианин! И вот тут возникает вопрос о вашей лояльности.

– Слишком вы быстрый, – парировал Армстронг. – Что такого сделал для меня Марс, чтобы я вдруг проникся к нему благодарностью? Я уж не говорю о лояльности.

– Многое! Например, Марс дал вам право на жизнь, хотя не так уж трудно было вообще отказать вам в нем. Вы живете потому, что ваших предков выслали, вместо того чтобы их убить. Если бы Марс поступил так, как поступали многие из земных маньяков, вы бы не родились никогда!

– Но...

– И во-вторых, – с нажимом продолжал Линдл, – Марс не бросил этот мир на произвол судьбы. Он вмешивается в жизнь Земли и делает все возможное, чтобы ростки благоразумия не погибли. Это значит, что вы живете в мире, который не так катастрофически безумен, каким он мог быть.

– Вмешивается? – Взгляд Армстронга стал насмешливым. – Что вы подразумеваете под вмешательством? По-мое-

му, вы говорили, что они сослали нас сюда и бросили – именно на произвол судьбы.

– Нет. Была проведена чистка, но марсиане не умыли руки. Никогда и никому не запрещалось навещать в этот дурдом. Ученые, заинтересованные в развитии земного человечества, прилетали и делали, что могли. Это были выдающиеся миссионеры! Многих из них помнят до сих пор – Гаутама Будда с Северной Венеры, например. Здесь его звали Буддой! В те времена наши посланцы могли сдвигать горы. Ужасно жаль, что слова этих людей всякий раз невысказанно искажались, и они никогда не бывали поняты больше чем наполовину. Их происхождение сегодня окутано мистической тайной, а попытки показать, на что способна настоящая наука, до сих пор воспринимаются как великие чудеса. На столбе огня они пришли, и на огненной колеснице вознеслись на небеса!

– Вы имеете в виду?..

Линдл кивнул:

– Почти каждый из великих, кого вы в состоянии вспомнить. Исключая Конфуция – он обладал природной мудростью аборигена-землянина, причем здравомыслящего. Но остальные... почти все... – Голос его замер, и некоторое время Линдл молчал. – Чудес не бывает, и это отлично известно многим земным ученым – потому что многие из них здравомыслящие. Говорящая статуя Мемнона просто-напросто резонировала всякий раз, когда жрец ударял по соответствующим

ющему месту. Когда Мухаммед совершал свое знаменитое путешествие в Иерусалим, он телепортировал себя с такой же легкостью, с какой тропические фрукты телепортируются через красные пустыни. Но ни демонстрация достижений науки, ни проповеди так и не смогли пробудить здравомыслие у неразумных; наоборот, на основе этических учений они создали безумные культы, которые только добавили горя в их жизнь и которые мешают этому миру до сих пор. Поэтому примерно шестнадцать или семнадцать столетий назад попытки открытого вмешательства были прекращены, а вместо них налажено более эффективное, скрытое воздействие. И вот сейчас, в наше время. Солнечное Братство вдруг обнаружило, что ему куда важнее позаботиться о защите от землян, чем об оказании им социально-психологической помощи.

– Любопытно, – признал Армстронг. Он откинулся в кресле и вытянул ноги. – Красочно, жизненно. Ничем не хуже «Золушки» и «Снежной Королевы». На вашем месте я обязательно придал бы рассказу больше драматизма. Как? Например, встал бы и продекламировал: «Смотрите! Завидуйте! Я – гражданин Марса!»

– Каковым я и являюсь, – парировал Линдл. – И вы тоже! Верно – по рождению я землянин. Но по убеждениям и по духу я – марсианин. Я не жду, что вы прямо сейчас, сразу начнете смотреть на вещи моими глазами, но я посеял семена в вашем сознании, и, рано или поздно, они дадут всходы. Нравится вам это или нет, но вы не сможете больше упрямо

цепляться за земные предрассудки, если вы признаны одним из самых передовых людей в Солнечной системе. Теперь, после того как вы осознали себя здравомыслящим, ваш долг – охранять границу, тонкую красную линию, и оберегать от безумия, кого нужно спасти – других здравомыслящих.

– Мой долг? Кто это сказал? – Армстронг поднялся на ноги.

– Не я! Никто! Вы сделаете выбор сами, подсознательно, если уже не сделали. Вы не можете не быть норманом, потому что вы норман. – Линдл встал вслед за Армстронгом – одного с ним роста, он больше походил на преуспевающего адвоката, чем на известного политика. – Вы свободны, мистер Армстронг.

– Вы в себе уверены, да? «Грубое посягательство на свободу субъекта подлежит судебному преследованию». Так гласит закон. Откуда вы знаете, что я не причиню вам массу хлопот, когда отсюда выйду?

Линдл прошел по ковру и распахнул дверь.

– Точь-в-точь мои слова. То же самое говорил я, когда освобождали меня. То же самое говорили и сотни других. И все они, после недолгих раздумий, вернулись. Вы понимаете? Наша сила именно в том, что люди тянутся к нам сами, по осознанному велению души. Хотя вы, быть может, пока этого не понимаете. Можно привести пример: птицы одного вида сбиваются в одну стаю. Но это упрощение. В других мирах приняты термины «психогравитация» или «телесим-

патия».

– Я называю это стадным инстинктом, – раздраженно произнес Армстронг. – Мне с вами не по пути. Я – волк-одиночка.

Линдл усмехнулся:

– Видите ли, главная черта нормальных – они не могут не думать. Им это нравится и не причиняет никакой боли. Они думают, думают, думают – все глубже, все настойчивей, и ничто не может их отвлечь. В конце концов, они оказываются членами «Норман-клуба». Подобное тянется к подобному – и мы с вами еще увидимся. Обязательно. – Он приглашающим жестом обвел комнату: – А пока что – получайте свою гарантированную свободу, мистер Армстронг. Свободу жить в безумном мире. – В его глазах вспыхнули странные огоньки. – Посмотрим, как вам теперь понравится этот дурдом!

Армстронг разглядывал Линдла, задумчиво и чуть раздраженно покусывая зубами нижнюю губу. Ему очень хотелось сказать кое-что не из школьной программы, но почему-то казалось, что Линдл этого не поймет. Наконец он проворчал:

– Ладно. В дурдом так в дурдом. Пойду набираться сил. Но предупреждаю, в следующий раз мы встретимся уже в другом месте. – Армстронг угрожающе взглянул на Линдла. – Берегитесь!

С этим он и вышел.

В офис Хансена Армстронг ворвался, распахнув дверь ногой. Мириам, с мечтательной улыбкой сидевшая за столом, вздрогнула, когда он прошагал мимо, вместо приветствия едва удостоив ее угрюмым ворчанием. С видом разъяренного носорога он прошел в кабинет, плюхнулся в кресло и уставился на мрачного как туча агента недобрым взглядом.

– Отлично вы меня прикрыли! Ничего не скажешь!

Хансен слегка приподнял левую бровь, достал из ящика стола какую-то бумагу и молча швырнул ее через стол. Армстронг поднял ее и прочитал:

«Тут просто лагерь бойскаутов. Вы только без пользы потратите время. Когда понадобится помощь, я вам позвоню. Джон Дж. Армстронг».

– Подпись – ваша, – с ударением произнес Хансен. – Я сделал двойную проверку. Второй раз – у Сида в полицейском управлении. Он заявил однозначно: почерк и подпись – ваши.

– Когда и где вы ее получили?

– Через час после того, как вы вошли в здание. Я сидел в закуской через дорогу, за четвертым столиком слева, точно там, где вы велели быть. Тот разодетый швейцар подошел прямо ко мне, протянул конверт и сказал: «Сообщение от мистера Армстронга».

– Первый раз слышу. – Армстронг с нескрываемым раздражением бросил записку обратно Хансену. Тот продолжал:

– Я прочитал и сравнил подпись с образцом, который носил в жилетном кармане. Это ваша подпись, Сид подтвердил. Вы сами понимаете, я не настолько прост, чтобы попасться на такую удочку, но здесь все чисто. Эту записку написали вы. – Он развел руками. – Мне не оставалось ничего иного, как собрать вещички и убраться.

– Тем не менее я ее не писал.

Хансен позволил себе испустить глубокий вздох.

– Значит, чудеса в этом мире еще случаются. – Он отпихнул злополучное послание. – Предлагаю вам взять ее и пройтись по банкам. Если пятнадцать клерков подряд скажут вам, что подпись подлинная, тогда вам просто придется поверить в чудеса.

Сложив записку, Армстронг сунул ее в карман.

– Я проверю сам. Если подпись моя, значит, я писал под их гипнозом. Но как? Даже не представляю...

– О, так вы были под гипнозом?

– Они со мной не церемонились, все произошло в считанные секунды. Я свалился, как мешок с мукой. А вы сидели себе спокойно и слушали «бип-бип». Приборчик они тоже нашли. Хотя о нем знали только вы и я, и я им об этом не говорил. – Сцепив пальцы, Армстронг наклонился вперед: – Вы?

– Конечно, я! Кто же еще! Я всегда именно так и поступаю. Не отдаю долги, плюю клиентам в лицо, а свободное время трачу на поиски способов обанкротиться. – Голос стал едким. – Если уж вы умеете во сне писать письма, то, наверное, можете и отвечать на вопросы. Во сне.

– Вопросы! – У Армстронга вырвался стон. – Я ответил на миллион вопросов. – Вот видите!

– Может, я действительно слишком много говорил. Но я не знаю, что я говорил, что писал, и не знаю, как они меня заставили это сделать. – Армстронг огляделся. – Где ваш бипер?

– В сейфе. Мириам отдаст его вам, когда будете уходить. Этот будильник пищал еще четыре часа после того, как я сюда вернулся. И каждый раз он указывал в разные стороны. Последний раз сигнал пришел откуда-то из Нью-Джерси. Потом он выключился.

– Верно, они меня выпустили на той стороне Джерси-Сити.

Хансен внимательно оглядел его.

– Вас не было четыре дня. И похоже, «Норман-клуб» не пошел вам на пользу. Видок у вас тот еще.

– Да. – Армстронг некоторое время размышлял. – Как только я обрел свободу управлять своими ногами, я сразу пошел в полицию. Я несколько не сомневался, что прижучить эту компанию будет чертовски трудно, и то, что мне сказали фараоны, не было неожиданностью. Моя тюрьма извест-

на как клиника для невротиков, которая содержится за счет благотворительности влиятельных членов «Норман-клуба». В разное время два десятка психопатов досаждали полиции жалобами на незаконное содержание в клинике. Шестнадцать одумались сами; четверо обратились в суд и, потратив массу сил и кучу денег, проиграли дело. Умные адвокаты и честные свидетели не оставили камня на камне от их показаний. Кроме того, психи что-то лепетали насчет происков коварных марсиан, а любой судья знает, что человек, который бормочет про марсиан, – самый настоящий псих.

– Марсиане? – Брови Хансена снова поползли вверх.

– Ну да! – Армстронг разглядывал его со злобным удовлетворением. – Вы марсианин, и я марсианин, и Мириам тоже марсианка. Вы – инопланетянин, если только ваше имя не Пу Суныцзы. «Норман-клуб» может это доказать.

– Бред, – кратко ответил Хансен. Потом добавил: – Как они это докажут? С таким же успехом можно доказывать, что Солнце вращается вокруг Земли, а Земля квадратная. Зачем делать мир безумнее, чем он есть?

– В том-то и дело. Мир именно безумный. Почти все люди на Земле безумны, кроме меня.

По неподвижному лицу Хансена промелькнула неясная тень тревоги. Наклонившись вниз, он пошарил в нижнем ящике стола, извлек бутылку бурбона и протянул Армстронгу:

– Хлебните. Поможет.

– Да. Надо быть последним кретином, чтобы отказаться. – Армстронг приник губами к горлышку, потом перевел дыхание и приложился опять. Наконец он отдал бутылку Хансену. – Так вот, узнав, что я – самый что ни на есть нормальный тип, я столкнулся с сотней проблем, отсюда вытекающих. Самая важная сейчас – определить, насколько безумны вы.

– Я? – Хансен, казалось, и удивился, и огорчился одновременно. Схватив бутылку, он сделал огромный глоток. – Обычно я схожу с ума, когда меня доводят до белого каления психованные клиенты.

Проигнорировав эту шпильку, Армстронг великодушно заметил:

– Конечно, есть шанс, что вы тоже нормальный. Было бы чудесно, если б так и оказалось. Если у нас обоих достанет здравого смысла, чтобы тащить свою ношу, нам следует держаться друг за дружку среди всех этих идиотов. – Он сделал жест рукой, как бы показывая весь остальной мир.

– Что они с вами сделали? – озабоченно осведомился Хансен. – Влили под череп бутылку пива?

– Сейчас расскажу. На этот раз без дураков. Произошло вот что...

И Армстронг поведал Хансену, что с ним случилось. Это заняло почти час. К тому времени, когда он окончил свой рассказ, лицо агента выражало весьма любопытную смесь эмоций.

– Вот так, – заключил Армстронг. – Оказывается, на старушке Земле живут сами земляне плюс потомки изгнанников с Марса, Венеры и Меркурия. И практически никто из них ни о чем не догадывается. У большинства мышление все еще дефектно, хоть и в разной степени, и об этом они тоже ничего не знают.

– И вы поверили в эту белиберду? – взорвался Хансен.

– Я ее не принимаю. Но и не отвергаю. С одной стороны, это слишком унижительно для самолюбия, но с другой – очень уж правдоподобно.

– Вы представляете, что станется с этой планетой, если ее обитатели вдруг обнаружат, что они – толпа хронических психопатов, запертых в дурдоме? Дьявол меня побери, они тогда действительно свихнутся!

– Идиот, по определению, не может быть идиотом только наполовину, – иронично заметил Армстронг. – Кроме того, вы забываете, что здравомыслие все-таки доминирует. Дефект мышления – признак рецессивный, он обречен на вымирание, хоть и медленное. Этот мир в свое время обязательно станет «нормальным», и тогда другие планеты примут нас в свою семью как давно потерянных братьев. Но пока мы еще не готовы.

– Чепуха! – отрезал Хансен. – Ахинея! Вздор! Галиматья! Псевдоисторические байки!

– Может быть – да, а может быть – нет. Вы упустили кое-что. Меня, например, весьма тревожат два обстоятельства.

– Что такое?

– Во-первых, аварии ракет – действительно дело рук этих милых ребят, и как они их устраивают, нам неизвестно. Во-вторых, диверсии организуют члены «Норман-клуба» самых разных национальностей. И неважно, считают ли они себя русскими марсианами, английскими марсианами, французскими марсианами или еще какими-нибудь марсианами. Главное – они считают себя в первую очередь марсианами, венерианами или меркурианами, а уж догом англичанами, русскими или португальцами. – Армстронг на мгновение задумался. – Однако если бы ракету строили в Индии, то, скорее всего, ее уничтожили бы индо-венериане. Африканский корабль погиб бы от рук афро-меркуриан. Мы столкнулись с могущественной и безжалостной организацией глобального масштаба, которая действует в интересах не нашего мира. То, что вера этих людей, возможно, основана на полном абсурде, не имеет никакого значения. Даже если бы ни Христос, ни Магомет не родились на Земле, это не избавило бы мир от фанатиков, инквизиции и исламского фундаментализма. Вера, религия, идеология – вот что имеет значение.

– Знаю, знаю, – мрачно согласился Хансен. – Таким образом, мы оказались перед абсолютно алогичной ситуацией, когда утверждается, что правда – это не то, что очевидно, а то, во что очень сильно верят. Хуже всего другое – нелогичность, исходя из неверных предпосылок, объяснить можно логично. Стоит только встать на эту позицию, как произой-

дет превращение – любой жизненный эпизод лишней раз будет доказывать, что мир действительно охватило повальное безумие. – Он покосился на бутылку бурбона и продолжил: – Так, нелогичность утверждает, что если пятьдесят миллионов людей твердо, фанатично верят в хрюндельмундиндель, то хрюндельмундиндель существует! Хотя до какого же абсурда нужно докатиться, чтобы использовать в качестве аргументов фразы вроде «Пятьдесят миллионов французов не могут быть не правы». Сумасшедшие законы для сумасшедших людей!

– По-моему, мы сегодня надеремся, – пробормотал Хансен.

– Я хочу сказать, что вопрос в том, правы или не правы эти фанатики из «Норман-клуба», сейчас не важен. Важно другое – какое действие оказывает на них вера, в чем кроются мотивы их поведения. И как следствие: что мы можем сделать, чтобы испортить им игру.

– А чего ради, собственно, беспокоиться? – Схватив бутылку, Хансен сделал большой глоток. С трудом переведя дух, он воскликнул: – Ух ты? – Потом провел ладонью по губам. – Если какие-то психи хотят вырваться в космос, а другие психи хотят им помешать, почему не дать им возможность подраться между собой? Если кто-нибудь когда-нибудь доберется до Марса, мне от этого не отломится ни одного цента.

– Это за вас говорит бурбон. – Армстронг строго взглянул

на Хансена. – Обычно вы говорите не так. Вы забыли, что я – как раз тот самый псих, который рвется на Марс, и что я плачу вам за то, что вы помогаете мне продвигаться в этом направлении.

– Да. – Хансен кивнул. Его внимание сейчас целиком занимал язык, который вдруг перестал слушаться. – Да... я имел в виду... это самое... конечно? Все, что вы говорите!

– Тогда оставьте бутылку в покое и слушайте внимательно. Этот эпизод в «Норман-клубе», как гребень гигантской волны, перенес меня через рифы. Но я не удовлетворен. Слишком много камней остались неперевернутыми.

– Вы имеете в виду смерти Мэндла и Маршала?

– И это, и кое-что другое. Например, кто и зачем обыскивал мою квартиру и лабораторию? Кто тот рыжий? Куда он делся? Что он искал? Зачем следил за мной?

Хансен со всеми предосторожностями оперся руками о стол и встал; глаза его сузились, лицо стало строгим. Продолжая смотреть на него, Армстронг упер ноги крепче в пол и напрягся.

– Сальто вам не поможет, – произнес за его спиной тихий, вкрадчивый голос. – Прошу воздержаться от резких движений. И вы, мистер Хансен, будьте добры, сядьте на место.

Щелкнул замок, и в поле зрения Армстронга появились трое мужчин. Он узнал их. Первым был рыжий. Второй – худощавый задохлик, который резвился в его лаборатории. Третий был из той парочки фиктивных агентов ФБР.

Рыжий и задохлик держали в руках «фонари», как две капли воды похожие на тот, который засняла потайная камера Армстронга. Третий человек держал руки в карманах.

Рыжий легкими шагами пересек кабинет, присел на краешек хансеновского стола вполоборота к детективу и непридуманно обратился к Армстронгу:

– Надеюсь, вы не натворите глупостей. Да и зачем вам это? Ведь вы знаете, что вы – нормальный.

– Если ваши штуковины – орудия убийства, предупреждаю, вам это будет дорого стоить, – ответил Армстронг. – И советую не тратить попусту слов.

– В вашем посещении «Норман-клуба» более всех был заинтересован я, – продолжал рыжий. – Дедуктивные способности делают вам честь.

– Спасибо. Вы даже не представляете, как это лестно для меня.

– Отдельная благодарность мистеру Хансену за его сильную поддержку.

– Дьявол вам в печенку! – проскрежетал Хансен. – Что вы сделали с Мириам?

– Она в полном порядке. В хорошей компании. Ей не причинят зла, уверяю вас. – Голубые глаза рыжего загорелись холодным светом, и он продолжил, сверля Армстронга твердым немигающим взглядом: – Нам было очень приятно узнать о вашей нормальности. Но гораздо большее удовлетворение нам доставил ваш отказ от членства в «Нор-

ман-клубе» и решимость продолжать борьбу. Подобная реакция редка и в высшей степени похвальна.

– У вас что, спрятан здесь микрофон?

– Да, под календарем мистера Хансена найдется один. Жаль, конечно, что мистер Хансен оказался втянутым в это дело, но это не его вина – о микрофоне он не подозревал. Конечно, аналогичные штучки есть и в вашей квартире, и в лаборатории, ведь нельзя же заранее знать, где вы пожелаете излить душу.

– Вы основательно потрудились.

– У нас привычка все делать основательно.

– У вас?

– Я не попадусь на удочку, мистер Армстронг. Считайте, что я говорю от своего лица и от лица моих товарищей, и на этом остановимся. – Его тонкие губы скривились в мягкой усмешке, но глаза остались холодными и невыразительными. – Мы здесь потому, что нам нравится ваше отношение к космическим экспериментам, особенно теперь, когда вы знаете то, что знаете. Ответьте, неужели, несмотря на мнение «Норман-клуба», несмотря на то, что вы, сами того не зная, оказались под их защитой, неужели вы по-прежнему ратуете за скорейшее завоевание космоса?

– Да.

– Почему?

– Занимайтесь лучше своими делами, – предложил Армстронг.

– Именно это мы и делаем в настоящий момент. Видите ли, мистер Армстронг, мы тоже заинтересованы в скорейшем прорыве в космос.

– Чьем? – Армстронг проницательно оглядел рыжего. – Американцев, русских, эскимосов или еще кого-нибудь?

– Землян. Любых землян. Национальность не имеет значения.

– У вас большие планы. Вы были бы мне очень симпатичны, если б хоть раз в году ходили в баню. Вы анархист?

Рыжий упорно не желал выходить из себя, по-прежнему сохраняя невозмутимость.

– Меня не интересуют земные религии и всякие политические «измы». Я – уроженец Марса.

– Хе-хе! Оч-чень приятно! – пробурчал за его спиной Хансен.

Рыжий обернулся и оглядел его своими змеиными глазами. Хансен добавил:

– Я тоже так умею. Знаете, кто я? Мудрец из страны Оз?

– Весьма остроумно, – отчеканил рыжий ледяным тоном.

– А по-моему, ваши шарики как-то не так крутятся, – сказал Армстронг. – Вы сумасшедший?

– Видите ли, мистер Армстронг, психотрон объявил вас нормальным, а вот нас – к сожалению, нет. Вот почему мы торчим на этой паршивой планете? Вот почему мы хотим вырваться! – Он наклонился вперед. Глаза рыжего засверкали сильнее. – Никакая чертова машина не имеет права решать,

где кому жить. И не сможет, если вы...

– Не загибайтесь! Ваша история не выдерживает критики сразу по нескольким пунктам. Во-первых, большая чистка завершена уйму лет назад, и поэтому...

– Завершена, – прервал рыжий, – но отдельные люди с дефектами мышления рождались в каждом следующем поколении. Их вышвыривали вон сразу, как только обнаруживали. Они появлялись здесь, у вас, раз за разом – принцесса Карибу, Каспар Хейзер... имя им легион?

– Второе, – спокойно продолжал Армстронг, – ни один человек, даже полный идиот, не стал бы хвастать своим идиотизмом, не имея на то причин. Какая же причина у вас?

– А как вы думаете?

– Я думаю, что вы пытаетесь меня надуть, заявляя, будто завоевание космоса послужит безумным целям патентованных идиотов. Зная мое отношение к теме, вы рассчитываете таким образом заставить меня отказаться от своих планов.

Именно этого добивался «Норман-клуб»! Я полагаю также, что вы – всего-навсего шестерка и работаете на «Норман-клуб», обрабатывая меня по принципу «от противного». Я не могу понять только одного – почему, черт бы вас всех побрал, почему вы придаете моей персоне такое значение?!

– Не мои, а ваши выводы, мистер Армстронг, не выдерживают никакой критики. Мы имеем такое же отношение к «Норман-клубу», какое вы имеете к индийским раджам. Что

же касается вашей значимости – она определяется информацией, которую вам удалось откопать и которая затрагивает нас непосредственно. – Рыжий медленно покачивал ногой, ударяя каблуком по столу. Рука его твердо сжимала похожее на фонарь оружие, а раструб был направлен Армстронгу в грудь. – Я не могу заставить вас поверить в то, во что вы верить не желаете. Но если, отказываясь верить фактам, вы также отказываетесь подчиниться нашим требованиям... – Он многозначительно покачал «фонарем». – Мы добьемся этого любым путем.

– Ну-ну, полно! Вы же не герой телесериала о гангстерах, – напомнил Армстронг. – А чего вы добиваетесь?

– Информации.

– Какой информации?

– Не прикидывайтесь идиотом! – неожиданно вспылил рыжий. – Вы знаете, что нам нужна информация о ракетах девятнадцать и двадцать...

– А-а! – произнес Армстронг, изо всех сил скрывая изумление. – Ах, это! Ну, я ее закопал.

– Где?

– Под Статуей Свободы.

– Это не смешно. – Рыжий опустил ноги на пол и выпрямился во весь рост. Оба его приятеля, выйдя из полурасслабленного состояния, насторожились. – Честно говоря, я уже сыт по горло препирательством с таким упрямым мулом, как вы. Мы даем вам ровно минуту...

Слова его заглушил внезапный шум в приемной. Дверь распахнулась, послышался топот ног, пронзительный крик Мириам, и один за другим прогремели четыре выстрела. Стекло в двери треснуло, куски его разлетелись по сторонам, и крупнокалиберная пуля впилась в ножку стола. В тот же миг Армстронг ударом ноги вышиб из руки рыжего «фонарь», который со стуком упал на ковер.

Не теряя времени на то, чтобы выпрямиться, он выбросил вперед мускулистую ручищу и сгреб рыжего в охапку. Тот почти не сопротивлялся, это было бесполезно.

Армстронг рычал, как рассерженный медведь. Грохнул выстрел, струя пламени ударила со стороны внутренних помещений офиса, и Армстронг увидел, как темные, напряженные глаза детектива вперились в худошавого, сгибающегося в поклоне, как японский генерал. Еще два выстрела прозвучали со стороны задней двери. Армстронг не обратил на них никакого внимания и, игнорируя судорожные попытки рыжего освободиться, одной рукой надавил ему сверху на шею, другую завел под подбородок и дернул одновременно вверх и вбок. Послышался глухой треск, и тело рыжего безвольно свалилось на ковер.

Тяжело дыша, Армстронг поднялся на ноги и вытер руки о полы пиджака.

– Черт возьми! Я свернул ему шею! Как цыпленку! – Он с удивлением посмотрел по сторонам и заметил, что суровый Хансен все еще сжимает в правой руке пистолет.

Толстый помощник детектива по имени Пит заглядывал в дверь, а за его спиной маячила пара полицейских. Худощавый неподвижно лежал на полу, а третий налетчик сидел в углу с дыркой вместо левого глаза.

– Кажется, мы перестарались, – опечалился Пит. – Теперь эти ребята ничего уже не расскажут. – Войдя мелкими шажками в комнату, он ткнул ногой худощавого. – Мертвее пустой бутылки.

Спокойно положив пистолет на стол, Хансен посмотрел на полицейских и указал на телефон:

– Звоните, если хотите. Сообщите заодно и в ФБР – у них был какой-то интерес к этим парням. – С выражением усталого смирения он смотрел, как полицейский набирает номер участка. – Отличная работа, Пит, – медленно проговорил Хансен.

– Интересно, что это вы называете отличной работой? – осведомился Армстронг. Искоса поглядывая на полицейских, он незаметно толкнул «фонарь» рыжего под стол, с глаз долой. – Вы знали, что он собирается вмешаться?

– Не знал, но надеялся.

– Как же это случилось?

– У меня свои порядки и свои методы. Когда я получил ту вашу записку, я действительно ушел из кафе. Но мои обязанности взял на себя Пит. Его сменил еще один человек. Наблюдение велось вплоть до того момента, как вы появились здесь, и просто здорово, что я не упомянул об этом раньше.

Агентам были даны инструкции дожидаться вас, когда бы вы ни вышли, и следовать за вами, куда бы вы ни пошли. Они потеряли вас, когда замолк «комар».

– Ну и?..

– Я и сидел в забегаловке, – вмешался Пит, – когда позвонила Мириам и сообщила, что вы только что явились сюда. Я вернулся к нашей конторе и болтался поблизости, чтобы не пропустить, когда вы выйдете. Потом подъехали эти рожи, а парня с Сайпрес Хиллз я усек сразу. Для меня этого было достаточно – я вызвал полицию, и мы ворвались внутрь за ними следом. Вот и все.

– Вот и все, – как эхо повторил Армстронг. – Очень просто – несколько выстрелов, три трупа, и ответы на все вопросы у нас в кармане, так? Черта с два! Хотя нам и повезло. – Пройдясь взад-вперед по комнате, он столкнул со стола набитую бумагами папку, выругался, наклонился и принялся собирать разлетевшиеся листы. И только Хансен заметил, как Армстронг сунул в карман тот самый, похожий на фонарь, предмет. Впрочем, виду Хансен не подал.

– Они едут сюда, – сказал полицейский, положив трубку. Заметив в ногах худощавого второй «фонарь», полицейский подобрал его, повертел в руках и посмотрел на Пита:

– Вы насчет этой штуковины нас предупреждали? По-моему, ничего особенного. Обычный фонарь.

– Попробуйте его на себе, – предложил Пит. – Может, вы успеете получить удовольствие, прежде чем обнаружите, что

играете в раю на арфе.

– Хм! – Полицейский, недоверчиво ухмыльнувшись, положил «фонарь» на стол. Склонившись над третьим телом в углу, он обыскал его, обнаружил еще один «фонарь» и положил рядом с первым. Поняв намек, его напарник вышел в приемную и через несколько секунд вернулся с третьим «фонарем». Оглянувшись через плечо, он проговорил:

– В самый глаз. Отличный выстрел, скажу я вам. Давно у меня так не получалось. Я сейчас в хорошей форме.

Хансен глубоко вздохнул и крикнул:

– Мириам!

– Отсутствует, – сказал Пит. – Она схватила свою шляпку и исчезла в тот самый миг, когда мы вошли. Как говорится, взяла ноги в руки. Историчка!

– Истеричка, – поправил Армстронг. – Нет, историчка, – упорствовал Пит. Он кивнул в сторону Хансена. – Она такое говорила о его предках, что уши вяли. Жаль, вы не слышали!

– Ничего, оклемается, – рассудил Хансен. – Утром будет здесь. Я же плачу ей за работу, верно?

– Наверное, она думает, что ей платят не за то, чтобы она на работе умерла, – предположил Пит.

– Это без надобности, – отрезал Хансен. Глаза его снова вернулись к клиенту. – Риск повышает ставки.

– Заметано! – Армстронг опустил на корточки и о чем-то задумался над телом рыжего. – Как скажете. Пока я еще не банкрот!

Он внимательно взгляделся в лицо мертвеца. Теперь оно стало спокойным и утратило большую часть своего высокомерия. Нос покрывали веснушки, и кожа была как у всех рыжих – тонкой, почти прозрачной. Больше ничего особо примечательного его лицо не могло сказать Армстронгу. И если этот человек действительно уроженец Марса, то он не нуждался ни в каком гриме, чтобы скрыть свое инопланетное происхождение. Он был защищен самой своей обыденностью. В толпе вы отыскали бы дюжину таких, как он. Неужели поразительное заявление рыжего основано на реальных, действительных фактах? Или это еще одна порция лапши на уши, которой его потчевали с того момента, как он переступил порог «Норман-клуба»? Линдл делил мир на нормальных и ненормальных, но – земного происхождения, и он ни словом не обмолвился о марсианах, которых ссылают на Землю сейчас. Верно, он намекал на марсианское вмешательство, но как-то вскользь, словно студент-троечник, который не слишком уверен в ответе. Похоже, что шайка рыжего тут имела преимущество, поскольку они многое знали и о Линdle, и о «Норман-клубе».

Получается, что та дикая теория об агнцах и козлицах слишком уж проста; на самом деле ситуация гораздо сложнее. Беда же состоит в том, что как ни крути, а вывод все равно один. Если информация верна, тогда эта планета – не что иное, как официально признанный дурдом. Если нет, то, скажите на милость, откуда на свете берется столько сум-

шедших, которые не просто верят в собственный бред, но и пытаются убедить в нем остальных? Таких сумасшедших вокруг целые толпы, и значит – вы опять попали в дурдом, хоть и с черного хода. Еще одна трудность заключалась в определении степени помешательства. Например, обитатели сумасшедших домов так далеко зашли в своем безумии, что их состояние стало очевидным даже для других, менее сумасшедших. Естественно, вторые постарались побыстрее сплавить первых с глаз долой. Но, оказывается, существовала еще одна форма безумия, которую пока просто не умели распознавать. Линдл, который категорически утверждал, что сам он нормальный, таковым бы и казался, если бы его высокомерная поза и одержимость пресловутой «древней историей» не позволяли заподозрить обратное. Рыжий, который по-другому смотрел на ту же бредовую теорию, почти гордился тем, что он ненормальный, хотя с виду был не менее нормален, чем Линдл или кто-либо иной. Если не считать чрезмерной худобы, он тоже казался нормальным. Третий, в углу, был настолько нормален, что вполне мог сойти за того, за кого уже однажды себя выдавал, то есть за агента ФБР. Эти трое мертвецов выглядели при жизни совершенно обычными людьми, лишенными каких-либо отличительных черт, хотя они и признали себя «умственно дефектными».

Важно не это, другое. Как отличить ненормальных? Можно ли это сделать без психотрона? Да и вообще, что такое психотрон? Линдл утверждал, что человек по имени Пра-

хада, который изобрел психотрон, сам был нормальный, но если так, откуда он это знал? Испытал свое изобретение на себе самом? И таким образом выставил точку отсчета, эталон нормальности? Не слишком ли просто? И глупо? Чтобы придумать абсолютный тест на нормальность, нужно быть нормальным. Чтобы быть нормальным, нужно доказать нормальность. Бег по кругу. Старая загадка о курице и яйце в новой интерпретации.

Допустим, что форма сумасшествия у этого Прахады была особенной, сугубо индивидуальной, полностью отличной от обычных форм безумия его сограждан. Как же он тогда определял нормальность? Его психотрон мог только одно – отсортировать психов, таких, как он сам, от психов, не таких, как он сам. При этом первые раз и навсегда объявлялись «нормальными» (а как же еще!), вторые – раз и навсегда – «дефектными». При этом быть подлинно нормальными не могли ни те, ни другие. Все – и марсиане, и венериане, и меркурианцы – были такими, какими они родились!

«ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ НОРМАЛЬНЫ?»

– Ну и дерьмо! – от души выругался Армстронг.

– Полностью с вами согласен, – кивнул Хансен. – Я только что хотел сказать то же самое. – Его взгляд уперся в разбитую дверь. – А вот и наша дуболомная бригада.

Они ввалились с топотом и энергией – два человека в штатском, фотограф, врач, эксперт и полицейский капитан, тот самый, который приезжал, когда убили Кларка Маршала.

Увидев Армстронга, капитан воскликнул:

– Ого-го! Смотри-ка, кто здесь! Снова все засняли на пленочку? – На сей раз не успел.

– Жаль. – Капитан оглядел кабинет. – Три трупа здесь, один там. Итого четыре. Как мы выудим из них показания? – Он беспомощно пожал плечами. – Ну ладно, займемся делом. Что произошло?

Армстронг заговорил, медленно подбирая слова:

– Я консультировался здесь с моим агентом, когда эта шайка вломилась сюда и потребовала информацию, которой я, как оказалось, не обладаю. Почему-то они мне не поверили и остались в убеждении, что я ею просто не желаю поделиться. Пит, который находился поблизости, около дома, видел, как они вошли, опознал их и вызвал этих двух полицейских. Подмога прибыла вовремя – как раз в тот момент, когда ворвавшиеся собирались применить силу. Произошел небольшой фейерверк. Все закончилось за несколько секунд. Результат перед вами.

– За предварительную беседу сойдет, хотя, видит Бог, девяносто процентов подробностей вы опустили. Что за информацию они от вас хотели?

– Им были нужны сведения о последних космических кораблях.

– Ага! – выдохнул капитан. – Ставлю сто против одного, что эти субчики – иностранцы. Черт знает сколько времени может уйти на их опознание. Пусть развлекается ФБР. Луч-

ше позвонить им сразу.

– Их вызвали. Они уже едут.

– Хорошо. Мы сделаем свое дело, а их долю оставим им.

Агенты ФБР появились минут через десять. Их было четверо. Трое остались с полицейскими. Четвертый кивнул Армстронгу:

– Прошу вас проследовать со мной в управление.

После недолгого пути Армстронг обнаружил себя лицом к лицу с тем же самым круглолицым господином, к которому он приставал с расспросами о Клэр Мэндл.

– Значит, ваши друзья становятся настойчивее, мистер Армстронг. Что случилось?

Армстронг пересказал события точно так же, как перед этим капитану полиции.

Круглолицый немного подумал, затем спросил:

– А что именно хотели они узнать о ракетах?

– Подробные сведения о номерах девятнадцать и двадцать.

– Насколько мне известно, девятнадцатая – затея французов, и вряд ли они приступили к ее осуществлению. Кто будет строить двадцатую – вообще не ясно. Может быть, мы сами, если восемнадцатую постигнет та же участь, что и предыдущие.

– Я преклоняюсь перед вашим умением придавать лицу искреннее выражение, – сообщил Армстронг.

– Что вы имеете в виду?

– А то, что вам, кажется, есть что мне рассказать.

Круглолицый смешался:

– А что я, по-вашему, должен вам рассказать?

– Ну, хоть соврите что-нибудь, – раздраженно прорычал Армстронг. – Давайте рискните. А я попробую вас поймать на вранье.

– Вы меня озадачили. Уверяю вас, я ничего не скрываю. Если уж на то пошло, вы и сами не слишком откровенны. Вы не рассказали и четверти того, что вам известно.

– Значит, зуб за зуб.

– Да, – признал агент. – Но только на первый взгляд. Вы, кажется, забываете о разнице в нашем положении. Вы как свободный гражданин, не замешанный ни в какие преступления, вольны искать, находить и узнавать так много или так мало, как вам вздумается. С другой стороны, я могу сказать вам лишь то, что разрешено вышестоящим начальством. Естественно, такое разрешение не дадут только ради удовлетворения вашего любопытства. – Он постучал пальцем, словно подчеркивая сказанное. – Но если вы сочтете возможным поделиться с нами информацией, которую держите за пазухой, мы, со своей стороны, можем посчитать, что ваше участие в этом деле достаточно важно, а значит, вам можно довериться.

– Я бы хотел это обдумать.

Хозяин кабинета обнаружил некоторое нетерпение: – Дело может оказаться весьма срочным.

– Судя по темпам строительства корабля номер восемнадцать, я бы сказал, что в этом бестолковом мире не бывает ничего срочного.

– Ну-у, вы чересчур категоричны!

– Давно прошли те времена, когда я верил во все подряд и думал, что ФБР – именно то, что под ним подразумевается...

– Что вы себе позволяете?.. – сердито начал круглолицый.

– Я ничего себе не позволяю, кроме того, что с некоторых пор я иначе смотрю на матушку Землю. И нахожу, что старая гнедая кобыла уже не та, какой казалась прежде. Но чтобы понять это, потребовалось как следует перетрясти мозги. Я должен продумать все до конца. Мне нужно время, чтобы выбрать... направление.

– Но, послушайте, это не та проблема, над которой нужно так долго ломать голову. Это – долг. Если банды иностранцев вмешиваются в наши космические исследования – значит, дело достаточно серьезно. Долг любого американского гражданина...

– Давайте оставим мой долг в покое, – язвительно перебил Армстронг. – Ситуация такова, что каждый должен сам решать, что есть его долг, а не развешивать уши перед так называемыми патриотами, чьи подлинные интересы могут находиться в шестидесяти миллионах миль отсюда.

– Шестьдесят миллионов миль! – проговорил агент. – Что за бред!

– Бред, – согласился Армстронг. – А когда индус ценит

жизнь коровы больше жизни своего ребенка, когда какой-нибудь биржевой делец ценит свой кошелек дороже жизни собственной матери – это что, не бред? А...

– Вы издеваетесь надо мной? – Лицо агента стало жестким. – На что вы намекаете?

– Я, с вашего позволения, намекаю всего лишь на сенаторов Линдла и Вомерсли и еще на целый полк их могущественных и влиятельных друзей. Боже! Они салютуют флажками и распевают национальный гимн – а на самом деле устраивают так, что американские корабли разлетаются на кусочки.

– Вы выдвигаете официальное обвинение против сенаторов Линдла и Вомерсли?

– А это уж как вам угодно. – Армстронг встал. – Как говорится, копайте глубже, там, внизу, золотая Жила. Правда, в один прекрасный день вы рискуете получить приказ от начальства считать золото серой.

Сжав губы, круглолицый надавил кнопку звонка и, когда в дверях кабинета появился охранник, сказал:

– Проводите мистера Армстронга. – В его глазах читались злость и недоверие.

Улыбнувшись про себя, Армстронг вышел вслед за сопровождающим.

Приехав домой, Армстронг запер за собой дверь и бегло осмотрел квартиру. Он знал, что микрофон есть, но найти его оказалось гораздо труднее, чем он ожидал. Спрятан «жучок» был довольно остроумно – в настольной лампе попросту вывернули патрон, а на его место ввернули другой. Замена открылась, только когда Армстронг снял пергаментный абажур.

Вывинтив патрон из гнезда, Армстронг внимательно его осмотрел. Контакты выглядели как обычно, но корпус был вдвое толще, а цоколь шире.

Он бросил патрон на пол и наступил каблуком. Пластмасса раскололась, обнажив множество миниатюрных деталей, расположенных столь плотно, что монтаж, должно быть, выполнялся под микроскопом – труд поистине виртуозный. Даже не глядя на схему, Армстронг мог бы поклясться, что радиус действия прибора не превышает двухсот ярдов. Это был самый обыкновенный маломощный передатчик, какие применялись и на Земле. Несколько необычным Армстронгу показался только термический модулятор в виде маленького розоватого, похожего на опал кристалла. Остальные элементы схемы ничего особенного из себя не представляли.

Положив загадочную конструкцию на стол, Армстронг вытащил из кармана «фонарь» рыжего. Штуковина имела

два дюйма в диаметре, шесть – в длину, ряд кнопок на боковой поверхности и толстую линзу прозрачного пластика на одном из торцов.

Оболочка была сделана из блестящего металла, не имела ни швов, ни отверстий, и, поскольку линза вплотную прилегалась к корпусу, Армстронг подумал, что не ошибся, заподозрив, что это оружие – газовое. Направив «фонарь» в открытое окно, он нажал кнопку. Ничего не случилось. Никаких видимых эффектов. Ни звука, ни света. Он направил «фонарь» на закрытое окно. Тот же результат. Стекло осталось целым.

Взяв со стола лист бумаги, Армстронг прикрепил его к оконной раме, отошел к противоположной стене, прицелился и нажал кнопку. С тем же успехом он мог размахивать прогулочной тростью. Задумавшись, Армстронг минут пять присидел неподвижно. Затем он снова отошел к стене, прицелился в лист бумаги и, нажав кнопку, стал приближаться к мишени. Никакого результата.

Может, это просто блеф? Самый обычный фонарь с севшими батарейками? Проникнуть в секрет было очень просто – достаточно разобрать прибор на части, но Армстронг не хотел этого делать, не определив, как он действует.

Достав лупу, он внимательно обследовал лист. В точке чуть ниже центра он обнаружил на поверхности метку диаметром не больше десятой доли дюйма. Светло-коричневого цвета пятнышко напоминало след от ожога.

Убедившись, что на другом листе никаких пятен нет, Армстронг неторопливо проделал ту же процедуру, затем осмотрел мишень. Так и есть – коричневый кружок. Окраска и размер совпадали.

Потратив десять минут и несколько листов бумаги, он установил, что пятно появлялось, если цель находилась на определенном расстоянии от линзы, а именно – пять футов девять дюймов. Какой бы мощностью ни обладал «фонарь», действовал он только на этом фокусном расстоянии; дальше или ближе никакой реакции не наблюдалось.

Прикрепив еще один лист и отойдя на «исходный рубеж», Армстронг нажал кнопку. Сначала появилось коричневое пятно, затем оно стало темнеть, наконец почернело, словно обугленное, хотя ни пламени, ни дыма не было. Выключив «фонарь», Армстронг сдул кружок, который почти превратился в пепел, и удивленно уставился на оставшуюся в бумаге небольшую дыру. Четыре минуты и двадцать две секунды потребовалось «фонарю», чтобы ее проделать, но для оружия это никуда не годилось.

Поставив на стол чашку с водой, он опустил в нее медицинский градусник и направил на него «фонарь». Ртутный столбик лениво пополз вверх и через семь минут достиг последнего деления – ста семи градусов по Фаренгейту. Это было ненамного выше нормальной температуры человеческого тела. Армстронг перепробовал «фонарь» на всем, что пришло в голову, и много раз успел пожалеть, что у него под

рукой нет оборудования из лаборатории в Хартфорде.

За четыре с половиной минуты «фонарь» обуглил кончик сигареты; ровно за семнадцать секунд расплавил частичку воска; за одиннадцать секунд загорелась спичечная головка. И только спустя полтора часа он нащупал первую зацепку: капля гуммиарабика застыла и высохла за восемь секунд.

Похоже, что эффект нагрева, на исследование которого он угробил столько времени, был побочным. В фокальной точке создавалось некое поле, но свойства его и, главное, характер воздействия были довольно специфичны.

Словно по наитию, подчиняясь смутным, не до конца осознаваемым подозрениям, Армстронг прокалил на огне бритвенное лезвие и сделал надрез на руке. Выдавлив в чайную ложку несколько капель крови, он поместил ее в фокальную точку. Темно-красная жидкость свернулась мгновенно. Он повторил опыт. Кровь сворачивалась за доли секунды. Покрывшись испариной, Армстронг прилепил поверх пореза кусок лейкопластыря, выключил «фонарь» и бросился в кресло.

Этот приборчик на столе размером два на шесть дюймов на самом деле был оружием невиданной мощи. Армстронг смотрел на него с некоторой опаской. И чем больше он думал, тем смертоноснее казалось ему это оружие. Оно не оставляло жертве ни единого шанса. Стреляя в человека из револьвера или пистолета, убийца идет на риск. Он знает, что посторонние могут услышать выстрел, свист пули и даже

характерный чмокающий звук попадания; жертва при этом падает, иногда с воплями и драматическими телодвижениями; из раны хлещет кровь. Но с этим адским оружием кто угодно может пройти рядом с кем угодно, нажать незаметно кнопку, и никто вокруг, включая жертву, не догадается, что в это мгновение произошло убийство. Если вы хорошо знаете анатомию, а особенно строение кровеносной системы, если вы опытный стрелок из подобного «фонаря», в вашей власти привести в исполнение смертный приговор человеку практически через любой выбранный вами срок. Одно нажатие кнопки – и ваша жертва умрет за несколько минут от тромбоза сосудов сердца. А можно создать тромб дальше, в артериальной системе, откуда ему потребуется день, неделя, а то и месяц, чтобы дойти до роковой точки...

Но самое главное – никто и никогда не заподозрит вас, потому что в тот день, когда жертва свалится наземь, а экспертиза установит естественную смерть, вы будете уже за тридцать земель, и алиби ваше будет неоспоримо.

Армстронг вытер лоб платком. Ты уверен, спросил он себя, что рыжий не нажал эту кнопку в агентстве Хансена? Ведь это так просто – шевельнуть большим пальцем и обречь Армстронга на смерть в самом ближайшем будущем. И никто не знает, сколько подобных жертв ходят вокруг, не подозревая, что дни их давно сочтены.

Сейчас рыжий в морге – голый, закоченевший труп, который уже никогда не расскажет, успел ли он осуществить свою

угрозу. Рентгеновское обследование тоже вряд ли ответит на этот вопрос. И ничего другого не остается, как ждать и надеяться, что в один прекрасный момент ты вдруг не рухнешь наземь, извиваясь в конвульсиях, пока смерть не избавит тебя от мучений. Как Мэндл. Как Маршал. Как Бог знает кто еще...

Усилием воли Армстронг заставил себя не думать о «фонаре» и переключился на микрофон-передатчик. И тут же выругал себя за то, что, поглощенный мыслями о другом устройстве, просмотрел факт настолько очевидный, что его заметил бы и ребенок: микрофон не контактировал с проводами питания, а получал энергию за счет индукции. Если лампа не горела и по проводам не протекал ток, контакты крошечного индукционного реле оставались разомкнуты. Микрофон оставался глух и нем, пока не горела лампа; он включался только одновременно с лампой.

Вывод был очевиден. Противник в совершенстве изучил его привычки и знал, что, уходя утром, он каждый вечер старается провести дома. И еще они знали, что всякий раз он включает эту лампу, неважно, нужна она ему или нет. Это был, так сказать, условный рефлекс.

С этого момента его мозг заработал быстро и четко. Рыжий со своей шайкой примчался к Хансену с достойной уважения оперативностью. Видимо, они дожидались его прихода неподалеку, там же, где располагалась подслушивающая аппаратура. Скорее всего, на посту возле приемника должен

был остаться еще один член банды. Он и остался – и слушал до тех пор, пока звуки выстрелов не заставили его покинуть логово. И значит, скоро явится подкрепление. Где бы они ни находились и сколько бы их ни было, друзья рыжего теперь уже знают, что попытка взять Армстронга в союзники стоила им трех человек. Можно было не сомневаться, что они отнеслись к случившемуся без восторга. Причем не имело значения, что во многом их взгляды и взгляды самого Армстронга на запуск ракет совпадали. Они считают его врагом – а с врагами не церемонятся.

Создалась любопытная, даже парадоксальная ситуация; Хансен, который не знал почти ничего, сообщил ему максимум полезной информации, а ФБР, осведомленное куда лучше, вело себя так, словно воды в рот набрало. Рыжий, с которым они должны были быть союзниками, на самом деле оказался врагом, а «Норман-клуб», фанатично противостоящий его планам, предложил ему дружбу. Хотя эта дружба больше походила на отношения волка с ягненком – от нее так же плохо пахло. Вообще, думал Армстронг, такой запутанный клубок в самом деле можно увидеть разве что в сумасшедшем доме.

Перво-наперво нужно подготовиться к самой серьезной угрозе, нужно предусмотреть, когда, где и как нанесут удар приятели рыжего. Армстронг для них слишком легкая мишень, одинокий зверь, которого можно убить дюжиной разных способов – выследить, устроить засаду, застрелить на

бегу или прямо в норе...

Выходить сейчас из квартиры означало лезть на рожон. Остаться означало уповать на случай. Хотя дверь крепкая и с надежным замком. Но если микрофон работает, только когда горит лампа... значит, они не могли слушать его до захода солнца и, значит, еще есть время обвести их вокруг пальца. Если живо смыться отсюда и оторваться от неизбежных «хвостов», он вполне сумеет отсидеться в надежном месте.

Армстронг даже поморщился от этой мысли. Бежать, как крыса! Искать нору! Поступить так означало пойти против своей природы. Есть же у него самолюбие, в конце концов? Но, задавив эмоции, он все же решил, что одно другому не повредит: убежище найти надо, но сначала он нанесет удар. Нужно только придумать, как это сделать, чтобы вышло побольнее.

Например... Бригада слухачей явится на свой пост с наступлением сумерек; Пост этот, скорее всего, в пределах двухсот ярдов от его квартиры. Зона сравнительно небольшая, вполне реально устроить внутри нее облаву, хватая всех подозрительных личностей и обыскивая на предмет наличия «фонарей» или любых других странных предметов. Можно поручиться, после этой промывки на дне решета останется пара-другая золотых крупинок. Может, даже самородков.

Хансену это дело поручать бессмысленно. За ним следят так же пристально, как и за самим Армстронгом, и намере-

ния насчет Хансена у них, возможно, столь же серьезные. Полиция? ФБР?

Внутренний голос подсказывал: «К черту и тех, и других! Ты не знаешь, кто за кого в этом бездарном футболе!» «Тогда как?..»

«Ты один! На лосиный крик волки бегут сами».

Армстронг поднял покореженный микрофон и снова внимательно рассмотрел. В глазах его вспыхнул озорной огонек, и он с радостью поцеловал бы себя в правую пятку, если бы отважился на акробатические подвиги детства. Этот приборчик еще поработает – вот только на другого хозяина. Корпус патрона восстанавливать было бесполезно, да и не нужно. Решение оказалось простым: Армстронг принес из спальни ночник, оголил провода и прикрепил рядом микрофон.

Вот и все, оставалось только включить лампу, и на том конце линии ребята с «фонарями» услышат сигнал.

Армстронг достал свой кольт тридцать восьмого калибра, проверил курок, убедился, что барабан полон. По сравнению с «фонарем» кольт выглядел допотопным, как арбалет. Однако у него были свои преимущества: проигрывая в совершенстве, он не уступал в эффективности и быстродействии. Из своего револьвера Армстронг попадал в монету с двадцати ярдов, а это чего-нибудь да стоило.

Хуже всего давалось ожидание. Армстронг бродил по квартире, вынимал и снова убирал различные вещи, трогал корешки книг и ворчал. Он был нетерпелив, как носорог, ко-

торый почуял врага, но еще не увидел, где он, и поступь его была столь же тяжела.

Он включил канал «Геральд». Ничего нового. Никаких сообщений о стычке у Хансена. Впрочем, еще рано. Ничего про ракеты. Резкий спад на Уолл-стрит, два самоубийства, избиение, очередной выпуск биографии юного Вентворса. Убийство в финансовом центре, убийство в высшем обществе, убийство в негритянском гетто. Горячие новости. Из тех, что нравятся публике. Что ж, чем бы дитя ни тешилось... Поговорим на любимую тему... «Виталакс». «Танцуй, крошка!»

«Гляди, как хорошо сейчас в дурдоме!» Армстронг сердито взглянул в окно. Небо застилало пурпурные облака, похожие на гигантские пальцы, торчащие из разверстого темного мешка. Два небоскреба напротив уже ярко сверкали огнями, в остальных семи тоже кое-где светились окна. Опустив жалюзи, Армстронг включил настольную лампу и принялся наблюдать, как разогревается микрофон. Это было легко, потому что кристаллик в центре схемы горел сочным розовым цветом. Марсиане, маньяки – или кто они там – получили сигнал: микрофон включен.

Опять ждать... Армстронг решил дотянуть часов до девяти, он был уверен, что они не вломятся без предварительного прослушивания. Глупо сворачивать голову курице до того, как она снесла свое самое последнее яйцо, золотое яйцо информации. Ровно в девять он нарушил тишину, подняв

трубку телефона и набрав номер. Если слушачи достаточно внимательны, по треньканью диска они, при желании, могут распознать номер телефона Хансена. С трубкой в руке он переместился в кресло напротив двери, прочистил горло и, сосчитав в уме до четырех, заговорил будто бы с Хансеном, а на самом деле с автоответчиком: «Привет, Ханни! Ну что, фараоны до тебя не добрались?» – Пауза. – «Нет, с ФБР мы разошлись во мнениях и расстались далеко не друзьями». – Пауза. – «Да, очень скверно. И я это только сейчас понял, когда все обдумал. Эти идиоты совершенно запутали все дело».

Глядя на дверь, он на миг остановился, затем продолжил, чуть громче: «Что?! Святой Михаил! Вы что, с ума сошли?! Я только-только нашел те», кто мне хоть как-то мог помочь, а их перестреляли, как куропаток!" Он сделал паузу чуть подольше, затем сказал с раздражением: «Ну да, наврал и сейчас жалею об этом. Но я принципиально не принимаю никаких предложений, когда меня принуждают. Прежде чем согласиться, я должен знать, что не вляпаюсь ни в какую лужу...» – Пауза. – «Да, я только сейчас понял, что Пит и эти фараоны наломали дров и умыли руки. Я потерял контакт. Ваше дело придумать, как его восстановить». – Пауза. – «Да, я знаю, но за что я плачу вам деньги?»

Еще одна пауза, предназначенная для ответа несуществующего собеседника. Голос Армстронга стал тише, но был так же отчетлив: «Я прошу вас только об одном – работайте в

этом направлении, от властей держитесь подальше, а результаты передавайте мне. Я должен найти эту команду, прежде чем кто-нибудь начнет действовать через нашу с вами голову». – Пауза. – «Да, вы выиграли! И предупредите своего рыжего Пита, пусть держит рот на замке. А то муха влетит». – Пауза. – «Ну все, до завтра».

Армстронг протянул руку и повесил трубку. Затем откинулся в кресле и посмотрел на дверь. Лось подал голос. Очередь за волками.

Три часа спустя он все еще сидел и ждал, когда куранты вдалеке торжественно пробили полночь. Три часа – и никакой реакции.

Буду ждать, подумал Армстронг, хоть до утра. Конечно, была вероятность, что участь рыжего спугнула гиен – никто больше не хотел вести за ним наблюдение, и весь спектакль прошел впустую. Или, быть может, четыре трупа действительно представляли их главные силы – некому стало спастись бегством или мстить. Последнюю возможность он отбросил на том основании, что фанатики объединяются в группы.

Если прослушивался и телефон, они должны были понять, что его звонок Хансену на самом деле адресован им. Хотя незаметно подключиться к линии можно было в прошлые времена, когда для связи использовали провода, но не сейчас. Скорее всего, причина задержки крылась в том, что подслушивающие не имели полномочий сменить так-

тику применительно к внезапно изменившейся ситуации. Жертва совершенно неожиданно согласилась сотрудничать – и это их настолько смутило, что им пришлось доложить о его повороте на сто восемьдесят и запросить инструкции. А это значит, что они могут объявиться в любое время ночи – если вообще объявятся.

Они объявились.

Резкий стук, которому не предшествовал звук шагов на лестничной площадке, раздался внезапно. Очнувшись от дум, Армстронг встал, открыл дверь и вопросительно глянул на двух человек, стоявших на пороге.

– Мистер Армстронг? – холодно осведомился первый.

– Это я.

– Простите, что мы побеспокоили вас в столь неурочный час. – Его глаза настороженно смотрели поверх плеча Армстронга. – Нам нужно с вами побеседовать. Насчет того, что случилось сегодня днем. Весьма срочно.

– Прошу. – Посторонившись, Армстронг впустил их в квартиру. Двое прошли вперед, легко, уверенно, один за другим, держа руки в карманах. Прежде чем сесть, они еще раз обежали комнату взглядом.

Закрыв дверь, Армстронг спросил:

– Полагаю, вы из полиции?

– Отнюдь. – Первый из незваных гостей недобро оскалился. – Мы представляем пострадавших, так сказать.

– То есть?

– То есть, – ответил другой, – мы наилучшим образом выражаем их интересы в данный момент.

– Вы слишком туманно выражаетесь. Кончайте загадывать ребусы.

– Эти самые слова я мог бы адресовать вам. Вы довольно долго болтали сами с собой несколько часов назад. Но при этом вы умудрились не сказать ничего. – Он, не мигая, смотрел на Армстронга, и тот заметил, что глаза у этого типа такие же голубые, как у рыжего. Правда, волосы у него были мышинового цвета. – Если вам действительно есть что сказать, говорите. Без ребусов.

– Вы, ребята, как-то небрежно обделяете свои делишки, – устало сказал Армстронг. – Доверие клиента надо завоевывать, а вы стараетесь изо всех сил, чтобы он воротил нос от вашего товара еще до того, как предложите. – Широко улыбнувшись, он надавил ладонями на поверхность стола. – Вы вторглись в мой дом в недобрый час, требуете, чтобы я все рассказал, но ничем даже не намекаете – а кто, собственно, слушает? Я не собираюсь изливать душу первому, кто скажет: «Давай!» Именно поэтому у меня не получился разговор с той троицей, которую я имел счастье видеть в полдень. Так что первым делом я желаю знать – кто вы, откуда и как вышли на меня? И мне нужны доказательства.

– Вынюхиваем, да? – ухмыльнулся в ответ один из гостей. – Изображаем исповедника, торгующего тайной исповеди? – Лицо его застыло. – Экая наглость! Да еще без сви-

детелей!

– Вот это-то меня и беспокоит, – чопорно согласился Армстронг. – А мы даже не женаты.

– Забавно, – отнюдь не радостным тоном произнес другой пришелец, продемонстрировав зубы. – Даже весьма. – Он посмотрел на своего приятеля, молча и напряженно сидевшего на самом кончике кресла. Обратившись опять к Армстронгу, он продолжил: – Хватит валять дурака. Вы ведь хотели поторговаться с нами. И мы догадываемся о ваших мотивах, хотя и испытываем определенные подозрения. Не в ваших интересах усугублять ситуацию. Валяйте. Чтобы съесть торт, надо откусить первый кусок. Если вы действительно хотите с нами сотрудничать, докажите это. Ставьте на стол свой торт.

– Хватит! – прорычал Армстронг. – Для загадок уже слишком поздно.

– Выкладывайте все, что знаете о ракетах девятнадцать и двадцать. – Взгляд посетителя стал вызывающим. – Если вы представите нам эту информацию, она послужит убедительным доказательством. Но если вы ее не представите...

– Говорите, – подстегнул Армстронг. – Не возражаю против крепких словечек.

– Вам не придется возражать долго, – отрезал гость. Его рука недвусмысленно скользнула в карман.

Армстронг метнулся вперед и нанес два молниеносных удара – один за другим. Он успел заметить, как противник опрокинулся навзничь, словно сбитая кегля, но на большее

времени не было. Его умение двигаться столь стремительно обычно нарушало все расчеты людей, привыкших, что крупные люди медлительны, и, стараясь избежать смерти, скрывавшейся в невидимом и беззвучном луче, он доверился не разуму, но инстинкту. Он сразу понял, что оба «гостя» расположились так, чтобы держать его, Армстронга, в фокусе своих «фонарей». Быстрый прыжок назад или в сторону мог бы спасти его, даже если кнопку уже нажали.

Поэтому он передвигался туда-сюда вокруг стола, даже когда второй тип не двигался. Рука бандита сжимала «фонарь», смертоносный раструб смотрел Армстронгу в лоб, и единственный его шанс заключался в том, чтобы не попасть в фокальную плоскость. Изловчившись, Армстронг ударил противника по руке, промахнулся, ударил снова, теперь уже удачней. Тот пошатнулся, выругался, выронил «фонарь» и взмахнул другой рукой, в которой мелькнуло что-то голубое.

Нужны ли эти двое ему живыми, раздумывать было некогда, и Армстронг почти с сожалением коротко двинул противника на дюйм выше переносицы. Тот впечатался головой в стену и сполз вниз. Армстронг разжал ему пальцы, и голубой предмет, упав на пол, тут же разбился на кусочки, выплюнув целый сноп горящих искр.

Несколько мгновений Армстронг стоял, созерцая этот маленький вулкан на полу, но вдруг тот зашипел, как локомотив, и в потолок ударил столб пламени. Комната сразу наполнилась жаром, и Армстронгу пришлось отступить.

Спрятав оружие, он поспешил на лестницу, краем глаза заметив, как за его спиной занялся огнем край стола. В квартире на верхнем этаже никого не оказалось, и, выбежав на улицу, он вызвал пожарных из ближайшего автомата.

Через несколько минут улицу заправили пожарные и полицейские машины и просто зеваки. Полуночная толпа, сбившаяся в кучу и гудевшая, как пчелиный улей, была идеальным прикрытием и для банальных карманных воришек, и для более крупной рыбы, плавающей с «фонарями», но, чтобы устроить в такой аудитории поголовный обыск, понадобилась бы не одна бригада полицейских. Торчать тут Армстронг не собирался – это было бы неблагоприятно; умнее уйти, пока путь свободен.

Завернув за угол, на старый маршрут, он остановил первое попавшееся такси. В течение двадцати минут Армстронг заставлял изумленного водителя просто кружить по городу, периодически возвращаясь, и все это время он внимательно вглядывался в зеркало заднего вида. Ближе к центру он пересел в другое такси, проделал те же маневры, затем спустился в метро, несколько раз перескочил из поезда в поезд, меняя направления, пока наконец не почувствовал, что этого достаточно.

Рядом, как нельзя кстати, находился дом Билла Нортон. Армстронг направился к нему, а полная луна загадочно ухмылялась в вышине.

Нортон долго не отзывался на стук, но наконец открыл

дверь. Почесывая голову, он стоял в одной пижаме и тупо моргал, глядя на гостя.

– Ты?! В чем дело, черт побери?.. – Он устало повел рукой. – Впрочем, проходи. Ты когда-нибудь спишь?

– Только когда уверен, что не поджарюсь во сне. – Армстронг ввалился внутрь, огляделся и фыркнул.

– А? – Нортон бессмысленно уставился на него и широко зевнул.

– Я говорю, что ложусь в кровать спать, а не кремироваться.

– Ага... – Отыскав оборванный халат, Нортон завернулся в него, – Я тоже не люблю жару. – Он лениво покрутил в руках поясok халата, затем зевнул, прикрыв рот ладонью. – Прости. Но будь я проклят, если пойду шляться в такое время, только чтоб проветриться.

Армстронг нахмурился.

– Они подожгли мою квартиру.

– Наверное, веселая была вечеринка! – Нортон протер тусклые глаза, моргнул. – Кто, ты сказал, поджег?

– Я не сказал кто.

– Я так и думал. – Он сонно взглянул на Армстронга.

– Девочки, да?

– А пошел ты... – коротко ответил Армстронг. – Дай мне где-нибудь приткнуться. Утром услышишь про большой пожар в новостях...

– Что? – встрепенулся Нортон. – Пожар? Когда? Где?

– Псих! – отрезал Армстронг. – Ты не на работе, так что чего беспокоиться? Лучше покажи, где тут у тебя ковер помягче, или диван, или еще что-нибудь...

– Там есть свободная кровать. – Нортон показал на дверь в смежную комнату.

– Но что там за пожар?

– Спокойной ночи! – невежливо пожелал ему Армстронг. – Утром можешь угостить меня еще одним бифштексом. – Он вошел в комнату, осмотрел небольшую походную кровать, сунул свой кольт под подушку и начал раздеваться.

Наблюдая за ним в дверной проем, Нортон сказал:

– И впрямь, хватит с меня на сегодня. – Он широко зевнул и удалился, шаркая стертymi шлепанцами.

Нортон потряс его за плечо в полвосьмого; с хмурым видом Билл сидел рядом с кроватью.

– Ну ты и жлоб! Там было восемь пожарных бригад. Сгорело пол-улицы.

– Кто-нибудь пострадал?

– Нет. Это был самый большой пожар за последние четыре года, но никто, насколько мне известно, не пострадал.

– И слава Богу! – Армстронг перевернулся на другой бок.

Выдернув из-под него подушку, Нортон заорал:

– Почему ты мне ничего не сказал?!

– Ты что! – Армстронг снова обхватил подушку. – Не отнимай ее, ведь своей у меня теперь нет. Я тебе говорил. Но ты спал на ходу и слышал только собственный храп. А как ты узнал о пожаре?

– Позвонил в «Геральд» и спросил.

– Это лучший, истинно репортерский способ узнавать новости, – одобрил Армстронг. – Позвонить в газету и спросить.

Нортон с чувством произнес:

– Я бы с удовольствием задушил кое-кого!

– Я тоже. У меня целый список кандидатов. – Закрыв глаза, Армстронг шумно вздохнул. – А что на завтрак?

Склонившись почти вплотную к его лицу, Нортон проры-

чал:

– Хрен тебе с маслом, а не завтрак! Нет у меня времени на завтраки. Я проспал и уже опоздал на работу, понятно? Я всегда просыпаю, когда с меня среди ночи стаскивают одеяло! – Заметив, что столь гневная тирада не произвела никакого эффекта, он добавил: – И даже будь у меня прорва времени, я все равно бы ничего тебе не дал. Во всяком случае, не раньше, чем всыпал бы тебе как следует. И я надеюсь, что, прежде чем ты получишь завтрак, тебе придется отмахать миль пять, и чтоб вдобавок ты им подавился!

– Какой радушный хозяин, – сонно проворчал Армстронг. – Прикрой дверь, когда будешь выходить. Я все приберу, когда уйду.

Наградив его уничтожающим взглядом, Нортон сердито протопал в соседнюю комнату, оглянулся, все еще хмурясь, затем нахлобучил шляпу на уши и вышел, так и не позавтракав.

Армстронг снова погрузился в сон.

Было уже позднее утро, когда он, проснувшись окончательно, принял душ, побрился, сделал обещанную уборку и, наконец, воспользовался телефоном, чтобы позвонить Нортону в «Геральд».

– Как настроение? Более ангельское?

– Мне лучше, – признал Нортон. – Я перекусил тут поблизости и могу часок подремать у себя в офисе.

– Вот и хорошо! Я как раз вознамерился выметаться и хо-

тел поблагодарить тебя за кров. Очень было любезно с твоей стороны.

– Я любезный, – сказал Нортон. – Только меня обычно тошнит, когда я слышу, как мои поклонники упоминают об этом. Но я бываю гораздо любезнее, когда парни вроде тебя выбирают более подходящее время, чтобы воспользоваться моей любезностью. – Нортон усмехнулся. – Нет, правда, ты сам виноват, что лишил себя порции доброго виски. Чуть бы пораньше – и я бы тебя угостил.

– Я уже угостился, – сообщил Армстронг. – Бутылка стояла в твоей ванной комнате.

Лицо Нортон сразу побагровело, но Армстронг опередил его:

– Пустое дело оплакивать выпитый бурбон! Есть что-нибудь свеженькое о том пожаре?

– Ничего. Они локализовали очаг и потушили огонь. Материальный ущерб велик, но пострадавших нет.

– Никого? – Именно это я и сказал.

– Ни одного завалящего трупики?

– А сколько ты ждал? – подчеркнуто спросил Нортон. – Может, ты и бросил спичку?

– Я всего ожидаю в последнее время. Меня не удивил бы целый батальон покойников. – На миг он задумался. – Спасибо, Билл, скоро я позвоню тебе.

– Когда?

– Скоро, – неопределенно ответил Армстронг. Повесив

трубку, он вышел, удостоверившись, что дверь в квартиру заперта надежно.

Он быстро двинулся по улице, мрачно размышляя о том, что представляет собой классический пример загнанной дичи. Стая ссыльных марсиан – или кто они там есть на самом деле – сейчас преследует его как Врага Номер Один, с которым надо управиться возможно быстрее и эффективнее. Они до мелочей изучили его привычки и хорошо знают, где караулить: ресторан Папазоглуса, контора Хансена, лаборатория в Хартфорде или даже у Клэр Мэндл. Десять против одного, что они ждут, когда он пойдет в полицию заявлять о случившемся, и наверняка расставили посты у всех участков и у главного полицейского управления. Возможно, они приглядывают и за управлением ФБР.

Похоже, что нет способа известить полицию, чтобы при этом от него не потребовали явиться туда на допрос. Телефонный звонок, письмо, просто обращение к первому попавшемуся полицейскому неизбежно повлечет за собой беспелляционный приказ явиться в управление лично, а это все равно что нарисовать на собственном животе мишень. Любой отказ полиция воспримет, понятное дело, с подозрением, тем более что имеются два неопознанных трупа. Выбор невелик – либо плюнуть на заявление в полицию, хотя это означает риск попасть под суд с обвинением в убийстве, либо исполнить гражданский долг, рискуя попасть в засаду.

По словам Нортонa, ни о каких трупах не сообщалось.

Если это правда, тогда решение лежит на поверхности. Но правда ли это? Либо тела еще не обнаружили, либо, что менее вероятно, огонь полностью их уничтожил... Есть, правда, еще две возможности – бандитов спасли, но до сих пор не опознали, либо полиция, обнаружив два трупа, решила держать это в секрете до поры до времени.

Скрыться после того, как в твоей квартире нашли два обгоревших трупа, – этого хватит любому суду присяжных. «Самозащита?! Ну-ну! Тогда зачем вы удрали? Зачем подожгли квартиру и пустились в бега? Расскажите-ка нам!» Что и говорить, ситуация щекотливая.

Есть и альтернатива – попасть в самый фокус «фонаря» и узнать об этом в самый последний и ужасный миг... Кстати, вспомнил Армстронг, пожар стоил ему образчика «фонаря». Очень неприятная потеря, нужно будет обязательно постараться добыть другой.

Он обдумывал то, что предстоит сделать в первую очередь. Первое – автомобиль останется в гараже; машина слишком намозолила глаза кому не надо. Второе – отныне он будет обходить стороной банк, где раньше регулярно снимал деньги со счета. Придется извлекать денежки окружным путем, через другие филиалы. Этим нужно заняться не откладывая, так как все его богатство – та одежда, что на нем, плюс содержимое карманов.

С банком вышло легче, чем он ожидал. Клерк молча сунул чек под телесканер, прибор мигнул зеленым глазом – все,

мол, в порядке, подпись не подделана, и деньги ему выдали без проволочек.

Плотно набитый бумажник сразу поднял ему настроение. Армстронг отметил это событие небольшим пиршеством в кафе недалеко от Боулинг-стрит. Он быстро проглотил еду и попытался связаться с Хансеном. Никто не отвечал. Минут через двадцать он позвонил еще раз – и опять безрезультатно. Третья попытка, предпринятая еще через полчаса, также ничего не дала.

Армстронг вспомнил, что на первом этаже того же самого здания, где помещалась контора Хансена, была табличка какой-то другой фирмы. Вот только какой? Он долго ходил вокруг телефонной будки, пока наконец не вспомнил название: «Королевская мантия». В телефонной книге фирма значилась. Он набрал номер.

Круглолицый, чересчур смуглый человек возник на экране и произнес:

– КМ слушает. Что вам угодно?

– Мне нужна контора мистера Хансена, но я никак не могу туда дозвониться. Вы не подскажете, может, у них что-то стряслось?

– Мне узнать? Сходить и выяснить?

– Если вы будете настолько любезны...

– Да уж буду, – сказал толстяк. – Ждите. Не уходите далеко. Я пошлю посмотреть. – Его луноподобное лицо повернулось в сторону, и он крикнул: – Эчер! Эчер! Сбегай наверх

и сообщи Хансену, что люди не могут до него дозвониться. Скажи ему, что один джентльмен ждет его здесь, внизу. – Он снова посмотрел прямо в экран: – Подождите. Эчер вернется через минуту.

– Очень вам благодарен.

Армстронг бесстрастно смотрел на лунолицего, который, в свою очередь, глазел на него, пока оба наконец не ощутили некоторое замешательство. Пауза затянулась.

– Отличная нынче погода, – произнес Армстронг, чтобы сказать хоть что-нибудь.

– Отвратная! – возразил лунолицый. – Мой бизнес летит к чертям. Кстати, а вам нравится хороший мех? У нас его завались. Приходите и выбирайте.

– Сожалею...

– Когда не сезон, мы продаем дешевле, – настаивал человек. – Вот когда термометр поползет вниз, цены начнут взбираться вверх. Сбросим для вас процентов десять, но только сегодня. – Он умолк, повернулся в сторону, затем снова взглянул на Армстронга. – Заперто. У Хансена никого нет.

– Ладно. Разыщу его в другом месте. С вашей стороны было чрезвычайно любезно пойти ради меня на такие хлопоты – поверьте, я крайне благодарен...

– Никаких хлопот, – уверил лунолицый. – Так что не забудьте: скидка десять процентов.

Улыбнувшись, Армстронг отключился. Улыбка сползла с его лица, сменившись угрюмой маской. Никого в конторе,

даже Мириам... Очень похоже, что хитрый детектив пришел к тем же выводам, что и он сам, и по тем же причинам решил залечь на дно. Если оба они проделают это по всем правилам конспирации, им потребуется чертова уйма времени, чтобы разыскать друг друга. Между тем оба они, и довольно скоро, понадобятся полиции по делу рыжего и его дружков. А полицейские не склонны церемониться со свидетелями, которые пускаются в круизы.

Еще одной болевой точкой оставался «Норман-клуб». Линдл и его подручные отпустили его без каких бы то ни было условий только потому, что были уверены – обдумав все хорошенько, он вернется к ним добровольно. Постепенно до них дойдет, что он не собирается влиться в их ряды и останется их противником, несмотря на установленную психотроном нормальность. И, поняв это, миндальничать они не станут. Если они сумеют его поймать, то найдут способ расправиться с ним так, чтобы не вызвать подозрений у окружающих. Инстинктивно, не зная точно почему, Армстронг приписывал «Норман-клубу» большее коварство, чем банде рыжего. Он подозревал, что, если жертвы последней умирали от внешне вполне естественных причин, жертвы первого не умирали вообще – они становились настоящими зомби... Испытав однажды действие психотрона, нетрудно было представить, что можно сотворить с человеком благодаря ему!

Он должен сразу опередить их на несколько ходов, пото-

му что Линдл скоро очнется от спячки, и тогда шкура Армстронга и гроша не будет стоить. Гвардейцы рыжего тоже помогают его – сильнее, чем Антоний домогался Клеопатры. Завтра, в крайнем случае послезавтра, в дело вступит полиция, а может быть, и ФБР. Целая стая гончих – но он заставит их побегать!

Войдя еще в одну телекабину, в полумиле от первой, он позвонил в Айдлвилд и зафрахтовал реактивный двухместный самолет до Нью-Мехико. Ему предоставили опытного пилота и зарегистрировали под фамилией Томпсон. Затем он позвонил Клэр Мэндл.

– Это я, – без всякой на то необходимости сообщил он.

– Вижу. – На лице Клэр появилось лукавое выражение. – И вы снова рассудительны и спокойны.

– Я? – Он изобразил изумление. – Любовь прошла...

Она на миг смутилась, но потом с обычной уверенностью язвительно заметила:

– Вы и во сне не расстаетесь со своей иронией? Сегодня вы для меня слишком остроумны, мистер Армстронг.

– Джон!

Она не обратила на это внимания.

– Джон! – настаивал Армстронг.

– Можете дразнить меня – но только с безопасного расстояния.

– Если вы отказываетесь называть меня Джоном, я тоже буду звать вас не Клэр, а... – он подумал и с триумфом за-

кончил: – Птичка!

Она вздрогнула, что доставило Армстронгу удовольствие, и ответила:

– Ну хорошо – пусть Джон! – Клэр сменила тон и заговорила по-деловому: – Мне кажется, вы звоните мне не ради очередной маленькой перебранки. О чем вы хотите проконсультроваться со мной на этот раз?

Внимательно наблюдая за ней, Армстронг выпалил:

– "Норман-клуб".

– А-а, – безразличным голосом протянула Клэр.

Слегка изумленный, он фыркнул:

– Так вы о нем знаете?

– Не фыркайте на меня, как боевой конь! Конечно! А кто о нем не знает?

– Девяносто девять процентов людей, – отрезал Армстронг. – И что же вам известно?

– Только то, что он существует, – рассеянно ответила Клэр, – и что в нем состоят некоторые весьма влиятельные люди. Как-то они приходили к Бобу. Хотели, чтобы он к ним присоединился.

– И он присоединился?

– Точно не знаю, но сомневаюсь.

– Кто за него поручался?

– Сенатор Вомерсли. – В Клэр вдруг пробудилось любопытство. – С чего вдруг у вас такой интерес к этому клубу? Таких на свете множество, разве нет?

– Нет, – криво усмехаясь, сказал Армстронг. – Этот клуб из тех, где выбивают людям мозги из башки.

Она засмеялась:

– Вы их недолюбливаете!

– Да! И у меня есть на то причины. Меня тоже пытались убедить вступить туда, но мне не понравилось, как это было сделано. Можно сказать, я еле унес ноги. К тому же все до единой катастрофы космических кораблей произошли по их вине.

На милovidном лице Клэр отразилось недоверие. Если оно неискренне, значит, она первоклассная актриса, решил Армстронг.

– Это же глупо, – возразила она. – Неудачи с запусками происходят уже давно и по всему миру...

– Это изумительное совпадение, но дело-то в том, что «Норман-клуб» тоже существует весьма давно, и его филиалы тоже разбросаны по всему миру.

– Но тогда их нужно арестовать! Посадить в тюрьму!

– Нужно, – согласился Армстронг. – Если только их одно-клубники, окопавшиеся в высоких кабинетах, дадут на это соизволение!

– Какая муха вас сегодня укусила? – спросила Клэр.

– Еще не укусила, – ответил он. – Но только потому, что я сопротивляюсь. Стоит мне сдать...

– Ах, бедненький! – вздохнула она. – А я-то удивляюсь, почему это весь мир стал в последнее время каким-то стран-

НЫМ...

– Вот-вот, – одобрительно произнес он.

– Неужели за вами гоняются врачи со стетоскопами? Наверно, их хотят приставить к вашей широкой груди?

– К моему котелку уже приставляли одну штучку. – Он почмокал губами, скривил рот и сильно закатил глаза. – Я уж начал думать, что таким и останусь. – Он снова придал лицу обычное выражение. – Вы знаете, что все на свете относительно? Так: вот, я самый нормальный среди спятивших идиотов. Во всяком случае, так мне было сказано.

– Беру обратно те слова, которые я сказала вначале, – заявила Клэр. – О рассудительности.

– Вынесете приговор лично, – предложил он. – Можем мы встретиться, когда я вернусь?

– Так вы уезжаете?

– Да. – Он пристально посмотрел на нее, ожидая, что она спросит, куда он едет. Это было важно! Он должен знать, насколько ее интересует его маршрут, и он прочтет это по ее глазам...

– Надолго?

– Не дольше, чем потребуется, – уклончиво ответил он.

Клэр улыбнулась:

– Ну, тогда звоните, когда вернетесь. Может, застанете меня в разговорчивом настроении.

– Ладно, – кивнул Армстронг. – До свиданья, Клэр!

Отключившись и глядя на погасший экран, он задумался.

Она не спросила. Впрочем, он все равно не знал, радоваться этому или настораживаться. Все зависит от того, кого может интересовать его путешествие – лично ее, Клэр, или тех, с кем она, возможно, в сговоре. Во втором случае совершенно понятно, почему она не проявляет любопытства. И еще это значит, что она опережает его минимум на два шага, раз сумела распознать ловушку раньше, чем он ее расставил.

Такси привезло его на летное поле, где на рулежной дорожке уже поджидал реактивный, самолетик. Пилот, худой, долговязый, кудрявый парень, ухмыльнулся ему из кабины и включил двигатели. Из-под крыльев ударили струи пара, и в воздухе разлился сильный запах парафина.

Швырнув в кабину объемистый пакет с завтраком, Армстронг втиснулся внутрь и с трудом разместился на сиденье рядом с пилотом.

– Мистер Томпсон? – осведомился тот. Армстронг кивнул. – Я капитан Оливер Мур, – сказал пилот. – Ребята зовут меня Олли. – Он оценивающе покосился на пакет с провизией, потом на приборную доску. – Чертовски любезно с вашей стороны, мистер Томпсон. Все на борту?

– Поехали! – скомандовал Армстронг.

Самолетик покатился к началу взлетной полосы, остановился на мгновение, взвыл турбинами, и – после короткого разбега – кто-то будто выдернул землю из-под его колес.

– Отлично! – восторженно крикнул Олли. – Обожаю летать! – Он заложил вираж, одновременно набирая высоту,

чтобы перескочить здоровенную тучу.

– Тесноватый экипаж, – заметил Армстронг. – Но мне нравится.

Олли озадаченно глянул на него.

– Я удрал от жены, – серьезно пояснил Армстронг.

Самолет нырнул в воздушную яму, потом постепенно снова набрал высоту, покачиваясь, словно его тянули на веревочке. На лице пилота читалось неодобрение.

Вытянув ноги, Армстронг откинулся на сиденье, закрыл глаза и задремал. Проснулся он только раз, чтобы прикончить содержимое своего пакета, разделив его с Олли. Вскоре самолет скользнул вниз по приводному лучу глиссадного маяка, замелькали постройки, колеса мягко коснулись земли, и через минуту машина замерла у границы летного поля.

Армстронг выпрыгнул из кабины и потянулся, чтобы размять затекшие мышцы.

– Классный полет, Олли, – сказал он и вдруг напустил на себя озабоченность. – Послушай, если кто-нибудь спросит тебя о Луи Томпсоне, ты скажешь, что летал с ним в Такому или еще куда-нибудь к черту на рога. Придумай сам. Договорились?

– Я летчик, а не обманщик. – Лицо Олли в пилотской кабине неодобрительно нахмурилось. – Ладно, мистер, – бросил он наконец. После этого лицо исчезло, и самолет покатил сквозь тьму на стоянку. Навигационные огни на концах крыльев сверкали красным и зеленым светом.

Усмехнувшись, Армстронг подумал, что миссис Олли, наверное, блондинка и носит джинсы в обтяжку.

Несколько часов проспав в обшарпанном отеле, Армстронг на рассвете уже стоял у ракетной базы. Он прибыл так рано, что ему пришлось еще полчаса прождать, прежде чем начал появляться персонал. Ночные охранники, решив под занавес дежурства проявить рвение, усомнились в его документах и отказались открыть ворота. Под их неусыпным оком Армстронг стаптывал башмаки перед главной проходной, пока за него не поручился Куин.

– Ну, самый могучий лилипут на свете опять у нас! – радостно приговаривал он, проводя Армстронга через ворота. – Чему мы обязаны этим удовольствием, чудище?

– Хочу посмотреть, как идут дела, и получить свежую информацию.

– Все вынюхиваешь? – Куин побарабанил пальцем по могучему бицепсу Армстронга. – Как насчет тех фамилий, которые я для тебя раскопал? Ты вывел их на чистую воду? Они уже хлебают баланду в камере?

– Нет еще.

– Нет? – повторил Куин. – Ты все еще обнюхиваешь следы? Ждешь, когда гора придет к Магомету? – Он изумленно хмыкнул. – Сколькими трупами ты уже устлал свою дорогу?

Армстронг достал большую трубку и, не позаботившись набить ее табаком, воткнул в рот.

– Пока восемь.

Куин споткнулся на ровном месте.

– Профессор Боб Мэндл, Кларк Маршал и полдюжины членов одной сумасшедшей шайки, – бесстрастно пересчитал Армстронг. Он с шумом затянулся пустой трубкой. – Предполагалось, что девятым буду я сам. Еще один парень по имени Хансен стоял в списке десятым. Правда, сперва им придется нас поймать!

– Кому это им? – поинтересовался Куин, вытаращив глаза.

– Я бы и сам не прочь узнать.

Размахивая руками, Куин проговорил:

– Послушай, смерть не забава. Я не привык смеяться над такими вещами. Если эта чепуха – только способ поддержания разговора...

Вынув трубку изо рта, Армстронг отчеканил: – Говорю тебе, погибли восемь человек. Это я знаю точно. Может быть, есть десятки других, о которых я не знаю. Многие могут погибнуть в самое ближайшее время, включая меня самого. Да и тебя тоже! И меня не заботит, веришь ты этому или нет. – Он сунул трубку обратно в рот, сжав мундштук сильными челюстями. – Моя задача – не попасть под нож мясника как можно дальше.

– Слава Богу, я отчаливаю к Марсу, как только будет готов корабль, – произнес Куин. – В следующий раз, когда какой-нибудь остолоп спросит меня, зачем я рискую головой, улетая с Земли, я спрошу его: а ты, дружище, не рискуешь, оставаясь здесь?

Они остановились у высоченной металлической башни недостроенного корабля. Гладкий черный цилиндр корпуса отсвечивал в лучах восходящего солнца. С тех пор как Армстронг видел ее в последний раз, ракета прибавила в росте футов на десять.

– Кое-что сделали, – без особого энтузиазма заметил Куин. – Установили последнее уплотнительное кольцо в средней части корпуса. Правда, осталось еще четыре носовых. Вчера доставили набор новых карборундовых стабилизаторов, их смонтируют на этой неделе. Зато внутри половина приборов уже на месте.

– При таких темпах перед Рождеством можно будет проводить испытания, а?

– Вряд ли. Никак не пойму, что происходит в Вашингтоне. То они нас подстегивают, то придерживают. Сперва гнали как сумасшедшие, потом запутали все дело, потом снова устроили запарку, потом их опять заклинило. По-моему, они никак не могут решить, нужен им Марс или нет. – Куин посмотрел на собеседника, очевидно ожидая комментариев, но, не дождавшись, добавил: – Иногда в голову лезут диковинные мысли.

– Например? – подбодрил Армстронг.

– Такое впечатление, что вся толпа политиканов в Вашингтоне поделена на две соперничающие банды – одна за космические корабли, другая – против. Обе команды сильны и влиятельны, грызутся друг с другом изо всех сил, а мы

здесь, в Нью-Мехико, либо спим, либо обливаемся потом – смотря кто в данный момент перетягивает канат.

– Запуски ракет стоят денег, – сказал Армстронг обезоруживающе. – Они – чемпионы по прожорливости. Естественно, там, где тратится прорва денег, всегда есть о чем поспорить политикам. – Он еще раз окинул взглядом корабль. – Пошли.

Фазергил оказался в своем офисе. Его глянцевые волосы выглядели так, словно их склеили и не трогали по меньшей мере месяц. Как всегда, угол стола занимала ваза с цветами.

С усилием придав лицу любезное и радушное выражение, Фазергил промурлыкал: – Снова к нам?

– Сегодня здесь, завтра там. Не против?

– О Господи! Какое мне дело до ваших дел?!

– Я рад, что вам они безразличны, – криво усмехаясь, сообщил Армстронг. – Слишком многие люди в последнее время проявляли к ним интерес. Не могу сказать, что это доставляло мне особую радость.

Фазергил хотел было что-то ответить и уже открыл рот, но передумал и обратил свой хмурый взор на цветы.

– Мне нужно задать вам два-три вопроса, – сказал Армстронг.

– Только ради всего святого – не с том, о чем мы говорили в прошлый раз. Темпы строительства определяются теми же самыми причинами, о которых я говорил тогда. Мне нечего добавить, и, по правде говоря, я сыт этой темой по горло.

– Ладно, сменим пластинку. – Армстронг просверлил Фазергила взглядом. – Что вы можете сообщить о ракетах под номерами девятнадцать и двадцать?

Лицо Фазергила забавно сморщилось.

– А кто их строит? – спросил он быстро.

– Вот об этом я и хочу у вас узнать.

– У меня? – Фазергил не скрывал изумления. Он смущенно пригладил волосы. – Насколько мне известно, наш номер восемнадцать – последний. О других я ничего не знаю. Почему вы решили, что есть и другие? Кто вам о них сказал?

– Минни Финеган.

– Кто это?

– Вы ее, конечно, не знаете. Она живет не здесь. Но я вас обязательно познакомлю при случае. Она выращивает цветы.

Куин хихикнул, но сразу заткнулся, поймав взгляд Армстронга.

– При случае? Когда? – Фазергил обнаружил внезапный интерес. – А что за цветы?

– Очень дорогие. Я не помню названия. Неважно, это не имеет отношения к делу. – Внимательно разглядывая свои огромные ботинки, он немного помолчал, затем спросил Фазергила: – Хили еще работает здесь?

– Да.

– А Мюллер, Сентрилло и Джаскус?

– Да, А в чем, собственно, дело?

– Если корабль вдруг взорвется, скорее всего, ему помогут именно эти ребята.

– Откуда вы знаете?

Игнорируя вопрос, Армстронг внезапно спросил:

– Вы слышали когда-нибудь о «Норман-клубе»?

– Никогда! А почему я должен был о нем слышать?

– Нипочему. Если вы и слышали, то, полагаю, не признаетесь. Мне нужно было видеть вашу реакцию, а не услышать ответ. И я ее увидел.

Залившись краской, Фазергил сказал:

– Всякий раз, когда вы сюда приезжаете, вы изводите меня мелочными издевками. И вообще – с чего это я должен отвечать на ваши вопросы? Вы мне не начальство!

Вмешавшись в разговор, Куин тронул Армстронга за локоть:

– Давай не будем лупить друг друга, Джон. И без того несладко.

– Я вовсе не собирался на вас давить, Фазергил, – успокаивающе сказал Армстронг. – Боюсь, что вы чересчур эмоциональны. Когда человек возбужден, по его лицу можно прочесть то, чего он не хотел бы говорить вслух. И я получил от вас кое-какую информацию...

– Однако вы не имеете права ни на какую информацию от меня. Повторяю, вы мне не начальство!

– Никоим образом, – согласился Армстронг. – И я не обращался к вам – пока мог обойтись без этого. – Он улыбнулся.

ся, заметив на лице Фазергила оттенок какой-то неуверенности. Поднявшись, направился к двери, Куин последовал за ним.

– Благодарю вас, – сказал Армстронг язвительно. – Вы потратили на меня уйму вашего драгоценного времени.

Отойдя подальше от административного корпуса, Куин требовательно произнес:

– Выкладывай! Кто такая Минни Финеган?

– Тебе-то что за дело?

– Дела агрессоров как позабыть...

– Что?

– Дела агрессоров как позабыть, дредноуты их как нам не разглядеть? Не может гнева своего он скрыть, того, что плавит его сердца медь... [фрагмент стихотворения Вэчела Линдсея (1879-1931) «Авраам Линкольн бродит в полночь»]

– провозгласил Армстронг, обведя рукой вокруг.

Куин громко, с нажимом, заявил:

– Ты спятил!

– К тому идет, Джордж. – Голос Армстронга посерьезнел. – Кое-кто весьма интересуется кораблями девятнадцать и двадцать. Причем эти люди убеждены, что я знаю больше, чем они сами. И как я ни отрицаю, переубедить их не удастся. Но я и в самом деле не знаю, что такие корабли существуют, и тем более понятия не имею, кто их строит.

– Если их и строят, то в Европе, – высказался Куин.

– Зачем тогда пристают ко мне?

– Я к тебе не пристаю.

– Проклятье! – прорычал Армстронг.

– Я давно говорил, что все вокруг какие-то сумасшедшие. – Куин пожал плечами.

– Нет, Джордж, они преследуют меня – и, возможно, других людей, которых я не знаю, – потому что подозревают, и не без оснований, что восемнадцать и девятнадцать – американские корабли!

– Ерунда! – Куин разгрыз леденец и покачал головой. – Чушь! Как можно строить еще две ракеты, чтобы здесь никто и ничего о них не знал?! По-моему, это дурацкие слухи. Кроме того, зачем нужно строить три корабля – один здесь, а два – где-то еще? Объясни!

– Кое-кто здесь, мой ягненок, о них знает. Фазергил!

– Он это отрицал.

– Верно. Только я наблюдал за ним, когда мы разговаривали. Он знает о них, поверь мне, но предпочитает держать язык за зубами. И он знает, что о них не должен знать я. Сейчас он сидит и гадает, много ли мне известно, и, конечно, приписывает мне больше, чем я имею. И он должен будет что-то предпринять. Например, он позвонит своим непосредственным шефам или в ближайшую берлогу ФБР. Потому что ему нужно отвести от себя подозрения в том, что он сказал слишком много. Вслух он действительно ничего не сказал, но вот глазами... Я готов заложить собственную шкуру, что еще две ракеты строятся где-то в глуши и что они

американские!

Оглянувшись на недостроенный корпус космического корабля, Куин молитвенно сложил руки и попросил:

– Радость моя! Забрось меня туда раньше моих конкурентов!

– Почему ты хочешь быть первым? Пусть лучше там взорвется какой-нибудь другой недоумок...

– Как сказала одна собака, – ответил Куин, – если я первая побежала по следу, мне наплевать на тех, кто бежит за мной.

Стоя у ворот, он смотрел, как удалялся гость, и после того, как Армстронг скрылся из виду, еще долго о чем-то думал. Наконец он направился обратно, к гигантской колонне корабля, и заговорил с ней, как дикари разговаривают со статуями богов:

– Из-за тебя убили много людей и могут убить еще больше. Это бы ладно, если б ты не сидел так долго на своей толстой заднице и не пялился в небо, как будто ты собираешься взлетать туда еще через сто лет. Я не проживу столько, даже если мне суждено умереть своей смертью, – а в этом бардаке слишком много людей умирают не своей смертью. – Куин сплюнул. – Чем раньше ты взлетишь, тем будет лучше и для меня, и для тебя, и для многих других.

12

На обратном пути в Нью-Йорк Армстронг позвонил в «Геральд» и связался с Нортоном.

Журналист приветствовал его с притворной хмурой миной:

– Итак, ты пропадаешь куда-то на двое суток, а теперь у тебя совесть проснулась...

– О чем это ты?

– Тебя ищут, – с удовольствием сообщил Нортон. – Оказывается, я давал напрокат свою кровать беглому преступнику, что делает меня соучастником. Очень мило с твоей стороны. Я этого не забуду. Ты же мой приятель!

Армстронг с удовольствием произнес:

– Если бы я мог дотянуться до тебя, я бы намыллил твою невытую шею. Давай выкладывай свои новости! Да без тумана!

– Боже! Ты перепугал меня до смерти! – Нортон в ужасе вытаращил глаза и нажал кнопку на своем телефоне: – Девушка, вы слышали? Вы будете свидетелем!

– Будь здоров! – рявкнул Армстронг, протягивая руку, чтобы отключиться.

– Эй-эй! погоди минуточку! Зачем такая спешка? – воскликнул Нортон.

– Мне не до шуток. Если тебе есть что сказать, говори.

– Что ж, ладно. – Нортон устало почесал лоб. – Полиция разыскивает тебя и Хансена, формально – по делу о четырех трупах. Они в тупике и без ваших официальных показаний не могут выбраться оттуда. ФБР тоже желает знать, почему вы оба предпочли скрыться в такой ситуации. Они никак не могут решить, удрали вы или нет. Скоро они начнут искать вас в Ист-Ривер. Кстати, вчера меня вызвонил некий Карсон и прямо-таки изнасиловал – где Армстронг, куда девался...

– Карсон? – Армстронг порылся в памяти. – Не знаю такого.

– Сказал, что он секретарь Рэндольфа К.Линдла, что бы это ни значило. Он вел себя так, словно этот Линдл заведует кунсткамерой, а твое чучело обошлось музею в миллион долларов. Конечно, я мог сообщить ему только то, что ты чуть не оказался в крематории. – Нортон перестал чесаться и начал разглаживать пальцами волосы. – Немного позже позвонил Эд Дрейк и тоже спросил, не знаю ли я, где ты. Якобы какой-то похожий на вивисектора тип домогался у него информации. Эд встревожился, он подумал, что, быть может, ты последовал дорожкой Кларка Маршала.

– Может быть, следуя, – спокойно сказал Армстронг. – В следующий раз буду говорить с тобой уже из лодки старика Харона.

– Короче, – продолжал Нортон, совершенно не обратив внимания на это замечание, – я решил «искать женщину». Поэтому позвонил твоей пассии.

– Клэр?

– Ага. Бедняжка подумала, что ты понадобился всему Нью-Йорку. Я, оказывается, был седьмым по счету в этот день. До меня ей звонили еще шестеро, и все по одному и тому же вопросу. Угадай с трех раз – по какому?

– Что еще она тебе сказала?

Нортон медленно и настороженно посмотрел по сторонам, потом прошептал:

– Только строго между нами... Ты-тот самый Убийца из Олбани, и она прячет тебя в погребе. – Лицо его стало кислым. – Женщина, что еще можно сказать! Ничего не знает и выдумывает небылицы. – Сунув руку в карман жилета, Нортон достал листок бумаги. – Есть еще кое-что. Четвертой по счету ей звонила шикарная блондинка, которая сказала, что ты должен позвонить по этому телефону. – Он медленно продиктовал номер, чтобы Армстронг записал его в блокнот, затем ехидно добавил: – Очаровательная Клэр наверняка задумалась, почему такие красотки оставляют тебе свои телефоны.

– Сожги этот листок. Очень скоро я тебе опять позвоню. – Армстронг отключился, не дав Нортону времени на возражения.

Доехав до центра, Армстронг воспользовался кабиной на Пенн-Стейшн и набрал записанный номер. На экране появилась блондинка. Это была Мириам. Она явно не знала, что делать – то ли радоваться, что он еще жив, то ли огорчаться,

потому что опять появился тот, кто был причиной всех напастей ее босса.

– Какое прелестное утро, детка! – приветствовал ее Армстронг. Она надменно фыркнула:

– Ровно в два часа или ровно в четыре тридцать позвоните в Лексингтон, 501-17. В другое время звонить бесполезно. Это все.

И без долгих церемоний Мириам вырубилась связь. Вот так, быстро и сердито. Очевидно, ей не нравились крупные, сильные мужчины. А может, ее просто не волновали события, которые последуют вслед за его появлением на сцене.

Пообедав, он точно в два часа набрал нужный номер. На звонок ответила чистенькая девушка-оператор с улыбкой как на рекламе зубной пасты, а потом на экране возник Хансен.

– Я пытался связаться с вами в течение двух последних дней. Вам известно, что половина улицы, где вы жили, выгорела?

– Я был там, когда все началось.

– Без подробностей, – оборвал Хансен. – Нас могут слушать. Помните, где мы встречались после того, как вы просили меня спеть колыбельную?

– Помню.

– Там же через час. Успеете?

– Вполне. Буду ждать.

Экран погас. Очевидно, Хансен дошел до того, что пере-

стал доверять даже собственной матери. Он выбрал блошиную тактику – непрерывных прыжков.

Для наплыва посетителей было еще слишком рано. Появившись точно в назначенный срок, Хансен нашел Армстронга за столиком в полупустом помещении. Вместе с детективом прибыл щегольски одетый тип с бледным лицом и оловянными глазами, эдакий портновский манекен.

Усевшись, Хансен представил своего спутника:

– Джейк, один из моих парней. Фамилия не имеет значения. Просто Джейк. – Армстронг дружески кивнул, и Джейк ответил бесстрастным взглядом пойманной золотой рыбки. Хансен продолжал: – Мне пришлось чуть ли не катапультироваться из конторы. Три последние ночи я спал где придется. Но, конечно, хорошо, что не под могильной плитой. Однако такие пируэты весьма вредно действуют на деловые связи. Каким образом найдут меня клиенты, если они не знают, где я нахожусь?

– Я вам советую позаботиться о том, чтобы вас не нашли другие, которые еще не заплатили аванса, – сказал Армстронг. – Полицейским мы тоже понадобились, и чем дольше мы отсутствуем, тем сильнее они жаждут нас заполучить.

– Только не меня.

– Почему это?

– Им нужны официальные показания. Я дал их под присягой и послал им по почте.

– Этого достаточно? – Армстронг удивленно поднял бро-

ви.

– Для этого случая, может быть. Ведь есть еще и свидетели-полицейские, верно? Мое письмо – всего лишь формальность. Но оно должно защитить меня от возможных обвинений в неуважении к суду.

– Тут вы меня обскакали. Я о таком фокусе не подумал. Наверное, мне тоже стоит это сделать.

– Когда мы будем пить? – грубовато вмешался в разговор Джейк.

– Сейчас все принесут, – успокоил его Армстронг. – Я заказал еще до вашего прихода. – Он посмотрел в глаза Джейка и добавил: – Двойные порции.

– О'кей, – сказал Джейк.

– Не отвлекайтесь на этого пьянчугу, – нетерпеливо вставил Хансен. – Я нанял его, потому что... – Его длинное лицо, когда он взглянул на Армстронга, сделалось серьезным. – Помните Пита?

– Конечно.

– Прошлой ночью он сыграл в ящик.

– В ящик? Вы хотите сказать?.. – Армстронг сунул обратно кiset с табаком, который вытащил было из кармана, и посмотрел на свои руки. Они не дрожали. – Как? – спросил он ровным голосом.

– Он был дома, ужинал, разговаривал с женой. И вдруг замолчал, посмотрел на жену так, словно впервые ее увидел, и сполз под стол. Когда прибыл врач, он был уже... того.

– Когда точно это случилось? – Около полуночи. Я узнал об этом сегодня утром.

– Он болел чем-нибудь?

– Нет, насколько мне известно. По-моему, он был здоров, как племенной бык. – Официант принес напитки, но Хансен посмотрел на виски так, будто навсегда потерял интерес к спиртному. – Может, это совпадение, а может, и нет. Подождем, пока не станет известно, что его скосило.

– Я знаю, о чем вы думаете.

– Вопрос в том, кто следующий?

Армстронг мрачно кивнул:

– Вы или я. Люди, стоящие у изголовья покойника.

Хансен сделал глоток из своего бокала.

– Мы попали в это затруднительное положение по вашей милости. И вы должны придумать, как из него выбраться. – Он бесстрастно посмотрел на Армстронга. – Мне вовсе не улыбается остаток жизни играть в прятки с маньяками-убийцами. Что-то необходимо предпринять. Раз вы посадили их нам на хвост – сообразите, как нам от них избавиться.

Положив на стол монетку, Армстронг сказал:

– Одно решение имеется.

– Какое?

– Покуда мы будем бегать, ни они нас не поймают, ни мы их. Я угробил двоих, усевшись на корточки, как приманка, прямо в центре мишени. Но повторять сей подвиг мне не по душе. – Он подтолкнул монетку поближе к Хансену. –

Предлагаю кооперироваться. Один сидит на лужайке и ждет охотников, другой сидит на дереве и тоже ждет охотников. Естественно, на деревьях сидят еще несколько крепких ребят. Бросьте монетку. Решка – лужайка, орел – дерево.

– Это все, что вы смогли придумать? – разочарованно протянул Хансен.

– Нет, это в порядке бреда. Просто чтобы не сидеть сложа руки.

– Этим пойлом только свиней мыть. Вода водой. Не забирает совсем, – сказал вдруг Джейк, оставив пустой бокал. – В порту и то лучше дают. – Повысив голос, он крикнул через весь зал официанту: – Эй, ты! Еще три! – Рыбьими глазами он уставился на Хансена, словно ожидая одобрения.

Детектив не обратил на него внимания и хмуро сказал Армстронгу:

– Я не против притвориться блеющим ягненком, но только в самом крайнем, отчаянном положении. Не сейчас. Что еще вы можете предложить?

– Кое-какую рутинную работенку. Повидайте Клэр Мэндел и возьмите у нее список людей, интересовавшихся мной, выясните о них все, что сумеете. После этого свяжитесь с человеком по имени Карсон из «Норман-клуба», узнайте, если удастся, зачем я ему нужен. Скажите, что я улетел в Никарагуа, но вы обязательно со мной встретитесь, как только я вернусь. Наверное, он будет нем как рыба. Хотя, если вдруг он окажется разговорчивым, постарайтесь вытянуть из него

все, что можно, о той другой шайке, которая за нами охотится. Правда, я на это не надеюсь.

– Почему Никарагуа? – осведомился Хансен.

– А! Скажите ему, что именно там строят ракету номер девятнадцать.

У Хансена отвисла челюсть.

– Как вы это узнали?

– Я не узнал. Я придумал это только что. Но Карсону, если он поинтересуется, хватит Никарагуа.

Пожав плечами, Хансен сказал:

– Как скажете. Хоть будет чем заняться. Если не секрет, поведайте, что вы собираетесь делать и каким образом мы снова свяжемся?

– Я вам сообщу. – Армстронг понизил, голос. – Линдл и Вомерсли расшевелили в сенате тех, кто выступает против дальнейшего финансирования космических исследований. Десять против одного, что большинство из них – марионетки «Норман-клуба». Но, несмотря на это, дополнительные деньги выделены. Почему? – Расскажите.

– Потому что те, кому нужен Марс, сейчас сильнее. И мне с ними по пути! По крайней мере, до тех пор, пока они сильнее...

– И пока они не присоединились к той банде, которая охотится за нашими скальпами, – досказал Хансен. – В этом случае ваша попытка сговориться с ними будет столь же плодотворной, как попытка договориться с ножом гильотины.

– Я должен попробовать.

– Вы уже выбрали венок?

– Никаких венков и процессий. Обычные, простенькие похороны без всякой суеты, – ухмыльнулся Армстронг. – Ведь если я попрошу пару-другую букетов цветов, вы тут же поставите их мне в счет!

– Уж не такой я скупердьяй, – недовольно заметил Хансен.

– А я такой и напоминаю об этом. – Джейк придвинул пустой бокал к детективу. – Теперь ваш черед, не так ли? Давайте раскошеливайтесь.

Со страдальческим видом Хансен сделал знак официанту.

– Я буду ловить рыбку поблизости, – продолжил Армстронг. – Я собираюсь в Вашингтон и позвоню Мириам в субботу, в пять часов. Оставьте ей записку.

– Бесполезно. Мириам скачет с места на место, как перепуганный кенгуру.

– Черт! – Армстронг задумался. – Тогда будем держать связь через Нортон из «Геральд».

– Вот это годится. – Хансен поднялся и бросил Джейку: – Пошли, алкаш. Пора работать.

– О'кей. А то я уж зад отсидел. – Допив одним махом бокал, он глянул на Армстронга стеклянным взглядом: – Приятно было встретиться.

Они удалились – Хансен впереди, Джейк почти вплотную за ним.

Армстронг дал им минут пять, чтобы уйти подальше, по-

том вышел сам.

Полная стенограмма дебатов по финансированию строительства космических кораблей содержалась в файле Вашингтонской библиотеки. Споры были гораздо продолжительнее и ожесточеннее, чем это освещалось средствами массовой информации. Неизвестно почему, но накал страстей репортеры приуменьшили. Линдлу, Вомерсли и их последователям почти удалось срезать финансирование и тем самым на долгие годы поставить крест на освоении космоса. Но те, кто ратовал за продолжение работ, буквально вырвали победу зубами.

Армстронг внимательно изучил файл, не упуская ни малейших подробностей. Чтобы раскусить, что кроется за речами тех, чья позиция близка его собственной, ему понадобится безошибочная психологическая игра. Но награда стоит труда – он получит возможность сблизиться с ними – людьми, которые выступают за освоение космоса, на самом деле преследуя свои, вовсе не «космические» цели. Но как отделить потаенные мысли выступавших от словесной трескотни?

Три раза он перечитал стенограмму, чтобы ничего не упустить. Этот вулкан страстей был поразительным свидетельством того, насколько запутанней стала и без того всегда сложная ситуация в мире. Любые двое из политических актеров могли подыгрывать друг другу по совершенно различным мотивам. Линдл, Вомерсли и их приспешники как в

правительстве, так и вне его, изо всех сил пытались предотвратить или хотя бы задержать завоевание космоса. Вероятно, многие из них воображали себя небольшой группой избранных, элитой мира, нормальными людьми – «норманнами» Земли, которые так же фанатично преданы Марсу, как всякий синтоист предан Микадо. Среди противников космической программы были и другие, немногие, которые ничего не знали ни о тайной и циничной теории Линдла, ни о существовании «Норман-клуба», но которые были искренне убеждены, что запуски ракет – бездарное разбазаривание так трудно зарабатываемых денег.

Их аргументы были столь же старые, сколь и безумны: космические полеты противны воле Божией; космические полеты – безнравственная трата денег, которые лучше потратить на витамины для бедствующих китайцев; космические полеты приведут к новой войне за колонии... И так далее и тому подобное. И были наверняка среди этих людей такие, которые, надрывая на каждом углу глотку в приступе патриотизма, на самом деле втайне желали, чтобы первой до Марса добралась какая-нибудь другая страна...

Настоящий компот. Впрочем, противоположный лагерь выглядел почти так же. Здесь пересекались интересы сырьевых, химических и сталелитейных корпораций, которые не хотели упускать такой жирный кусок и сейчас, и в перспективе. Явственно слышались голоса военных, уверявших, что когда-нибудь Марс все равно будет освоен, а раз так, то по-

чему бы Америке не быть первой. Кто из них связан с бандой рыжего? Кто является прямым ставленником ссыльных марсиан? Кто – и таких, наверное, большинство – действует в интересах Земли, своей родной планеты? Как это определить? Ошибиться нельзя, второй попытки уже не будет.

Просматривая отчеты сенатского комитета в надежде откопать хоть какой-нибудь ключик к загадке, Армстронг вдруг широко раскрыл глаза от удивления, наткнувшись на информацию двухдневной давности – умер Харви Дж.Андерсон, локомотив «космического лобби», человек, не раз нарушавший планы синдиката Линдла-Вомерсли. Как было написано в «Рекорде», Харви Андерсон «ушел от нас неожиданно, но тихо и достойно в возрасте шестидесяти семи лет»... Армстронг немедленно позвонил в офис издательства.

– Я только что узнал о кончине сенатора Андерсона. Не могли бы вы сообщить мне причину смерти?

Девушка на другом конце вдруг исчезла с экрана, и вместо нее появился молодой человек с пытливым взглядом.

– Вы его друг? – спросил он.

– У мертвых не бывает друзей.

– Тоже верно. – Молодой человек на секунду задумался, словно оценивая мудрость этого афоризма. – Андерсон умер от разрыва сердца.

– Нельзя ли поточнее?

Молодой человек изобразил нетерпение.

– У него была болезнь сосудов сердца. Он страдал ею уже давно и мог умереть в любой момент...

– Кто это сказал?

– Послушайте, мистер, я сообщил вам все, что нам известно. Если вы желаете спорить, ступайте к доктору Пойнтеру.

– Именно это я и хотел выяснить. Фамилию врача. – Армстронг улыбнулся. – Спасибо.

– Всегда рады услужить, – явно недовольный, солгал молодой человек.

Заглянув в медицинский справочник Вашингтона, Армстронг не нашел там никакого доктора Пойнтера. Это заставило его снова взяться за телефон. В Ассоциации врачей Восточного побережья он запросил справку о Пойнтере и готов был поставить сто против одного, что такой фамилии там не числится и этот звонок – просто выброшенные деньги. Но через пять минут он получил поразительный ответ: доктор Пойнтер – нью-йоркский врач, в настоящее время гостит у сенатора Вомерсли... Армстронг почувствовал, как по спине пробежал холодок.

В конце концов он решил, что из всего «космического лобби» самой многообещающей фигурой является генерал Лютер Грегори. Сей почтенный вояка просто бредил стратегической ценностью Марса.

«Кто контролирует Марс, – бесчисленное число раз повторял он в сенате, – тот контролирует Солнечную систему». И действительно, именно интересы военных были главным

двигателем космических исследований в мире. Идея военного господства удовлетворяла и рядовых налогоплательщиков, которые, естественно, хотели бы уцелеть во время грядущих войн. Позиция генерала отличалась редкой последовательностью и простотой, и она была бы совсем здоровой, если бы в основе ее не лежала убежденность в роковой неизбежности войны.

Генерал Грегори не считался звездой первой величины на политическом небосклоне, но он был яркой личностью, и его выступления и, главное, независимость делали его, возможно, единственным, кем двигали соображения, созвучные собственным мыслям Армстронга. Разумеется, с точки зрения марсиан всех мастей генерал был ненормальным. Очень удачно, подумал Армстронг, что Грегори живет в Вашингтоне. До его дома чуть больше мили, пять минут на такси.

Старый боевой конь безостановочно расхаживал по кабинету, крутя в пальцах визитную карточку Армстронга. На жестком, с седыми усами лице застыло суровое выражение.

Размашистым шагом переступив порог, Армстронг произнес:

– Вы очень любезны, генерал. Надеюсь, вы не вышвырнете меня вон, прежде чем выслушаете до конца?

Грегори метнул острый взгляд на мощную фигуру гостя.

– Это никакая не любезность, – сказал он. – Уже сорок лет я принимаю каждого, кто хочет поговорить со мной. Если позволяет время, разумеется.

– Все равно, я вам очень признателен.

– Не стоит. Если вам есть что сказать, стреляйте побыстрее.

– Хорошо, генерал. Я пришел рассказать вам одну историю, наверное самую безумную из всех, которые вы когда-либо слышали. Я сокращу ее, чтобы сэкономить ваше время. Но попрошу вас об одном...

– Да?

– Вы выслушаете меня до конца и не отмахнетесь от этой истории, как от параноидального бреда, который не заслуживает вашего внимания. Вы используете все ваше влияние, чтобы проверить факты, и только потом примете решение. Обещайте мне это.

– А почему вы явились со своей историей ко мне?

– Потому что у вас есть власть, а у меня ее нет.

– В этом городе власть есть не только у меня, – сказал генерал. – Кое у кого ее даже побольше!

– А еще, – продолжил Армстронг, – мне показалось, что вы используете свою власть, а не злоупотребляете ею.

– Ах вот как. – Генерал не был польщен. Он изучал гостя, словно собираясь приказать ему застегнуться на все пуговицы и постричься покороче. – Вы обращались к кому-либо еще, прежде чем прийти ко мне?

– Нет, сэр.

Генерал Грегори снова заходил по ковру. Взглянув на электронные часы, он произнес:

– В свое время мне довелось слышать уйму странных историй, и вряд ли вы сумеете меня удивить. Однако дерзайте. Только покороче. – Он остановился, усы его ощетинились. – Но даже ангелы небесные не спасут вас, если вы закончите свою повесть попыткой что-нибудь мне продать.

Армстронг улыбнулся и, пристально глядя в лицо генерала, спросил:

– Мистер Грегори, вы когда-нибудь слышали о «Норман-клубе»?

Реакции не последовало. Грегори немного подумал и равнодушно ответил:

– Название вроде знакомо, но я не могу сейчас вспомнить... Ну и что там с этим клубом?

Рассказ занял час. Генерал слушал, не перебивая и не меняясь в лице. Армстронг закончил подробностями своего приезда в Вашингтон.

– Вот так, – заключил он. – Весь мир поделен. Невидимая империя, презрев границы и океаны, просто смеется над флагами и честью всех государств мира. Это своего рода вероучение, и оно ничем не хуже ислама, во имя которого тысячи его сторонников с радостью отдали жизни. Оно ничем не лучше и индуизма, во имя которого уже погибли и еще погибнут миллионы. Не важно, в какую глубину веков уходят его корни, истинно оно или ложно, подлинно или мнимо, – это фанатизм. Мы больше не атеисты и верующие, мы больше не правоверные и еретики. Отныне хитроумное устрой-

ство психотрон будет решать, нормальны мы или нет!

Грубое, словно высеченное из камня, лицо генерала осталось бесстрастным.

– Фантастика, – заявил он наконец. – Не хочу сказать, что ваша история – неправда, но, согласитесь, она слишком невероятна, чтобы принять ее без доказательств. Без существенных доказательств. Вы хоть отдадите себе отчет, что означает ваше сообщение?

– Я рассмотрел все аспекты, – кивнул Армстронг.

– Вы предъявляете обвинение представителям высшей законодательной власти этой страны...

– И любой другой!

– Остановимся на этой. Фактически вы выносите приговор нашей разведке, ФБР, полиции. Национальной гвардии, почти всем корпорациям и средствам массовой информации, множеству самых разных людей. Из ваших слов вытекает, что мы не одна страна, а две!

– Именно! Нормальные и ненормальные! – Армстронг твердо встретил взгляд генерала. – Кстати, не думаю, что этот приговор касается разведки.

– Почему?

– Простая логическая цепочка. Правительство строит ракету номер восемнадцать в Нью-Мехико, Делает это очень медленно и подробнейшим образом сообщает на весь белый свет о состоянии дел. Между тем в других местах тайно и гораздо быстрее строятся еще две ракеты. Почему правитель-

ство так поступает? Ответ очевиден. Оно знает, что строительство ракет действительно саботируется, хотя и не может найти и наказать виновных. Но у правительства есть доказательства саботажа, и ими его снабдила разведка. Номер восемнадцать всего лишь подсадная утка, задача которой отвлечь на себя внимание саботажников.

– Дальше.

– Идея была хороша. – Армстронг поднял палец. – Она могла сработать. Но – не сработала. Кто-то обнаружил, что их одурачили. Это значит, что произошла утечка, причем на самом верху. Рыжий и его когорта так называемых марсианских ссыльных знают о ракетах и сдерут с меня живого шкуру, если это поможет им выведать подробности. Десять против одного, что «Норман-клуб» тоже в курсе. И если мы не придумаем, как обскакать всю эту братию, еще две ракеты отправятся ко всем чертям, как уже отправились туда все предыдущие!

– Вы всучили мне горящую головню! – Грегори опять начал мерить шагами свой кабинет. – Естественно, я скептически отношусь к вашей истории. Но если вы правы хотя бы наполовину, дело плохо! – Он озабоченно покрутил усы. – И надо же как не вовремя!

– Не вовремя?

Генерал, расставив ноги, молча посмотрел на него.

– Эти новости выйдут сегодня днем, в четырехчасовом выпуске, – сказал он после паузы. – Россия опубликовала ре-

зультаты расследования той атомной катастрофы на Урале. Виновниками названы этнические немцы, которых обвиняют в возрождении ордена иллюминатов [религиозно-политическая организация в Баварии во второй половине XVIII века], почему-то при поддержке Франции. Советский посол уже предъявил ноту. Международное положение быстро ухудшается.

По спине Армстронга пробежал холодок. Он взглянул на часы:

– Уже четыре.

Грегори включил телевизор. Вспыхнул большой экран, и на нем появился диктор.

– ...сознавшийся в получении взрывного устройства в отеле «Польша» в Варшаве от некоего Аристида Дюкусне, гражданина Франции. Французское правительство, в свою очередь, отрицает какую-либо связь с этим человеком. В интервью, данном сегодня утром, монсеньор Жюль Лефевр, министр обороны, заявил, что у Франции нет причин мешать научному прогрессу страны, с которой у нее заключен договор о дружбе и сотрудничестве, и что любые инсинуации на эту тему следует со всей решительностью опровергать. Жюль Лефевр отрицал также, что Франция поощряла возрождение иллюминатов.

В первый раз генерал Грегори сел. Откинувшись в кресле, он покручивал ус, в то время как диктор продолжал тараторить:

– Французское правительство предложило правительству СССР представить Совету Безопасности ООН имеющиеся у него доказательства причастности Франции к диверсии и сейчас ожидает ответа. Между тем в Москве продолжают очные ставки Михаила Кирова и других заговорщиков. – Диктор перевел дыхание и продолжил: – В официальном коммюнике, опубликованном сегодня Министерством обороны Великобритании, говорится, что ежегодные крупномасштабные маневры английских сухопутных войск впервые будут проводиться на французской территории, что предусматривается соглашением между двумя сторонами, принятым в прошлом году.

Выключив телевизор, Грегори холодно произнес:

– Есть и другие факты, которые пока не стали Достоянием гласности. Они серьезные, даже угрожающие. Можете мне поверить – нам повезло, что До сих пор на планете мир, но весьма проблематично, сумеем ли мы сохранить его впредь.

– Если начнется война, строительство всех космических кораблей прекратится и здесь, и повсюду?

– Естественно. Будет не до жиру. – Генерал задумчиво помассировал подбородок. – Как все это выглядит в свете намерений «Норман-клуба»?

– Неприятно это выглядит. Скорее всего, русские члены «Норман-клуба» договорились с французскими. Цель – спровоцировать третью мировую войну и отбросить мир назад лет на двадцать, если не навсегда. Если вспыхнет кон-

фликт, их единомышленники во всех странах постараются раздуть пожар и не дать ему угаснуть как можно дольше. Они дважды предельвали такое прежде и вполне могут попытаться опять. Но раньше они не заходили так далеко...

– Что вы имеете в виду?

– Они вовсе не хотели окончательно погубить планету. И поэтому отзывали собак, когда дело заходило чересчур далеко. Но, несмотря на то, что войны тормозили социальное развитие планеты, они же давали мощный толчок науке и технике. Ракетостроение, например, стало развиваться именно во время и после Второй мировой. – Он угрюмо посмотрел на погасший экран. – Они извлекли из этого урок! В следующий раз все будет иначе! Подготовка конфликта почти закончена – зерна ненависти проросли. И они будут ухаживать за ними, возвращать – до самого печального конца, пока все наши достижения, все наши мечты не обратятся в ничто, в пыль. Но единственные уцелевшие ружья останутся в руках только членов «Норман-клуба»; остальные, разобщенные и одичавшие, будут воевать лишь копьями и топорами. Эти люди – маньяки, воображающие себя нормальными!

– Что ж, признаю, что ваша искренность подействовала на меня столь же сильно, как ваш рассказ, – заявил генерал прямо. – Но прежде чем определиться в дальнейших шагах, я намерен сам навести кое-какие справки. Вы можете встретиться со мной завтра в это же время?

– Да. – Армстронг поднялся. – Полагаю, вы записали нашу

беседу?

Грегори указал на кнопку в стене и сказал извиняющимся тоном:

– Она включает диктофон в соседней комнате. Все, что вы рассказали, зафиксировано. Вы понимаете...

– Я все отлично понимаю, – перебил Армстронг. – И на вашем месте поступил бы точно так же.

Провожая гостя к двери, генерал любезно улыбался.

Быстро шагая по улице, Армстронг перебирал в уме разговор. Что он получил? Пусть даже он убедил генерала, что может тот сделать, чего добиться?

Черные грозовые тучи ползли над Потомаком, словно символ грядущих проблем. Лица немногочисленных прохожих тоже не светились радостью, люди были серьезны и озабочены.

Об асфальт расплющились первые крупные капли дождя. Над потемневшим горизонтом вспыхнула голубая изломанная черта, и сразу послышался треск разрываемых на части туч.

Заскочив под какую-то арку, Армстронг ждал, когда кончится ливень. Рядом находилось окно информационного агентства; от нечего делать он заглянул внутрь – там, почти вплотную к окну, стоял монитор, а его экран заполняла первая страница «Вашингтон пост».

«Со всех сторон – враги» – таков был лейтмотив сообщений. Франция требовала применить санкции к России,

Россия припрятывала от инспекторов ООН свое бактериологическое оружие, Германия поддерживала Францию, и если Америка не вмешается, дело может кончиться плохо... «Вашингтон пост» не посчитала нужным упомянуть, кому Принадлежали эти слова и кто скрывался за таинственными «официальными кругами», на которые она ссылалась. Независимо от того, насколько правдива была эта информация, она выполняла одну задачу – готовила умы к грядущему шторму.

С таким же хмурым видом, как небо над его головой, Армстронг посмотрел на соседний монитор, на который выводились менее важные новости.

«Пилот космического корабля подозревается в убийстве. Гэллап, Нью-Мехико. Местная полиция разыскивает Джорджа Куина, пилота P18, строящегося сейчас в пятидесяти милях к северу. Как утверждается, Куин после ожесточенного спора убил Амброза Фазергила, главного инженера ракетного комплекса».

Огромные руки Армстронга сжались в кулаки так, что пальцы впились в ладони. Но не успел он переварить эту новость, как его взгляд наткнулся на следующую:

«Пропала женщина-профессор. Территаун, Нью-Йорк. Клэр Мэндл, физик, сестра покойного профессора Роберта Мэндла, исчезла из своего дома сегодня утром при загадочных обстоятельствах. Герберт Уолтхол из ФБР не отрицает, что его ведомство разыскивает мисс Мэндл, но заявляет, что

пока никакой информации представить не может».

Не обращая внимания на дождь, гром и почти непрерывные вспышки молний, Армстронг выскочил из укрытия и побежал.

По адресу, указанному в телефонной книге находился особняк в колониальном стиле, окруженный высоченной стеной. По гребню стены тянулась колючая проволока, к которой был подведен электрический ток. Позади ворот со сторожевой будкой лениво прохаживались несколько широкоплечих парней. Похоже, сенатор Вомерсли в самом деле являлся важной персоной.

О том, чтобы проникнуть в эту крепость без спроса, не могло быть и речи. Не стоило и пытаться, если он не хотел нарваться на свинцовую пилюлю. Тут нужна хитрость...

– Спокойнее, спокойнее, держись наглее! – твердил себе Армстронг, приближаясь к воротам.

Заметив его, охрана насторожилась. Он придал лицу глуповатое и в то же время заискивающее выражение. В ответ на его взгляд один из громил презрительно плюнул – точнехонько в муху, сидящую на стене.

Просунув визитную карточку сквозь толстые прутья, Армстронг заговорил как можно более вежливо:

– Не будете ли вы любезны узнать, примет ли меня сенатор Вомерсли?

Выдернув карточку из его пальцев, охранник взглянул на нее и требовательно спросил:

– Вам назначено?

– Нет.

– По какому поводу вы хотите видеть сенатора?

– По делу, которое поручил мне сенатор Линдл.

– О'кей. – Он повернулся к Армстронгу спиной. – Ждите здесь.

Ждать пришлось полчаса, и все это время Армстронг нетерпеливо топтался у ворот, удивляясь, почему так долго решается простейший вопрос. Наконец охранник вернулся и угрюмо отпер ворота.

– Сенатор примет вас сейчас.

Войдя, Армстронг в сопровождении охранника направился к дому. За спиной лязгнул запор ворот; звук был угрожающий, недобрый, словно возвещавший начало двадцатилетнего срока в Синг-Синге. Еще один охранник пересек им дорогу; его тащила за собой на цепи, напоминающей якорную, собака величиной с жеребенка.

Войдя в дом, они еще минут пять ждали в мрачном холле, облицованном дубовыми панелями, с одной стены которого на них смотрела поеденная молью лосиная голова. В холле находились еще четверо охранников, все они выглядели так, словно на них подействовало долгое общение с лосиной головой.

Наконец Армстронга провели в лоджию, где у французского окна принял картинную позу Вомерсли. Сенатор повернулся, чтобы рассмотреть неожиданного визитера; сам он казался довольно напыщенным типом с румяными щеками

и длинными белыми волосами.

– Итак, мистер Армстронг? – провозгласил он елейным тоном архиерея. Выбрав кресло с высокой спинкой, он осторожно и со значением уселся, словно собираясь объявить, что заседание можно считать открытым. – Чем могу быть полезен? – Слегка постукивая по зубам серебряной авторучкой, он с легким оттенком покровительства смотрел на визитера.

– Не так давно наш общий друг Рэндольф Линдл познакомил меня с психотроном. – Армстронг бросил на Вомерсли острый взгляд. – Вам это, конечно, известно?

Вомерсли чуть улыбнулся и продолжал постукивать. Затем произнес:

– Продолжайте, прошу вас.

– Не хотите отвечать? – Армстронг пожал плечами. – Ладно. Собственно, это не имеет значения. Потому что вы должны знать...

– Меня интересуют только факты, – заметил Вомерсли. – Ваши предположения меня отнюдь не развлекают.

– Меня также интересуют факты – особенно тот факт, что вы и Линдл, по-видимому, являетесь руководством «Норман-клуба» в этой стране.

Продолжая поигрывать авторучкой, Вомерсли снова улыбнулся и ничего не ответил.

– "Норман-клуб" нашел меня «нормальным», – продолжал Армстронг. – Прогнав через психотрон, они уверили ме-

ня, что я вернусь к ним добровольно, по зову разума. В конце концов, я просто обречен мыслить так, как мыслят они, потому что все незаурядные умы мыслят похоже. – Он в задумчивости остановился. – Тогда я не согласился с ними, я был уверен, что никогда не смогу смотреть на мир их глазами, живи я еще хоть миллион лет. Но я оказался не прав.

– А! – Вомерсли вколотил авторучку в карман, как гвоздь, и на лице его появилось выражение, которое означало: «Так я и думал!»

– Они оказались правы, а я – нет. – Армстронг открыто взглянул на сенатора. – Не то чтобы я так уж много размышлял; скорее, меня подстегнули события. В частности, банда рыжего.

– Рыжего? – озадаченно переспросил Вомерсли.

– Да. Какие-то безумцы, заявляющие, что их недавно депортировали с Марса, устроили за мной настоящую охоту...

– Гуманы, – изрек Вомерсли, прищелкнув языком. – Свою немногочисленность они компенсируют наглостью и жестокостью. Мое жилище так усиленно охраняется потому, что не только до вас они хотят добраться.

– Короче говоря, они убедили меня в том, в чем не сумел Линдл. И я вернулся.

Вомерсли несколько секунд молча смотрел на него, затем повернулся в кресле и переключил маленький рычажок в стене.

Только сейчас Армстронг заметил решетку маленьких от-

верстий, а выше его – несколько крохотных линз.

– Ну? – сказал Вомерсли в стену.

– С ним все в порядке, – подтвердил тонкий голосок из перфорированной стены.

– Спасибо. – Вернув рычажок в прежнее положение, сенатор повернулся лицом к гостю.

– Идентификация? – спросил Армстронг.

– Конечно. – Созерцая потолок, Вомерсли продолжил: – Психотрон устанавливает нормальность. Но не более. Он не классифицирует убеждения. Даже нормальные могут держиваться разных убеждений – хотя и не тех, какие свойственны ненормальным. Вы это, конечно, понимаете?

– Да.

– Тогда вам должно быть ясно, что вы не можете вдруг взять и прыгнуть в лодку в тот самый миг, когда вы решили, что у вас есть на это право. Тут недостаточно простых деклараций. Далеко не достаточно.

– Я это предвидел, – сказал Армстронг. – Вам нужны доказательства, что мое мышление соответствует образцу... Какое поручение вы собираетесь мне предложить? Убить президента США?

– Вы не лишены проницательности, – заметил Вомерсли. – Впрочем, это естественно для того, кто по натуре норман. Но вы правы, мы должны выяснить, норман ли вы по наклонностям. Подходящую задачу мы подберем.

– Не трудитесь, – быстро вставил Армстронг. – У меня

есть на примете одно дельце. Доказательство – лучше не надо.

Глаза Вомерсли вспыхнули, а голос потерял всякую обходительность.

– Позвольте уж нам решать, что является доказательством, а что нет!

– Ваше право, конечно. Но вам придется принять мое предложение, хотите вы этого или нет. Потому что вы не позволите себе пустить такое дело на самотек. Это было бы неестественно для нормана.

Поднявшись из кресла с оскорбленным видом, Вомерсли бросил:

– Поосторожней в формулировках!

– Корабль номер восемнадцать строится в Нью-Мехико. Это – сыр в мышеловке для тех, кто ищет корабли девятнадцатый и двадцатый...

– Ваши секреты не первой свежести, мистер Армстронг.

– ...но я утверждаю, что все три ракеты вполне можно выбросить на свалку металлолома.

– Все? – процедил сенатор ледяным тоном. Армстронг таинственно улыбнулся:

– Вы торопитесь с предположениями! Я хочу сказать вам, что дело не в способности «Норман-клуба» уничтожить эти ракеты в тот момент, когда он сочтет нужным. Они – металлолом, потому что безнадежно устарели.

– То есть? – Вомерсли тяжело задышал. – Что вы имеете

в виду?

– Некоторым образом... не знаю, как... один из тех марсианских психов при депортации сумел прихватить с собой кое-какие чертежи. – Армстронг с удовольствием наблюдал, как наливалось кровью лицо сенатора. – Вы понимаете, почему он это сделал; ведь все они жаждут вернуться домой. Эта штучка рассчитана на экипаж в семь человек, и она на много веков опережает все, что есть у нас. Этот марсианин заявил, что ее можно построить за десять недель, нужно только оборудование. И тогда земляне окажутся на Марсе раньше, чем вы успеете что-то предпринять...

Лицо Вомерсли стало багровым, дыхание хриплым. Армстронг, наоборот, почти откровенно забавлялся.

С усилием взяв себя в руки, сенатор проскрежетал:

– Где вы все это откопали?

– Мне рассказали об этом по двум причинам: во-первых, известно, что у меня безумная страсть к перемене мест; во-вторых, этот человек считает, что я могу привести в действие достаточно много скрытых пружин, чтобы заполучить необходимое для постройки корабля оборудование. Если бы я не мог или не захотел, беженцы предприняли бы эту попытку в Англии, Франции или России, в любом месте, где они могли бы рассчитывать на сотрудничество.

– Дальше, – мрачно потребовал Вомерсли.

– Этот человек предал свою организацию – шайку рыжего. Причины мне неизвестны, но сути это не меняет. Он за-

ботится прежде всего о себе. Ему нужна помощь в постройке корабля. У него есть чертежи – и он назначил за них цену.

– Какую?.

– Он должен иметь твердую гарантию, что его возьмут на Марс, немедленно отпустят по прибытии туда и не сообщат о нем марсианским властям. – Армстронг развел руками: – Парень-то гуман.

– Где сейчас эти чертежи?

– Он не расстанется с ними.

Пристально глядя Армстронгу прямо в глаза, Вомерсли процедил:

– Может быть, вы и не врите. Тем более что я кое-что знаю. Но мне по-прежнему непонятно, почему после столь долгого и упорного сопротивления вы явились к нам чуть ли не бегом.

– Видите ли, я отгонял самую мысль о «Норман-клубе», потому что не верил в весь этот вздор о марсианском происхождении. Это противоречило всему, что я изучал, всему, что я знал. – Армстронг встал, засунув руки в карманы. – Но теперь я знаю гораздо больше. В меня стреляли из засады, за мной охотятся и сейчас, и для меня это уже не вопрос истины и лжи, а скорее – жизни и смерти.

– Да, но...

– Я должен убедить этого человека с чертежами, что в моих силах осуществить постройку его корабля даже вдвое быстрее. Если мне не удастся его убедить, чертежи исчезнут

Бог знает куда и уж, конечно, кто-нибудь ими воспользуется. Вот во что вы ввязались.

– Я?

– Да. Он знает вас как весьма влиятельную фигуру в Вашингтоне. О «Норман-клубе» он не знает, тем более о вашей с ним связи. Поставив на меня, он одновременно поставит на стоящего за мной достаточно крупного политического деятеля. Вы должны пообещать ему, что раздобудете сто миллионов долларов для строительства ракеты. Вы должны убедить его передать эти чертежи.

Противоречивые эмоции отражались на круглом лице сенатора. Несколько раз он прошагал по комнате взад и вперед, потом наконец заговорил:

– Где вы собираетесь встретиться с этим человеком?

– Он должен позвонить мне в Нью-Йорк на квартиру завтра, в двенадцать часов.

– Ваша квартира сгорела дотла.

«О, так тебе это известно?» – подумал Армстронг и сказал вслух:

– У меня есть еще одна. Не думаете же вы, что я ночью под открытым небом?

– Что, если он позвонит, а вас не будет?

– Значит, перезвонит позже. Но к тому времени лучше быть уже там. Конечно, можно обратиться к сенатору Линдлу – мне все равно, вы или он. Но вы – самая верная приманка...

– Армстронг! – внезапно решившись, сказал Вомерсли. – Я достаточно заметная фигура, чтобы меня могли безнаказанно обманывать. Кое-кто пытался – и раскаяние мучает их ежечасно. – Он выпятил грудь, словно охотник, убивший огромного тигра. – Посему имейте в виду – любое не совсем чистое дело бумерангом ударит по вам! Я поеду на эту встречу, но не потому, что полностью поверил вам, а исключительно потому, что если ваш рассказ – правда, она слишком важна, чтобы ее проигнорировать.

– Именно на это я и рассчитывал.

– А я знаю, что вы именно на это и рассчитывали! – парировал Вомерсли. – Поэтому я иду своей дорогой, не вашей! Если окажется, что вы состряпали эту историю, чтобы зачем-то меня обмануть, – он остановился, и лицо его посуровело, – это будет ваша последняя афера в этом мире, да и в любом ином тоже.

– А если это не афера, если все окажется правдой, «Норман-клуб» примет меня в свое лоно?

– Да. – Позвонив, Вомерсли сказал появившемуся охраннику: – Пусть Мерсер подает автомобиль. Джексон, Хардакр и Уилс едут со мной в Нью-Йорк прямо сейчас. – Он подождал, пока охранник выйдет, и сказал Армстронгу: – Мои ребята начинают стрелять, даже если кто-то просто заскрипит зубами. Не забудьте об этом!

– Не забуду, – пообещал Армстронг. Он снова сел, наблюдая, как Вомерсли готовится к отъезду, и на его широком

тяжелом лице застыло голодное выражение. Он достиг своей цели и ощущал себя крокодилом, которому удалось притвориться корягой.

Сенатор, как выяснилось, ездил в большом серебристо-сером «кадиллаке». Мерсер сел за руль, с ним рядом устроился Джексон. Армстронг оккупировал среднее сиденье сзади, оказавшись между Вомерсли и Уилсом, а складное сиденье, расположенное прямо перед ними, занял Хардакр, квадратный тип, который, видимо, считал свою позицию стратегической и смотрел на Армстронга вызывающим взглядом. Но ответа он не дождался – пару раз глянув на громилу, Армстронг фыркнул, а затем чихнул.

Выехав из напоминающей крепость виллы, мощная машина понеслась на север. И тут Армстронга одолел насморк; он почти непрерывно чихал, вытирая ладонью слезящиеся глаза. Сидящий рядом Вомерсли брезгливо отодвинулся, но ничего не сказал. Хардакр по-прежнему не отрывал взгляда от Армстронга, как будто усматривая в непроизвольном разнесе инфекции преднамеренный акт.

– Наверное, простыл в грозу, – ни к кому не обращаясь, посетовал Армстронг. – Эдак я помру от пневмонии раньше, чем мы доедем... Апчхи! – Он судорожно дернулся, склонился к Уилсу и начал искать в правом кармане носовой платок. Хардакр подался вперед. Наверное, он очень хотел, чтобы простуженный пассажир дал повод себя укокошить, вытащив из кармана что угодно, только не платок. Раздраженно

заворчав, Вомерсли отодвинулся, и довольный Армстронг, уткнувшись в платок, яростно затрубил носом. В тот же миг крохотный металлический цилиндр оказался у него в правой ноздре.

Миль через десять он повторил операцию и в промежутках между очередными «апчхи» втянул цилиндрик в левую ноздрю.

Выждав еще несколько минут, он снова закашлялся и наклонился к Вомерсли, стараясь достать что-то теперь уже из левого кармана. Хардакр бросил Уилсу:

– Мне не нравятся эти песни и эти танцы. Глянь-ка, что ему нужно теперь.

Поднявшись в покачивающемся на рессорах автомобиле, Уилс запустил волосатую руку в карман Армстронга и вытащил еще один платок и связку ключей. На лице Хардакра появилось разочарование.

– Спасибо! – хрипло пробурчал Армстронг; он вытер нос вторым платком, звякнул ключами и широко улыбнулся Хардакру. Тот нахмурился, наконец отвел глаза и уставился в окно.

Армстронг, вздыхая, начал почесывать колени. Он делал это с отсутствующим видом, периодически сопя и чихая, в то время как остальные продолжали подчеркнуто его игнорировать. Пальцы скребли, постукивали, нервно дергались, пока наконец он не высвободил стеклянный пузырек из подколенного ремня и не почувствовал, как тот скользнул по но-

ге вниз. Маленькая ампула тихо упала на мягкий ковровый пол, и никто не услышал ни звука, когда каблук Армстронга раздробил ее на кусочки.

«Кадиллак» мчался вперед и за девять минут покрыл еще восемь миль, когда в салоне начали происходить странные события. Вомерсли внезапно громко булькнул сквозь сжатые губы, дернулся и затих. У иле обмяк и беспомощно мотал головой в такт покачиванию автомобиля.

Резко вильнув, машина на большой скорости начала выписывать синусоиду. Силясь стряхнуть дремоту, Хардакр пытался прийти в себя и сделать хоть что-нибудь, но Армстронг впечатал огромный ботинок ему в живот, и охранник повалился на пол, хватая ртом воздух. Газ, выделявшийся из кристаллов, заполнил его легкие.

Армстронг схватил руль и выровнял машину. У «кадиллака» была автоматическая коробка передач, и, если не давить на педаль газа, рычаг переключения скоростей автоматически переходил на «нейтраль». Машина замедлила ход. Армстронг почувствовал, как Джексон в полубессознательном состоянии дергает его за руку, и, не отпуская руля, локтем правой ударил головореза в ухо.

Наконец «кадиллак» остановился. Поставив машину на ручной тормоз, Армстронг вышел, захлопнул дверцу, сел на скамейку у дороги, вынул фильтры из носа и с наслаждением затянулся сигаретой, предоставив остальным пятерым пассажирам дышать газом. Пять минут спустя все они лежали

как трупы.

Открыв все дверцы, чтобы проветрить машину, Армстронг вымел несколько нерастаявших кристалликов, быстро перенес всех, кроме Вомерсли, на скамейку, стараясь, чтобы их не увидели с дороги. У него даже мелькнула мысль вложить в руку Хардакру цветок. Вернувшись к автомобилю, Армстронг положил Вомерсли на пол, запер задние дверцы, сел за руль и на предельной скорости устремился вперед.

Эта сумасшедшая езда наверняка заинтересовала бы полицию, если бы он дважды предусмотрительно не сбрасывал скорость. Армстронг гнал «кадиллак» так, словно каждая секунда промедления обходилась ему в тысячу долларов. Три раза он останавливался: один раз для заправки, второй – чтобы послать сообщение об отсрочке назначенной генералом встречи, и третий – чтобы успокоить понемногу приходящего в себя пассажира. Армстронгу пришлось цыкнуть на развязного заправщика. Любопытному телеграфисту он наплел байку о большой попойке. Что касается последней остановки, то слабые признаки жизни, которые стал проявлять Вомерсли, означали, что одураченные охранники точно так же начинают приходить в себя, и как только они оклемаются, то моментально устремятся в погоню.

После повторной дозы наркотика Вомерсли успокоился. Этого должно было хватить на большую часть ночи. Остаток пути прошел без приключений, и Армстронг, промчавшись через весь штат Нью-Джерси, наконец подъехал к дому

Дрейка со спокойной уверенностью.

Эд Дрейк открыл дверь, взглянул и воскликнул:

– Боже мой! Я думал, ты сгорел!

– У меня проблемы, Эд. Нужна твоя помощь.

– Что за беда? – Взгляд Дрейка наткнулся на Вомерсли, вновь водруженного на заднее сиденье автомобиля. Лицо сенатора было мертвенно-бледным. – Эй, ты что, перевозишь покойников?

– Не волнуйся, он оживет. Я бы хотел сдать его тебе на хранение. Ненадолго. – Отперев заднюю дверцу, Армстронг выволок сенатора из автомобиля. И всучил тело удивленному Дрейку, словно предлагая подарок. – Брось его на кровать и не тормози, пока я не вернусь. Я обернусь в два счета – тогда все и объясню.

Придерживая безвольное тело сенатора, Дрейк сказал без особой радости:

– Надеюсь, тут все чисто? – Успокойся, тебе ничего не грозит. Ты меня знаешь.

– Да-а, я тебя знаю – именно это-то меня и тревожит. – Дрейк направился в дом, таща за собой сенатора.

Взвизгнув покрывками, «кадиллак» рванулся с места. Эд Дрейк кисло посмотрел вслед уносящемуся автомобилю, потом пожал плечами, запер дверь и поволок своего бесчувственного гостя наверх.

Армстронг появился через четыре часа и двадцать минут. Усталый, тяжело ступая, он ввалился в дом и поставил на

пол большой черный ящик. На часах было четыре утра.

– Он еще не ожил?

Дрейк покачал головой:

– Спит, как после пьянки.

– Вот именно, что после пьянки.

– А? – Дрейк оттопырил губу. – Кто его напоил?

– Я. – Армстронг улыбнулся, увидев реакцию приятеля. –

Пришлось пойти на это, чтобы его заполучить. – Он вздохнул и снова посмотрел на часы. – Я бы вернулся на час раньше, но нужно было забросить ту машину в Нью-Йорк, пусть ее найдут там. На обратном пути пришлось попрыгать из такси в такси.

– Ты бросил его автомобиль? – Голос Дрейка поднялся до самой верхней ноты. – Он что, меченый? Ты похитил этого человека? Что за чертовщина тут творится?

– Все очень просто, Эд. Этот джентльмен – сенатор Вомерсли, и он нанес нам визит против своей воли.

Дрейк подскочил:

– Вомерсли? То-то я думал, откуда мне знакома эта толстая рожа! – Он всплеснул руками. – Клянусь адом, Джон, за это тебе дадут прикурить! Какой черт надоумил тебя похищать такого человека? И зачем ты впутал сюда меня?

– Увидишь. – Армстронг пнул ногой тяжелый ящик, который привез с собой. – Это – один из десяти существующих на белом свете усовершенствованных детекторов лжи. Я позаимствовал его у старого профессора Шоубери из Ко-

лумбийского университета. В моей лаборатории в Хартфорде тоже есть опытный экземпляр, но я не могу сейчас там появляться.

– Почему?

– Потому что всюду, где я могу показаться, меня ждет засада. Это одна из причин, почему мне пришлось явиться к тебе. За последние семь лет мы встречались раза четыре, а в твоём доме я вообще был два раза. – Он пристально посмотрел на озадаченного Дрейка: – Хочешь узнать другую причину? Видишь ли, я немного подумал и решил, что тебе можно довериться... Насколько вообще можно довериться кому-либо в наше безумное время.

– Замечательно! Просто великолепно! Как приятно после двадцати лет знакомства вдруг узнать, что ты мне доверяешь!

Армстронг резко ответил:

– Эд, если я не докопаюсь до сути дела, то ни ты, ни я, ни миллионы других двадцать лет не протянут. – Он сделал нетерпеливый жест. – Где этот мерзавец?

– Наверху, на кровати.

Дрейк с мрачным видом помог перенести сенатора вниз и, не скрывая неудовольствия, стал наблюдать, как Армстронг привязывает жертву к креслу.

Без суеты и спешки Армстронг открыл ящик и достал небольшой прибор, напоминавший портативный энцефалоскоп.

Водрузив контакты на голову Вомерсли, он тщательно настроил прибор по нескольким шкалам, выключил из сети и, плюхнувшись в кресло, посмотрел на бесчувственного сенатора.

– Теперь будем ждать, пока этот толстый интриган проснется. Ничего другого нам не остается.

Дрейк пододвинул себе другое кресло. – По-моему, ты слишком часто говоришь «мы». Это твоя игра, не моя. – Он созерцал аппарат, покусывая нижнюю губу. – Что это за пыточный агрегат?

– Больно ему не будет. Я просто следую принципу «око за око». Его компания запихала меня в устройство, называемое психотрон. Но и у меня нашлось чем ответить, как видишь. Посмотрим, кто кого.

– Все-таки что это за штука? – не отставал Дрейк.

– Детектор лжи, но особенный. Он генерирует шумовые сигналы в полосе излучения человеческого мозга. Ты знаешь, что у мыслей электромагнитная природа, а?

Дрейк кивнул.

– Этот приборчик – генератор помех. И прелесть его в том, что он нарушает только рациональное мышление, не трогая рефлексы, память и прочее.

– Ты хочешь замучить толстяка судорогами и конвульсиями? Зачем?

– Я же тебе говорю – судорог не будет. И похмелья тоже. Это устройство просто в десять раз улучшенный детек-

тор лжи. Когда человеку, к которому подключен наш прибор, задают вопрос, он совершенно не способен врать или молчать. Если он знает, о чем идет речь, то обязательно скажет правду. Это своего рода «сыворотка правды», только без химии и безо всяких последствий. – Армстронг успокаивающе махнул рукой. – Худшее, что может случиться с этим политическим крокодилом, – он выболтает нам некоторые щекотливые факты. Но мы это переживем, верно?

– Он с тебя семь шкур спустит. И постарается, чтобы тебя прикончили при первом же удобном случае. – Глядя на сенатора, Дрейк опять начал кусать губу. Глаза его вдруг округлились. – Смотри, он просыпается!

Подойдя к креслу, Армстронг довольно невежливо похлопал Вомерсли по щекам. Сенатор запыхтел, забормотал что-то, приоткрыл глаза, закрыл их и снова открыл. Армстронг энергично потер ему ладони. Вомерсли судорожно глотнул, зевнул и попытался пошевелиться. Увидев, что связан, он застыл, потом дернулся и проворчал: – Где... я? Что такое?..

Включив аппарат, Армстронг внимательно посмотрел на сенатора. Лицо Дрейка приняло озабоченное выражение.

Вомерсли высунул язык, снова спрятал его, широко раскрыл рот, повел вокруг изумленными глазами, попытался поднять руки, и через несколько секунд его взгляд стал похож на взгляд деревенского дурачка.

Громким, ясным голосом Армстронг задал первый вопрос, словно стеганул кнутом:

– Кто убил Амброза Фазергила?

После секундной заминки Вомерсли прокаркал:

– Мюллер.

– По чьему приказу?

Мычание. Казалось, Вомерсли яростно борется с самим собой, хотя на самом деле интеллект политика медленно отступал под действием генератора помех...

– Моему, – произнес он наконец. – Моему... моему!

– О небо! – выдохнул Дрейк.

Армстронг суровым голосом продолжал:

– Тогда почему Джордж Куин пустился в бега? Его обвинили? Он понял, что его обвинили?

Вомерсли не отвечал.

Решив зайти с другой стороны, Армстронг спросил:

– Вы отдавали какие-нибудь приказания насчет Куина?

– Да.

– Какие?

– Чтобы его убрали...

– Кто? Мюллер?

– Мюллер, Хили и Джескус.

– Все это ужасно нудно, – заметил Армстронг, обращаясь к Дрейку. – Он в состоянии отвечать только на прямые вопросы и не может добавить ничего от себя. Придется вытаскивать из него информацию по кусочкам. – Он снова повернулся к Вомерсли: – Почему вы приказали убрать Куина?

– Чтобы сделать два дела сразу.

– Какие?

– Все подумали бы, что Куин спешно унес ноги, потому что виновен... Мы довольны, и полиция тоже – она знает имя убийцы.

– Зачем вам понадобилось избавиться от Куина?

– Он был официально назначен пилотом.

– В какое место его увезли?

Твердый взгляд Армстронга не отрывался от лица сенатора. Никакого отклика.

– Вы не знаете?

– Нет.

Глубоко вздохнув, Армстронг спросил иначе:

– К кому его доставили?

– К Синглтону.

– Кто такой Синглтон?

– Президент «Норман-клуба» в Канзас-Сити, – проговорил Вомерсли. Голова его качнулась вперед и медленно вернулась в прежнее положение.

– Вы знаете, где Синглтон прячет Куина?

– Нет.

– Вы знаете, жив Куин или мертв?

– Нет.

– Почему вы приговорили Фазергила?

– Он был один из нас – норман. Но у него не хватило мужества. Он подвел нас.

– И?..

Вомерсли не ответил. Казалось, его одолевает дремота. Армстронг стиснул зубы.

– Ладно. Пойдем дальше. Где Клэр Мэндл? – спросил он громко.

– Не знаю.

– "Норман-клуб" причастен к ее исчезновению?

– Не знаю.

Скрыв удивление, Армстронг продолжал:

– Вас поставили бы в известность, если бы ее захватила нью-йоркская команда?

– Необязательно.

Нахмурившись, Армстронг сказал Дрейку:

– Кое-что мы узнали даже из отрицательных ответов. Он не знает, что Синглтон сделал с Куином и что замышляет банда Линдла в Нью-Йорке. Он довольно крупная лягушка в здешнем нормановском болоте, но обо всем подряд его не информируют. Хоть он и велик, но он не Большой Босс. Кто-то сидит еще выше?

– Спроси его, – предложил Дрейк. – Кто председатель «Норман-клуба» в Соединенных Штатах?

Вомерсли обмяк в кресле, не реагируя, как глухонемой.

– Подкрути прибор, – предложил Дрейк. – Дай ему прикурить, тогда он расколется.

– Прибор не заставит его сказать то, чего он не знает, – возразил Армстронг и спросил иначе: – Есть руководитель «Норман-клуба» в этой стране?

– Нет.

Армстронг наградил Дрейка взглядом: «А что я говорил?»

– Кто босс «Норман-клуба» в Вашингтоне?

– Я.

– А в Нью-Йорке?

– Линдл.

– А Синглтон – босс в Канзас-Сити?

– Да.

– Кто босс в Чикаго?

– Не знаю.

– Он не знает, – повторил Армстронг. – Ты понимаешь, что это значит? Это метод ячеек? Босс каждой ячейки поддерживает связь с двумя-тремя другими. Остальные ему неизвестны. Он может выдать только своих людей – и тех, кого он знает, после чего оставшиеся ему отомстят. Все старо как мир – дисциплина поддерживается страхом наказания. – Армстронг прошелся по комнате. – Это означает, что где-то «Норман-клуб» не действует открыто, а маскируется под разными личинами, какими-нибудь религиозными культурами... Я имею дело с армией, Эд, с самой настоящей армией!

– По-моему, ты пытаешься откусить больше, чем в состоянии прожевать.

– Да, но я уже зашел слишком далеко, чтобы отступать. Как питон, который сомкнул челюсти на антилопе в десять

раз крупнее, чем он может проглотить, – я должен продолжать, даже если лопну! – Он озабоченно ходил взад-вперед. – Допустим, каким-то чудом я выключу из игры этого циничного старикашку и всех его бандитов и единомышленников в Вашингтоне – что тогда? Линдл с братией подхватят эстафету. И сотни, если не больше, подобных ячеек, разбросанных по стране. И тысячи, если не больше, по всему миру. – Он ударил кулаком по ладони. – Это все равно что пытаться искоренить буддизм за неделю. Это невозможно, но это должно быть сделано!

– Чего-то я тебя не понимаю. – Дрейк хмуро посмотрел сначала на безвольного, сенатора, потом на прибор, потом на часы. Подавив зевок, он сказал: – Если тебе некуда девать энергию, может, лучше жениться?

– Это не смешно, Эд. Это так же не смешно, как самонаводящаяся ракета или атомная бомба. Как бактериологическое оружие, голод, эпидемии и крах цивилизации. – Он умолк, выразительно глядя на Дрейка, который немного сконфузился. – Если ты не веришь мне, вот тебе доказательство! – Повернувшись к сенатору, Армстронг резким голосом произнес: – Вомерсли, старается ли «Норман-клуб» подтолкнуть мир к глобальной войне?

– Да. – Голос был механический, бесцветный, по лицу сенатора разлилась бледность.

– Зачем?

– Мы у последней черты...

– Объясните.

– Они доберутся... они доберутся до своего Марса... – забормотал Вомерсли. – Маньяки... вырвавшиеся в космос... врожденные маньяки... стремящиеся к звездам... Мы должны перебить их... всех до единого... – Он судорожно хватал ртом воздух, голова его упала набок.

Армстронг бросился вперед и "выключил генератор.

– Переутомление мозга, – объяснил он встревоженному Дрейку. – Ничего страшного, он скоро придет в себя. – Сняв контакты с головы пленника, Армстронг подложил ему под голову подушку. – Пусть немного поспит.

– Что это за болтовня о «Норман-клубе»? – осведомился Дрейк.

Армстронг вкратце пересказал ему свои похождения и закончил словами:

– Пока у них нет абсолютной власти в этой стране. Но при удачном стечении обстоятельств они заполучат ее в любой момент. Сейчас они – всего лишь коварное и опасное меньшинство, но у них Достаточно сил, чтобы влиять на нашу судьбу. Их ставленники сидят на ключевых федеральных постах и в отдельных штатах... Пойми, Эд, эти норманы-фанатики могут быть демократами, республиканцами, хоть тибетскими ламами; они могут действовать под самыми диковинными вывесками, но всегда, во все времена, они – норманы, высшие по отношению к гуманам!

– Дерьмо! – презрительно заявил Дрейк. – Этого недоста-

точно, чтобы развязывать мировые войны.

– Не обманывай сам себя! Мы не одиноки в этом свихнувшемся мире. Есть другие народы, другие люди, которых воодушевляют совсем другие идеи. В одних странах норманы могут иметь меньше власти, в других – больше. Достаточно, чтобы войну начала только одна. Этого хватит, уверяю тебя. В свое время это сделал Гитлер – и наверняка у истоков там стоял кто-нибудь вроде этого толстого чурбана. Германия отправилась в преисподнюю, потащив с собой полмира, – и все во имя их навязчивой идеи.

– Но...

– Послушай, Эд, представь, что германский нацизм существовал бы не тринадцать лет, а больше, гораздо больше, что фашисты захватили бы власть не только в Европе, но и во всем мире... Как ты думаешь, в этом случае они выиграли бы свою войну?

– Никогда, – без колебаний заявил Дрейк.

– Может, и так, но это продолжалось бы черт знает насколько дольше, и мир заплатил бы гораздо большую цену. Впрочем, не в этом дело. – Армстронг легонько похлопал по руке Дрейка, чтобы подчеркнуть свои слова, – Дело в том, что эти норманы-психи не могут проиграть войну.

– Они не могут... – яростно начал Дрейк, но Армстронг перебил:

– Азиаты проиграли последнюю войну?

– Глупый вопрос. Это была война с фашизмом!

– Да, китайцы сражались на нашей стороне, японцы – против нас. Азиаты были с обеих сторон, и, если рассматривать их как целое, они не проиграли войну! – Армстронг понизил голос. – Пойми наконец, Эд, эти норманы-проповедники лишены национального чувства совершенно. Их цель – развязать войну покруче, чтобы поставить заслон тому, что они расценивают как нежелательную форму прогресса. Какая сторона победит в войне, а какая потерпит поражение – им наплевать, ибо всеобщая разруха способствует их целям. Чего ради им заботиться о том, кто будет разбит в пух и прах, а кто победит, если они – по обе стороны фронта!

– Мне кажется, ты их переоцениваешь. И недооцениваешь людей. Не думаю, что они начнут миллионами бросаться под танки только потому, что какая-то банда психопатов этого захочет.

– Не думаешь? – Улыбка Армстронга была кривой и мрачной. – Ты просто наивен, Эд. Людей можно заставить. Это элементарно – нужно всего лишь придумать дьявола, а потом запустить на всю катушку пропаганду, дабы убедить их, что означенный дьявол существует, что он ужасен и что их ожидает судьба хуже самой смерти, если они не начнут бороться с ним всеми подручными средствами. – Он прищелкнул языком. – Увидишь – они будут драться, как дикие кошки!

Дрейк возмутился:

– Ты считаешь, что в последней войне наши парни сражались и умирали ни за что?

– Боже сохрани! Как раз наоборот! Но за что Дралась противная сторона?

Дрейк молчал, задумавшись.

– Вот я и говорю, – продолжал гнуть свое Армстронг, – нам хватит, даже если начнет одна страна. Другие будут вынуждены драться, чтобы остановить агрессора. Так начинались все войны. Немцев отчаянно одолевал демон «жажды жизненного пространства». Русские больше полувека готовились воевать с извергом по имени капитализм. Было время, когда христиане вели кровавые войны с исламом. И если сегодня во всем мире газеты, радио и телевидение вдруг объявят, что на Землю высадились агрессоры с альфы Центавра, тысячи легковерных схватятся за оружие. Помнишь Свифта? Его лилипуты готовы были перебить друг друга из-за вопроса, с какого конца разбивать яйцо!

– Заткнись! – разозлился Дрейк. – Ты действуешь мне на психику. Ты рассуждаешь как норман – говоришь, что мы все спятили?

– А вдруг так и есть? Может быть, норманы правы, и наш мир – вселенский сумасшедший дом, пристанище для идиотов со всей Солнечной системы? Но кто сказал, что обитатели этого дома должны сидеть в уголке и дуться на весь белый свет? Пусть земляне на девяносто процентов кретины – по норманским меркам, но кто сказал, что мы не имеем права хотя бы попытаться вырваться из клетки?! – Он подумал несколько секунд и добавил: – Как бы то ни было, меня

не устраивает определение нормальности, которое дает какая-то машина, пусть она хоть трижды называется психотроном. И я сомневаюсь, что марсиане, венериане и меркуриане – если они действительно существуют – такие уж образчики добродетели по сравнению с нами.

– Ты меня уговорил. Что дальше?

– А дальше, Эд, ты должен помочь мне.

– Каким, интересно, образом?

– Я должен выжать из этого седовласого чудовища все, что он знает. Все до последней капли, пусть он хоть окочурится десять раз за сеанс. Мне нужно связаться с друзьями, которые залегли на дно в Нью-Йорке, мне нужно выяснить, что случилось с Клэр Мэндл, и придумать, как избавиться от неприятностей Джорджа Куина. И это не все, по сути, это лишь начало; я должен еще найти способ стряхнуть со своего хвоста полицию и ФБР, и наконец, если это вообще возможно, я должен уничтожить международный «Норман-клуб», пока он не уничтожил весь мир.

– Ты не сделаешь и четвертой части, – уверенно заявил Дрейк. – Советую тебе расслабиться, и пусть события идут своим чередом.

– Нет. Пока я еще держусь! – Армстронг внимательно посмотрел на Вомерсли, который вдруг начал храпеть. – Ничего, оклемается. Я хочу, чтобы ты подержал его у себя, Эд. Удержи его любой ценой хотя бы двадцать четыре часа. Не дай ему уйти, даже если тебе придется вышибить из него

мозги!

– Снова исчезаешь?

– Нужно съездить за подкреплением. Дашь мне машину?

– "Линкольн". Там, за домом. – Дрейк мрачно посмотрел на спящего пленника. – О, судьба! Нужно проверять его карманы? Вдруг ему захочется выкинуть какой-нибудь фортель?..

– Я его обыскал еще по дороге. Ничего у него нет. Если он проснется и начнет орать про свою неприкосновенность, стукни его по башке!

Завернув за угол, Армстронг обнаружил «линкольн», сел за руль, и машина рванулась к Гудзону. «Ты сделаешь не больше четверти», – сказал Дрейк. Бедняга Дрейк! Неудача с девятым кораблем, видно, здорово его подкосила! Ибо человечество издревле знало истину, которую он умудрился забыть: ничего нет невозможного. И в том числе – вырваться из вселенской резервации!

Выбирать приходилось между двумя возможными контактами: Нортон или Мириам. Если Хансен еще не связался с Нортоном и если хитрая Мириам уже перекочевала в другое место, ни один из этих каналов не годился. Но разыскивать Хансена, не испробовав сначала условленные каналы, было бы напрасной тратой драгоценного времени.

Армстронг решил начать с Мириам. Припарковав «линкольн» недалеко от телефонной будки, он набрал номер, по которому звонил в прошлый раз. Дожидаясь соединения, Армстронг не отрывал глаз от пустой улицы. Наконец экран ожил, и на нем появилась Мириам. Вид у нее был растрепанный, словно после приступа мигрени.

– Приветствую, о прекраснейшая! – проговорил Армстронг.

– Что вам надо? – спросила она угрюмо и настороженно. – И почему в такую рань?

– Ну, ну! Будьте же любезней! Я просто хотел посмотреть, как вы выглядите, если вас поднять с кровати.

Мириам машинально поправила волосы, одарила Армстронга сердитым взглядом и сказала:

– Говорите, что вам нужно, только покороче.

– Я позвонил, чтобы проверить – здесь вы или нет. – Он быстро огляделся по сторонам. – Я должен поговорить еще с

одним человеком... Перезвоню вам через полчаса. Надеюсь, вы не против?

– Как будто от этого что-то изменится!

– Я снова позвоню из этой же кабины и буду краток, насколько смогу. Обещаю вам. Торжественно. – Армстронг нажал кнопку сброса, и лицо Мириам растаяло.

Он быстро вернулся к машине, объехал квартал и припарковался за углом, выставив капот «линкольна» ровно настолько, чтобы наблюдать за будкой из укрытия. Не выключая двигатель, готовый при необходимости рвануть с места, Армстронг просидел почти полчаса.

Но увидел он только нескольких ранних прохожих, торопившихся к ближайшей станции подземки. Проехав ближе к центру, Армстронг перезвонил Мириам из другой кабины.

– Я проверял линию. Нас могли прослушивать, и тогда меня без долгих слов попытались бы укокошить. Очевидно, вас еще не выследили...

– Была бы я здесь, если б выследили? – насмешливо осведомилась она.

– Вполне возможно, дорогая! Они не стали бы вынимать сыр из мышеловки.

– Не смейте называть меня сыром!

– Ладно, ладно. – Он устало покачал головой. – Я совсем забыл, что вы только что досматривали девятый сон. Только скажите мне, где найти нашего общего друга, и можете возвращаться в кроватку.

Мириам пробормотала адрес во Флаппинге, поспешно прибавив:

– Только до завтрашнего полудня. Потом он будет где-то в другом месте.

– Спасибо.

Стараясь не превышать скорость, дабы не волновать полицейские патрули, Армстронг повел «линкольн» через Трайборо. Он без помех переехал по мосту на Лонг-Айленд и скоро нашел полуразрушенный кирпичный дом – временное убежище Хансена.

Детектив был бос, его подтяжки болтались на груди.

– Адрес вам дала Мириам? – Он быстро запер за Армстронгом дверь.

– Да. Не могу сказать, что она была сама любезность, но, как видите, я здесь.

– Вам повезло. Еще денек, и нас обоих след бы простыл. Она переезжает завтра. Я тоже. – Он пристегнул подтяжки. – У вас такие мешки под глазами, как будто они мукой набиты.

– Знаю. Я всю ночь на ногах.

– Вредная привычка. К добру не приведет. – Хансен провёл Армстронга в дальнюю комнату. – Присядьте пока куда-нибудь. Я сейчас. – Его голые пятки прошлепали вверх по лестнице, и скоро Хансен спустился с оставшейся одеждой под мышкой. Одеваясь, он спросил: – Каков будет наш следующий шаг к виселице?

– Сейчас обрисую вкратце. – Голос Армстронга стал жест-

ким. – Где Клэр Мэндл?

– Будь я проклят, если знаю. Она исчезла без следа, обрубив все хвосты.

– Хвосты?

– ФБР ходило за ней по пятам, как ревнивый отец. Но получили они только воздушный поцелуй на прощание.

– Как вы об этом узнали?

Хансен втиснул ногу в ботинок и аккуратно его зашнуровал.

– Потому что я ей помогал.

Сдвинув брови, Армстронг прорычал:

– Вы что, говорить разучились?

Хансен невозмутимо продолжил:

– Я поехал к ней и, как вы сказали, забрал перечень. Она, правда, пожаловалась, что была бы вам гораздо полезнее, если бы только могла перейти дорогу без сопровождения вереницы топтунов. Она считала, что за ней ходят люди из ФБР, но я засомневался и на всякий случай приставил к ней двух моих ребят. – Дальше.

– Она просто молодец: стравила их с преследователями и, пока они выясняли отношения, растворилась. Ловко было проделано, такое нечасто увидишь. – Хансен даже прищелкнул языком.

– В газетах сообщают, что она исчезла, но намекают, что с ней что-то случилось...

– Газеты! – Хансен насмешливо взмахнул рукой. – Когда

это газетчики, комментаторы и прочая шушера заботились о достоверности фактов? – Он поднялся и натянул джемпер. – Они не пишут, что двух моих людей задержали для допроса?

– Нет.

– Вот видите!

Армстронг помолчал, размышляя, потом спросил:

– Вы не заходили к этой марионетке Линдла?

– К Карсону? Нет. Я собирался туда сегодня.

– Не нужно. Сейчас нам не до него. Положение обострится – и становится очень жарко.

– Становится жарко? – как эхо повторил Хансен. – Та-ак.

Выкладывайте. Что вы еще натворили?

– Меня разыскивают за похищение сенатора. Хансен замер, как статуя, с галстуком в руках. – Что?!

– Меня разыскивают за похищение сенатора, – с готовностью повторил Армстронг. – Гнусного ублюдка Вомерсли.

– Значит, на нашем счету были убийства, поджог, шпионаж и массовый саботаж, – проговорил Хансен, подняв очи горе. – Теперь еще похищение. – Он завязал галстук. – Где вы его спрятали?

– У Эдди Дрейка, в Нью-Джерси. Я хочу, чтобы вы прибыли туда как можно скорее со всеми своими людьми, с которыми удастся связаться. Сколько их у вас?

– Пит мертв, двоих задержало ФБР... Остаются четверо постоянных и пятеро от случая к случаю. Постоянные – надежны.

– Четверо плюс вы, я и Эд – итого семь. Если удастся вы-
зволить Куина, восемь.

– Почему нужно вызволять Куина? Он что, заделался ро-
бинзоном на каком-нибудь айсберге?

– Его увезли в Канзас-Сити. Норманы пытаются пришить
ему убийство Амброза Фазергила. Но я надеюсь, что они хо-
рошенько подумают, прежде чем зайти так далеко; сейчас
мы квиты: Куин у них, но Вомерсли у меня!

– Ну и ну! – Хансен взялся за шляпу. – Хорошо бы я
оказался где-нибудь подальше, когда вы решили стать моим
клиентом. Черт знает во что я ввязался! Наверно, мне при-
дется заплатить за это лучшими годами моей жизни. – Он
надвинул шляпу на лоб. – Единственное, на что я не могу
пожаловаться, – это скука.

– Деньги – корень всех зол, – заметил Армстронг. – Если
вам и придется платить, то только за свою жадность. Пусть
это будет для вас уроком.

К тому времени, когда вернулся Армстронг, Дрейк уже
весь извелся. Он с готовностью распахнул дверь и, всюю же-
стикулируя, заговорил:

– Черт знает какая кутерьма! Этот гад очухался часа через
три после того, как ты уехал. Слышал бы ты, как он меня
крыл! А как грозил! Пришлось на всякий случай привязать
его к кровати. Между прочим, ты уже слышал новости?

– Некогда было. Ты догадался записать?

Дрейк кивнул, пересек комнату и включил видивокс. На

экране возник текст. «Европейцы готовятся открыть карты», – предупреждает Линдл, требуя дополнительно сто миллиардов долларов на оборону".

Армстронг не затруднял себя внимательным чтением. Сейчас важна была суть, а не детали.

«Кризис приближается... мы вынуждены тратить средства, нанося себе невосполнимый ущерб... Нельзя забывать ужасные уроки прошлого... Грозные тучи войны вновь собираются на горизонте... Все необязательные расходы должны быть беспощадно урезаны... так требует тяжкое бремя ответственности... Чудовищное, безумное расточительство человеческих сил, материалов и средств... космическая программа должна быть свернута... это веление времени». Следующая страница:

«После беседы с Президентом генерал Л.С.Грегори заверил прессу, что вооруженные силы готовы ко всему».

– Готов заложить мою толстую шкуру, что Грегори – вовсе не такой паникер, – сказал Армстронг Дрейку. – Но успокаивающие речи нынче не в цене, и бравые норманы-агитаторы оставили от его выступления рожки да ножки – маленький кусочек, который, с их точки зрения, должен подстегнуть всеобщие страхи. Черт возьми! Это тот самый случай, когда часть правды хуже отъявленной лжи! – Он задумчиво, покусывал губу, и вдруг на следующей странице его взгляд наткнулся на заголовок: «Враг общества номер один Вашингтон. Объявлен общегосударственный розыск. Разыскивается

Джон Дж. Армстронг, тридцати четырех лет, нью-йоркский изобретатель-одиночка. Рост – шесть футов три дюйма; вес – двести тридцать фунтов. Вооружен. Армстронг подозревается в шпионаже в пользу иностранных государств, а также в ряде убийств и похищении. Как полагают, он скрывается в нью-йоркском метро». О Вомерсли ни слова.

Пожав плечами, Армстронг выключил телевизор.

– Похоже, они нашли «кадиллак». – Глаза у него покраснели, веки опухли, на щеках и подбородке появилась щетина. – Ложись, поспи часок-другой, Эд. Тебе нужно выспаться.

Дрейк повалился в кресло и уставился на него широко раскрытыми глазами: – Можно подумать, я сумею заснуть!

– Ты просто перенервничал. Как насчет пачки «Виталакса»?

– А, черт! – с яростью прошипел Дрейк. – Вот и я говорю, лучше уж сразу цианистый калий.

Армстронг бросился в соседнее кресло, потер глаза и зевнул. Затем прислушался:

– Кто-то идет!

Услышав, что возле дома остановился автомобиль, Дрейк, словно сомнамбула, поднялся с кресла, но так и остался стоять, безвольно опустив руки и ожидая, кто же появится на пороге.

Посмотрев на него, Армстронг ухмыльнулся, отпер дверь и впустил Хансена. Детектива сопровождали трое крепких

парней, позади шествовала Мириам. Армстронг представил их Дрейку.

– Нас уже поубавилось, – заявил Хансен. – Вчера вечером взяли Джека. Напился до чертиков. – Хансен презрительно фыркнул. – Значит, я в нем ошибался. Ладно, обойдемся. Но если бы у них хватило ума последить за его берлогой, они бы и меня прихватили. Вместо Джека – Мириам.

– Мириам – это просто замечательно! Мы на нее молиться будем, если она соорудит нам сэндвичи и кофе. – Армстронг показал девушке, где кухня, и сказал, обращаясь к Дрейку: – Наверное, надо накормить и нашего друга сенатора. А то еще загнетса от истощения, бедняжка.

– Он уже кормленный. И весьма неплохо. Жрал, как свинья, в три горла. Видно, ночные переживания аппетит ему не перебили.

– Ага, значит, он созрел для очередной порции детектора. – Армстронг протопал вверх и вскоре вернулся, неся на руках связанного Вомерсли. Без особых церемоний он бросил сенатора в ближайшее кресло.

– Вы, подонки! – яростно и как-то торжественно провозгласил Вомерсли. – Не надейтесь, что это сойдет вам с рук! – Он обвел взглядом каждого по очереди. – Я запомню вас! Я еще усажу вас на электрический стул! Хотя бы мне пришлось потратить да это всю жизнь!

– И как вы считаете, сколько вам еще осталось? – холодно осведомился Хансен.

– Помолчите. Не пререкайтесь с ним. – Армстронг начал прилаживать контакты, но Вомерсли энергично затряс головой, изрыгая проклятия. Получив удар в челюсть, сенатор качнулся назад, и этой секунды Армстронгу хватило, чтобы закрепить контакты и включить аппарат. На лице Хансена мелькнуло удовлетворение.

– В последний раз!.. – взвизгнул Вомерсли, но тут же злость на его лице растаяла, сменившись идиотским выражением.

– Домашний адрес Синглтона?

Покрутив головой, Вомерсли ответил, и Хансен записал адрес в свой блокнот.

– Но вы не знаете, где прячут Куина?

– Нет.

– А Синглтон знает?

– Да.

Почесав колючий подбородок, Армстронг осведомился:

– Вомерсли, известно ли вам, что кто-то строит еще два космических корабля?

– Да.

– Кто их строит?

– Мы.

– Вот черт! – воскликнул Дрейк. – Где?

– Йеллоунайф.

– Оба?

– Да.

– Йеллоунайф... Это в Канаде, в лесах... – Армстронг задумался. – Надо полагать, с канадским правительством согласовано?

– Да.

– В какой стадии строительство?

Вомерсли тупо моргал; казалось, ему ужасно трудно ворочать языком. Наконец послышалось:

– Девятнадцатый готов к испытательному полету, двадцатый закончат через несколько дней.

– И после испытаний они полетят на Марс?

– Да.

– М-да, – проговорил Армстронг.

– Они продвинулись дальше, чем я ожидал. Но ни тот, ни другой корабль Марса не достигнут, верно? – спросил он Вомерсли.

– Нет.

Подойдя к сенатору ближе, Армстронг строго спросил:

– Почему?

– Потому что топливная проволока, которая сматывается с катушек и подается в двигатели, неоднородна по составу.

– Кто поставил такое топливо?

– "Радиометалз Корпорейшн".

– Дочерняя фирма «Норман-клуба»?

– Нет.

Армстронг озадаченно потер лоб и заходил кругами по комнате. Аудитория молча следила за ним.

– Есть ли среди служащих «Радиометалз» члены «Норман-клуба»?

– Да.

– Инженеры?

– Да.

– Фамилии?

– Не знаю.

– Значит, они вносят изменения в структуру топливной проволоки, зная, что при определенных условиях это вызовет взрыв? И руководство корпорации об этом не знает?

– Да.

– Как рассчитано время взрывов? Они произойдут в начале, в середине или в конце пути?

– В конце, – промычал Вомерсли.

– То есть когда оба корабля окажутся в непосредственной близости от Марса?

– Да.

– Кое-кому следует свернуть за это жирную шею! – гневно воскликнул Дрейк.

– Успокойся. – Армстронг жестом призвал Эда к молчанию и спросил Вомерсли: – Значит, пилоты, не кандидаты «Норман-клуба»?

– Нет.

– Вам известно, что они погибнут вместе с кораблями?

– Да.

Молниеносно развернувшись, Армстронг успел перехва-

тить Дрейка и оттолкнуть его от сенатора. Потом он снова спросил Вомерсли:

– Зачем вы толкаете мир к войне, если вы спокойно можете взрывать космические корабли?

– Психокарты показывают, что, если не будет войны, эту планету ожидает космический бум.

– И что?

– Мы можем справиться одновременно с двумя кораблями, быть может, с четырьмя, но не с десятью. Только глобальная война способна изменить современную психокартину.

С отвращением фыркнув, Армстронг сменил тему:

– Я рассказывал вам историю о чертежах космического корабля, предложенных марсианским ссыльным. Вы в нее поверили. Знаете ли вы, где находятся такие люди?

– Нет.

– Почему?

– После прибытия они сразу же скрываются. Мы не успеваем их выследить. Они хоть и безумны, но они – марсиане и очень осторожны.

– Вы их боитесь?

– Они считают нас своими врагами.

– Их много?

– Нет. Очень мало.

– Что вы знаете об оружии, похожем по форме на фонарь?

– Это вибрационный коагулятор.

– У «Норман-клуба» есть такие?

– Нет. Мы не знаем, как их изготовить. Кроме того, нам запретили ими пользоваться.

– Запрещены? – Армстронг поднял брови. – Кем?

– Норманами с Марса, которые находятся с нами в контакте.

– На этой планете?

– Да.

– Приехали! – Армстронг растерянно огляделся по сторонам. – Еще одна банда, теперь уже марсианских норманов. – Он снова повернулся к Вомерсли: – Их много?

– Очень мало.

– Сколько?

– Не знаю.

– Они ваши союзники?

– Почти.

– Что значит «почти»?

– Они только советники. В акциях они не участвуют.

– Назовите одного их них, – с вызовом произнес Армстронг.

– Горовиц.

– Вы утверждаете, что он – уроженец Марса?

– Да.

– Откуда вам это известно?

– Это выяснилось, когда мы впервые предложили ему присоединиться к нам. Именно он сделал психотрон и обучил нескольких членов клуба работать на нем.

– Тоже мне доказательство! – усмехнулся Армстронг остальным. – Наверное, заманили старика какой-нибудь мишурой, а тот, недолго думая, съел их с потрохами. Он известный физик, и ума у него побольше, чем у всех норманов, вместе взятых. Кто же отказывается от такого шанса?! Если нужно называться марсианином – пожалуйста. Только платите. Он сделал их, как последних простаков.

– По-моему, это невероятно, – вставил Дрейк.

– Не больше, чем все остальное в этом сумасшедшем деле. Из больших клопов сосут кровь другие, поменьше. Так было всегда. Кроме того, Горовиц-отличная реклама всему движению. Особенно для новообращенных. Религии необходимы святой, лучше два, чтобы поддерживать веру. Конечно, Линдл слишком циничен, чтобы принимать энтузиазм Горовица за чистую монету, но и ему это, в конце концов, выгодно. – Армстронг нахмурился. – Мне кажется, что Горовиц меньше всего причастен к этой каше. По крайней мере, я на это надеюсь.

– Надежда умирает последней, – процитировал Дрейк похоронным голосом. – Нам дышат в спину и свистят в уши. Если ты выберешься из этого лабиринта, парень, считай, тебе крупно повезло!

Хансен посмотрел на него строгим взглядом:

– Бойтесь?

– Ради Бога, хватит пререкаться! – Армстронг сердито взглянул на обоих. – Мы свободны, никто нас пока еще не

свел с ума, никто не арестовал, не надел наручников... Надеюсь, никто и не наденет!

– Ты замечательно самоуверен, – сказал Дрейк, – и я очень хотел бы разделить это чувство с тобой. Но я не привык ощущать себя дичью, за которой гонится целая свора охотников. И как вы собираетесь с ними управиться, я постичь не могу. – Он наградил Вомерсли злобным взглядом и добавил: – Но я хочу, чтобы вы поняли – я на вашей стороне не потому, что мне некуда деваться, а потому, что хочу увидеть, как подохнет эта крыса.

– Похвальное стремление, – одобрил Хансен.

Все еще хмурясь, Армстронг спросил Вомерсли:

– Если нормальные марсиане потребуют прекратить деятельность «Норман-клуба» или же вообще распустить его, будет ли это сделано?

– Да.

– Почему?

– Мы верны им. Они выше нас.

– Но они не отдадут такой приказ?

– Нет.

– Они же миссионеры! – строго заметил Армстронг. – Если верить Линдлу, они суют свой нос в дела этого мира постоянно. Почему же они отказываются вмешиваться сейчас?

– Потому что сейчас... другое... Перекресток всех судеб... и они чувствуют... они чувствуют... – Вомерсли закашлялся, что-то невнятно пробормотал и с трудом добавил:

– ... что сейчас тот момент, когда земляне – и нормальные, и ненормальные должны... сами позаботиться о своем спасении... – Он снова закашлялся и обмяк в кресле.

– Хватит с него. – Армстронг выключил аппарат и сорвал контакты со склонившейся головы сенатора. – Оттащите его наверх и бросьте на кровать. Он теперь проспит часа три, не меньше.

Пока Дрейк и двое людей Хансена тащили безвольное тело сенатора, Армстронг неумоимо мерил шагами комнату, словно медведь в клетке. Дождавшись их возвращения, он заговорил:

– Давайте посмотрим на ситуацию иначе. Нас ищут. Нас разыскивают всех – причем тех, кого не включили в список сегодня, обязательно включат завтра – либо как сообщников, либо как соучастников. Формальные обвинения не имеют значения – нам постараются пришить все, что только сумеют найти. Полиция, ФБР, «Норман-клуб», марсиане-гуманы, ЦРУ и, наверное, даже контрразведка ВМС дорого заплатили бы за наши скальпы. – Он внимательно оглядел каждого по очереди. – Я хочу сказать, что каких бы еще шалостей мы ни натворили, крепче, чем сейчас, мы уже не увязнем.

– За похищение людей полагается смертная казнь, – заметил Дрейк. – Честно говоря, я не представляю ничего более крепкого, чем девять футов веревки.

Не обратив внимания на его слова, Армстронг продолжал:

– Нам понадобятся все силы, на которые мы можем рассчитывать, – а у нас их чертовски мало! Кроме присутствующих я могу доверять только четверым, а именно: генералу Грегори, Биллу Нортону, Клэр Мэндл и Джорджу Куину. Попытка связаться с генералом не принесет особой пользы, так как я сообщу ему немного сверх того, что ему уже известно. Тем более что при такой попытке риск попасться чрезвычайно велик. Что касается Клэр Мэндл, то она вне досягаемости. Я о ней не беспокоюсь, поскольку она исчезла по собственной воле. От Билла Нортона проку мало. Сам того не желая, он может причинить нам вред; он человек эмоциональный, а мы сейчас не можем позволить себе отвлекаться на мелочи. Остается Куин.

– И мы знаем, где он, – блестя глазами, вставил Хансен.

– И мы знаем, где он, – кивнул Армстронг. – Вот почему я считаю, что следующим нашим шагом должно быть освобождение Куина. – Он помолчал и спросил: – Есть другие предложения?

Прежде чем ответить, Дрейк задумчиво поскреб подбородок.

– Нет, я не против! Мне просто интересно – что есть у Куина такое, чего нет ни у кого из вас? Нас тут семеро, считая Мириам. Семь крыс в лабиринте! Что изменится, если нас станет восемь?

– Мы станем на одного человека сильнее.

– Верно. Но что нам это даст? Ты начал с того, что поднял

шум всего лишь вокруг взрывов космических кораблей! Теперь ты вынужден сражаться с целым дьявольским войском, чтобы предотвратить мировую войну. Но вспомни свои собственные слова: пусть наша страна миролюбива, пусть она руководствуется чувством справедливости и прочими высокими идеалами, беда в том, что бойню может начать любая нация. И если каким-то чудесным образом мы сокрушим «Норман-клуб» в своей стране, они запросто устроят мировой пожар, поднеся спичку где-нибудь еще-там, где мы не сумеем их достать, – в Португалии или, например, в Перу. Заколыхаются флаги, забьют барабаны; разумных людей, которые хотят жить, предадут анафеме как трусов и предателей, а безумцев, жаждущих умереть, объявят героями из героев. С этим не справиться не то что семи человекам – семи миллионам! И я не знаю, черт возьми, лучше ли станет, если нас окажется восемь!

Хансен наклонился вперед и мягко спросил:

– Значит, вы хотите, чтобы Куина поджарили в собственном соку?

– Что за чепуха! – вспыхнул Дрейк. – Я руками и ногами за то, чтобы вытащить Куина. Он – пилот космического корабля, и хотел бы я посмотреть, как он разделается с этими дерьмовыми небожителями. У меня тоже есть на это свои причины, но я уступаю очередь Джорджу, потому что он космонавт! – Его обеспокоенный взгляд перешел с Хансена на Армстронга. – Я хочу только сказать, что не вижу никако-

го выхода из грязи, в которую мы вляпались. Это как зыбучий песок. Мы будем бороться и одновременно погружаться, погружаться и погружаться, пока не пустим последний пузырь. И чем отчаяннее мы боремся, тем быстрее погружаемся. Именно так я представляю наше положение. Может, вам оно кажется иным? Может быть, вы видите то, чего не вижу я? Если так, я хотел бы об этом знать. Тогда я понимал бы, куда мы идем, и мне стало бы гораздо легче на душе.

– Считай, что так оно и есть, – сказал Армстронг. – Наш дражайший друг Вомерсли был так любезен, что показал нам выход.

– А? – У Дрейка отвисла челюсть.

– Так ведь он же сказал: «Мы у последней черты»! Они у «последней черты»; не мы, а они. И мы поможем им перешагнуть эту черту. Пусть только нам повезет!

– М-да. – Дрейк выглядел озадаченным. – М-да. – Он неопределенно повел рукой перед лицом. – Наверное, это от недосыпа. Либо я слишком туп. – Он посмотрел на Хансена: – Вы что-нибудь поняли?

– Нет, – безразлично ответил детектив. – Хотя мне, собственно, все равно. Мне важно, чтобы брякало в кармане.

– Джордж Куин знает то, чего не знаем мы, – объяснил Армстронг. – Он знает, когда, где и как нанести удар. – Он повернулся к Дрейку, и тот в ответ на его взгляд закатил глаза.

– Не обращай на меня внимания. Я сейчас даже не в со-

стоянии понимать английский язык.

– Ладно. Значит, решено – мы выручаем Куина. Остаются еще две проблемы. Первая – берем ли мы с собой Мириам?

– Попробуйте только не взять! – крикнула Мириам из кухни. Она указала кофейником на Хансена: – Он – мое единственное алиби! Я от него не отстану.

– Ответ ясен. – Армстронг ухмыльнулся. – Берем мы Вомерсли или оставляем здесь под охраной?

– Он для нас – все равно что золотой запас, – сказал Хансен. – Я не люблю расставаться с золотом. Кроме того, предоставив Вомерсли охрану, мы уменьшим нашу численность.

– Я бы вообще не спускал с него глаз, – посоветовал Дрейк. – У меня на душе беспокойно, когда я его не вижу. Я не доверяю ему, даже когда он там, наверху, без сознания.

– Ясно. Берем с собой. – Армстронг посмотрел на часы. – Мы уже потеряли массу времени... Сейчас у нас две машины, Хансена и Дрейка. Дорога впереди длинная, долго собираться некогда. – Он указал на аппарат на полу: – Эту штуковину тоже надо прихватить. Она пригодится, если какая-нибудь канарейка откажется щебетать.

– Канзас-Сити, скоро увидимся! – Хансен встал, и вместе с ним поднялись трое его людей. – Конечно, если нас не укошат по дороге.

Дом Синглтона оказался ничем и никем не защищенным – будто у хозяина не имелось врагов! Забавный контраст с цитаделью Вомерсли! Очевидно, руководителю здешнего «Норман-клуба» не было нужды хитрить так, как его коллегам на далеком Восточном побережье страны, – он возглавлял менее активный и не так глубоко погрязший в грязных делах филиал.

Они увидели старый, колоритный особняк, от которого веяло солидностью и респектабельностью, столь любимой банкирами и консервативными бизнесменами. Армстронг почувствовал облегчение.

Сидя в первом автомобиле, позади Хансена, который лениво развалился на водительском месте, он сказал:

– Этот болван Вомерсли говорил, что Синглтон знает его в лицо. Сейчас Синглтон дома. Если уж мы поймали фортуна за хвост, надо ее не отпускать. Я предлагаю использовать Вомерсли как фасад и идти напролом. Что скажете?

– Одобряю. – Хансен обвел дом пристальным взглядом. – Я всегда выигрывал, когда действовал быстро. Если ты медлишь, то даешь думать противнику.

– О'кей. Скажу нашим. – Открыв дверцу, Армстронг выбрался из машины и внимательно оглядел улицу. Он почти не боялся, что его узнает какой-нибудь случайный прохо-

жий, хотя все вчерашние газеты поместили его фотографию. Заголовок гласил: «Двести тысяч долларов за поимку преступника...»

Снимок был нечеткий; впрочем, даже если бы он оказался хорошим, Армстронг не особенно волновался бы, потому что большинство людей не помнят, что они читали за завтраком, не говоря уж о вчерашних газетах.

Гораздо большую опасность представляли профессионалы с острым взглядом и цепкой памятью; именно поэтому он так тщательно изучал обстановку.

Все было тихо. Быстро подойдя ко второй машине, Армстронг сказал водителю:

– Прямо к подъезду! Держитесь вплотную к нам.

Водитель – человек Хансена – кивнул, не переставая жевать резинку. Армстронг взглянул на Вомерсли, втиснутого на заднем сиденье между Дрейком и еще одним агентом Хансена. Вомерсли в ответ посмотрел на него, но ничего не сказал.

Он сел в машину, и Хансен лихо подрулил к парадному входу особняка. В зеркало заднего вида Армстронг видел второй автомобиль, не отстававший ни на дюйм. Возле дома стояли еще две машины, припаркованные ближе к воротам; людей в них не было.

Бок о бок с Хансеном Армстронг отчеканил десять широких шагов до входной двери и позвонил. Остальные следовали за ними. Дверь отворила бойкая горничная.

Улыбнувшись, Армстронг приподнял шляпу и любезным тоном произнес:

– Сенатор Вомерсли с друзьями. Мы хотели бы немедленно встретиться с мистером Синглтоном. Передайте ему, пожалуйста, что причина нашего визита очень важная.

Девушка улыбнулась в ответ, оглядела всю компанию и, видимо ничего не заподозрив, проворковала:

– Пожалуйста, подождите. – Затем она повернулась, взметнув плиссированной юбкой, отчего брови Хансена приподнялись на целый дюйм. Вскоре она возвратилась. – Мистер Синглтон примет вас.

Шагнув в сторону, Армстронг отдал ей шляпу. Другая его рука оставалась в кармане плаща, пальцы сжимали рукоятку тридцать восьмого кольта. Так же в дом вошел Хансен – шляпа в одной руке, оружие – в другой. Его три сотрудника последовали за шефом, замыкали группу злой и красный как рак Вомерсли, которого держала под руку Мириам, и Дрейк.

Приняв головные уборы, горничная провела гостей через просторный холл и открыла дверь в конце.

В комнате находились четверо, и Армстронг узнал троих, но на его лице не появилось ни проблеска удивления. Ближе всех сидел маленький сморщенный человечек, видимо сам Синглтон. Он как раз пытался подняться из глубокого кресла. Рядом с ним стоял Линдл. Перед пустым камином, держа руки за спиной и глядя сквозь толстые линзы очков, словно сова, расставил длинные ноги Горовиц. Четвертой была Кл-

эр Мэндл. Одной рукой она опиралась о полированный стол. Другую прижимала ко рту. Ее глаза эльфа казались огромными.

– О, Юстас! – пронзительно воскликнул Синглтон. – Вот так сюрприз! – Выбравшись наконец из кресла и излучая радушие, он двинулся к Вомерсли. – А я думал...

– Вы думали верно, – резко оборвал его Линдл. Он отступил на два шага и насупил брови. – Только не додумали до конца. И теперь пришла расплата.

– Как? – Синглтон замер на одной ноге и медленно опустил вторую на пол. Казалось, он движется будто в замедленном кино. Повернувшись, он взглянул на Линдла: – Что вы имеете в виду? Разве вы не видите, что Юстас...

– Заткнитесь и сядьте! – прорычал Линдл. – Не изображайте психопата Даниила в львином логове! – Его темные глаза не отрывались от Армстронга. – Ну хорошо, вы здесь. Что вам нужно?

Не обращая внимания ни на него, ни на Горовица с Клэр Мэндл, Армстронг подошел к Синглтону и громовым голосом рявкнул: – Джордж Куин!

Синглтон испуганно вздрогнул, и Армстронг, глядя в упор, добавил:

– И да помогут вам небеса, если он мертв!

Синглтон побледнел и отпрянул.

– Никому не шевелиться! – Армстронг прошел в середину комнаты. Краешком глаза он заметил, как Линдл снова

уселся в кресло, скрестив ноги с демонстративным безразличием. Клэр все еще стояла у стола, глядя на Армстронга широко раскрытыми глазами. Горовиц не двинулся с места.

– Где Джордж Куин? – снова спросил Армстронг Синглтона.

Тот, казалось, оглох от испуга. Взгляд его блуждал по комнате; он поднял руки и снова уронил их.

Подойдя к ближайшему бра, Армстронг выкрутил лампу, посмотрел на нее и ввернул назад. Лицо его недовольно скривилось.

– В чем дело? – осведомился Хансен.

– Пятьдесят вольт. В этой норе, должно быть, автономный генератор. Наш перетряхиватель мозгов здесь бесполезен – ему требуется сто десять.

– Мы можем взять этого типа с собой. Это не единственный дом... – Хансен умолк, когда Дрейк тронул его за плечо.

– Постереги-ка этого фрукта. – Он кивнул в сторону Вомерсли и медленно двинулся к Синглтону. Дрейк был удивительно бледным, на лбу выступили капли пота. – А я пока разберусь с другим... – Он скрипнул зубами. Остальные, как зачарованные, смотрели на него. Подойдя прямо к Синглтону, Дрейк спокойно и четко сказал: – У меня свои счета с этой падалью!

Снова взмахнув руками, Синглтон рухнул обратно в кресло. Дрейк навис над ним и с тем же ледяным спокойствием выговорил:

– Помнишь тот, последний, который взорвался на стапеле, еще до старта? Погибло шестьдесят человек, помнишь? Одного из них звали Тони Дрейк – это был мой брат! Он умер у меня на руках! – Дрейк повысил голос. – Это сделали по приказу – по твоему приказу, ты, вошь! – Он вынул руку из кармана, блеснул вороненый металл. – Вот тебе мой приказ! Даю тебе десять секунд! Говори, что ты сделал с Джорджем Куином! Выкладывай поживее, не то мозги твои разлетятся по комнате, и тогда ты поймешь, что я шутить не намерен!

Пистолет вдруг рявкнул, у всех заложило уши. Синглтон закричал. Поджав левую ногу, он силился дотянуться руками до ступни; лицо его казалось белее мела.

Армстронг с суровым видом шагнул вперед, и Дрейк наставил дуло прямо в искаженное лицо Синглтона:

– ...Пять, шесть, семь, восемь...

– Он в Кифере! Он там, в Кифере, клянусь! – взвизгнул Синглтон.

Дверь в комнату открылась, и в проеме показалось озабоченное лицо горничной. Никто не слышал, как она постучала. Один из парней Хансена, схватив за руку, втащил ее в комнату и прислонился к двери широкой спиной.

– Живой? – не отставал Дрейк. Его взгляд, сверлящий Синглтона, горел ненавистью.

– О, моя нога! – стонал Синглтон. Он обхватил ее руками. Из ботинка капала кровь, оставляя брызги на ковре. – О, моя нога!..

– Живой? – Дрейк покачал револьвером. Лицо его пере-
косилось. – Я тебя спрашиваю – живой?! – заорал он. – Я не
такой, как ты, ясно? Я ненормальный! – Дрейк неестествен-
но рассмеялся. – Я сумасшедший! И я могу сделать что угод-
но... что угодно... особенно с тобой! – Наклонившись впе-
ред, он рывкнул прямо в лицо Синглтону: – Жив Куин?

Синглтон всхлипнул, затем неистово завопил:

– Да, жив! Он в Кифере, клянусь! Живой! – Где это?

Холодным саркастическим тоном в разговор вмешался
Линдл:

– Место, которое назвал этот хлюпик, – в получасе езды.
Там есть телефон. Вы избавите себя от хлопот, не говоря уж о
мелодраматических эффектах, если Синглтон позвонит туда
и прикажет своим людям доставить Куина прямо сюда.

По какой-то необъяснимой причине это предложение
взбесило Дрейка. Он перевел дикий взгляд на Линдла и на-
ставил на него пистолет.

– Кто тебе разрешил открывать пасть? Я разговариваю с
этим трусливым ублюдком, а ты...

– Полегче, Эд! – Армстронг быстрым движением завладел
пистолетом Дрейка. – Остынь, ладно? Остынь!

– Но!.. – крикнул Дрейк.

– Спокойнее! – Армстронг крепко сжал его руку и посмот-
рел в глаза. – Прежде всего Куин. Нам нужен Куин, разве не
так? Сначала дело, потом удовольствия.

Медленно-медленно Дрейк сбавил обороты. Наконец он

произнес:

– Конечно! Пусть эта гнида звонит в Кифер. Для та-
мошних горилл это будет сигналом сбросить Куина в реку,
прежде чем отправиться сюда, за нами.

– Мы рискнем. – Армстронг внимательно рассматривал
стонущего Синглтона. – И мне кажется, что рисковать мы
будем немногим – этот тип не станет сам подписывать свой
смертный приговор. – Обратившись к Синглтону, он сказал:
– Вот телефон. Скажите им, что Куин нужен вам немедлен-
но.

– Моя нога... – хныкал Синглтон. Он снял ботинок, от-
крыв пропитанный кровью носок. – Сначала перевяжите ме-
ня. Я умру от потери крови...

– От потери крови! – Заметив испуганное выражение на
лице Синглтона, Армстронг мрачно усмехнулся. – Миллио-
ны людей умрут от потери крови, если дать волю вам и ва-
шей банде. Вас это, конечно, меньше всего заботит, но уж не
обессудьте, мы заплатим той же монетой! – Он сунул теле-
фон Синглтону в руки: – Вперед. Говорите все, что хотите.
Если вам не терпится на тот свет, можете даже позвать на
помощь.

– Джон? – Клэр Мэндл сделала шаг вперед. Казалось, она
вот-вот разрыдается.

Армстронг не обратил на нее внимания.

– Ну! – подстегнул он Синглтона. Клэр отступила и села
в кресло. Нижняя губа ее подрагивала.

Синглтон, взяв трубку, сумел унять дрожь в голосе и произнес с вполне приемлемой властностью:

– Доставьте сюда Куина. Да, немедленно! – Положив трубку, он начал снимать носок.

Армстронг отправил за бинтами горничную в сопровождении одного из людей Хансена. Когда они вернулись, он присел на подлокотник кресла и стал смотреть, как девушка перевязывает Синглтона.

– Вы неизлечимо сентиментальны. – Линдл посмотрел на Армстронга. – Насколько мне известно, вы первый аттестованный норман, который, как оказалось, слишком ленив духовно, чтобы совладать со своими эмоциями. И посмотрите, к чему это привело. – Он язвительно усмехнулся. – Две сотни тысяч за живого или мертвого – награда хоть куда! – Линдл с притворной скорбью покачал головой. – Помните, что я вам сказал однажды? Если хотите, можете ответить мне сейчас. Как вам нравится этот сумасшедший дом?

Армстронг глядел на него как сфинкс. Линдл продолжал: – Очень скоро мир этот станет еще хуже, вот увидите... Между прочим, весьма странно, что вы, совершенно нормальный индивид, встали на сторону психопатов. Никак я не могу найти этому объяснение. Мне кажется, что либо психотрон поставил вам неверный диагноз – хотя наш друг Горвиц, эксперт по психотрону, самым решительным образом это отвергает, – либо нам так и не удалось убедить вас, несмотря на очевиднейшие факты. Лично я склоняюсь ко

второму. Вы – норман, но неисправимый скептик. К несчастью, с тех пор как мы с вами расстались, вы так и не сумели правильно оценить, против какой силы выступаете. Вы не верите даже своим собственным глазам! – Линдл выпрямился в кресле. – Поверьте же им хоть один раз! И позвольте напомнить вам, что раскаяться никогда не поздно.

Лицо Армстронга оставалось непроницаемым. – Сила наша такова, – похвалялся Линдл, решив, видимо, с пользой провести время ожидания, – что стоит нам захотеть, и все обвинения против вас и ваших друзей будут сняты сегодня же. Завтра мы сделали бы вас национальными героями, а послезавтра – богатыми людьми.

– Что вы называете богатством? – неожиданно заинтересовался Хансен.

Саркастический взгляд Линдла переместился на него.

– Мы не из жадных. Миллион каждому.

– Мало. – Хансен махнул в сторону бесстрастного Армстронга. – Этот тип обещал мне полтора. И врать он горазд куда больше вас!

Мириам хихикнула. Линдл принял сердитый вид. Армстронг промолчал.

Угрюмый и молчаливый Вомерсли неожиданно очнулся и прорычал Линдлу:

– Напрасно стараетесь! Они все совершенно ненормальные, что бы там ни утверждал ваш психотрон. – Он пыхтел, как большая рассерженная лягушка. – Отстаньте от них.

Пусть будет что будет.

Клэр Мэндл снова встала и нерешительно заговорила:

– Джон, я пыталась помочь. Поверьте, я...

– Молчите, Клэр! – властно и сурово оборвал ее Горовиц. – Я уже говорил вам, что помощь и вмешательство в чужие дела – абсолютно разные вещи. Первое разрешено, второе – нет. Категорически нет! – Он подождал ответной реакции, но Клэр молчала. Армстронг сидел, как огромный неуклюжий медведь, и твердым холодным взглядом смотрел на Линдла. Горовиц, в свою очередь, наблюдал за Армстронгом, словно тот был редкой бабочкой, пришпиленной к доске.

– Этот человек, – сказал Горовиц, тщательно выговаривая слова, – хорошо знает, что он хочет сделать, и он намерен посмотреть, можно ли это сделать вообще. Если он потерпит неудачу, это – судьба. Если ему повезет – это тоже судьба. – Горовиц пожал покатыми плечами. – И добавить тут нечего!

– Вы что, тоже спятили? – осведомился Линдл, в его глазах загорелись красные огоньки.

– Как вы смеете говорить такое мне? – Горовиц задал вопрос холодно и равнодушно, но эффект получился потрясающий.

Огоньки в глазах Линдла потухли, и он заметно съезжился в кресле. Облизав губы, он произнес:

– Прошу прощения. Не нам ставить под сомнение ваши идеи.

В холле громко зазвонил колокольчик. Горничная бросила испуганный взгляд на Синглтона, который моментально переадресовал его Армстронгу. Последний кивнул Хансену: – Прихватите своих парней.

Хансен в сопровождении двух человек направился к выходу. Линдл, напустив на себя смиренный вид, откинулся на спинку кресла. Глаза его были устремлены в потолок, казалось, он чрезвычайно озабочен чем-то, весьма далеким от происходящего. Он качнулся, оторвав от пола передние ножки кресла, а затем стал отклонять кресло все дальше и дальше.

Прежде чем кресло сенатора коснулось вделанной в стену кнопки, Армстронг хладнокровно ударил Линдла по затылку. Тело дернулось два раза и сползло на пол. Мириам как-то странно взвизгнула, Клэр спрятала лицо в ладони.

В следующую секунду, показавшуюся вечностью, Армстронг успел перехватить быстрый взгляд Горовица, с угрозным видом снявшего очки. Но сделать он ничего не успел. Синглтон, только что скуливший от безумного страха, вдруг поднялся во весь свой невеликий рост, в руке у него был револьвер, прежде спрятанный под подушкой кресла. Дрейк бросился на него безоружный.

В холле послышался шум, прогремели два выстрела, громко вскрикнула Мириам, заглушив быстрый топот ног. Армстронг прицелился было в Синглтона, но Дрейк заслонял цель. Опустив револьвер, Армстронг вскочил с подло-

котника кресла, резко развернулся на одной ноге, выдернул Вомерсли из объятий одного из агентов Хансена и с размаху стукнул его рукояткой по голове. Вомерсли вскрикнул и мешком свалился на пол.

В холле снова раздался выстрел, за ним еще два. Мириам, открыв рот, начала выделять какие-то безумные па. Еще один выстрел прогремел уже в комнате, и Дрейк рухнул рядом с креслом Синглтона. Тот отпихнул тело, вскочил на здоровую ногу и, истерично визжа, трясущейся рукой направил револьвер на Армстронга. На секунду Синглтон отвлекся, скосив глаза в сторону одного из агентов Хансена, и это промедление оказалось для него роковым.

Раненый Дрейк толкнул его под колено, опрокинул на пол и вырвал оружие. Прогремел еще один выстрел, и Синглтон вскрикнул, как попавший в капкан зверь. Он судорожно сложился пополам, вытянулся, сложился и снова вытянулся, корчась и извиваясь, прижимая руки к животу.

Лежа на ковре, Дрейк выплюнул сгусток крови и слабым, угасающим голосом выговорил:

– Этот закон... слишком хорош для всяких... проклятых марсиан... око за око... – Он с усилием поднял револьвер и послал пулю позади правого уха Синглтона. – Стоящее дело, – прохрипел он, – стоит делать как следует. – Что-то булькнуло у него в горле. Пальцы, сжимавшие револьвер, разжались, голова откинулась на согнутую левую руку, и он перестал дышать.

Армстронг огляделся. Горовиц по-прежнему стоял у камина, не переменяв позы, и выражение его лица было все таким же бесстрастным. Клэр сжалась в кресле, уткнувшись лицом в ладони. Мириам, как в столбняке, застыла у двери, а Хансеновский агент с мрачным видом созерцал трупы – Дрейка, Синглтона и Линдла.

В дверях появился Хансен. Он подталкивал перед собой горничную, а за ним вошли Джордж Куин и один из агентов.

– Мы потеряли одного из ребят, – сказал Хансен. – Зато ухлопали двоих. – Его темные ястребиные глаза изучали перепуганную служанку. – Едва они вошли, она каким-то образом подала им сигнал. Конечно, те сразу схватились за пушки. И пока мы выясняли отношения, это милое создание попыталось удрать. Если бы ей это удалось, сюда слетелся бы весь город. Куин еле успел ее поймать.

– Отлично сработано, Джордж, – одобрил Армстронг.

– Не говори «гоп», – заметил Куин. – Через двадцать минут они будут звонить, дабы удостовериться, что все в порядке. – Он повернул озабоченное лицо к Армстронгу: – Я знаю, ребята, что вы затеяли все это ради меня, но...

– Некогда болтать. – Армстронг нетерпеливо взмахнул рукой и обнаружил, что все еще сжимает револьвер. Он сунул оружие обратно в карман. – Нужно сматываться. Быстро. Мертвых оставим, а остальных заберем.

– Всех? – Хансен пересчитал оставшихся: Горовиц, горничная, Клэр Мэндл, едва живой Вомерсли, шевелившийся

на ковре. – Четверо лишних!

– Мы не можем оставить здесь никого – погоня начнется сразу же. Мертвые не болтают – пусть живые поломают голову о том, что тут произошло. Это хоть немного их задержит, у нас сейчас каждая минута на счету. Решено – забираем все машины и всех живых. – Он взглянул на Горовица: – Вы первый – марш! Клэр отняла руки от лица и проговорила: – Джон, я понимаю, что вам нужен Куин, но зачем вам нужен этот человек? Я не...

– Потом, – мягко сказал Армстронг, – потом. Не сейчас. – Он подтолкнул Горовица. Ученый покорно двинулся к выходу. Как ни странно, Армстронг больше не испытывал к нему ненависти. Как будто умирающий Дрейк последним выстрелом отомстил за них обоих... И сейчас Армстронг ощущал только холод – холод смерти многих и многих миллионов мертвецов, которые скоро покроют Землю ковром – если он не сумеет предотвратить всемирную бойню. И наверное, именно этот холод заставил Горовица повиноваться без уверток и колебаний, когда Армстронг коротко скомандовал ему:

– Марш!

Заперев дом, они погрузились в четыре машины и двинулись в путь. Автомобиль самого Горовица, длинный, плоский лимузин, шел первым; за рулем сидел Хансен. В машине был УКВ-приемник, но полицейские рации молчали даже час спустя, когда неторопливая с виду кавалькада свернула

к аэропорту.

Очевидно, людям из Кифера пока не удалось выяснить, что произошло, – они работали очень осторожно, опасаясь, скорее всего, не Армстронга, а коварных марсианских гуманов с их страшными коагуляторами. Впрочем, любая задержка противника играла на руку беглецам.

Зафрахтовать двенадцатиместный самолет оказалось до смешного просто. Столкнувшись с неожиданным желанием взять напрокат такую большую машину, да еще без пилота, начальник смены аэропорта заколебался. Дрогнул он при виде пачки банкнот и четырех автомобилей, оставляемых в залог. Довершил дело пилотский сертификат Куина – чиновник с благоговением прочел вслух заключительные слова: «...включая жидкотопливные и твердотопливные ракеты экспериментальных моделей».

– Впервые вижу сертификат, в котором указаны ракеты, – сказал он, поднимая глаза. – Протянув бумагу Куину, словно то был оригинал Великой хартии вольностей, он без дальнейших вопросов выписал документы. Тогда стало ясно, что ни о каком розыске опасных преступников он и не помышляет.

Один за другим они забрались в самолет – его моторы уже работали на малых оборотах. Зеваки, которые есть на любом аэродроме, следили за ними с интересом, но без малейших подозрений.

Джордж показал класс, моментально набрав высоту пять

тысяч футов и взяв курс строго на юг. В журнале фрахта они указали место назначения – Даллас, штат Техас. Медленно, но неуклонно Куин увеличивал скорость. Остальные хранили молчание.

Втиснувшись в кресло второго пилота, Армстронг спросил:

– Когда мы сможем развернуться, Джордж? Нам надо совсем в другую сторону. И хорошо бы нас при этом не засекали.

Сузив глаза и бросив взгляд на приборы, Куин на миг задумался.

– У них есть радар на башне. Может, он используется только при плохой видимости или ночью, а может, и постоянно. Не знаю. Если играть наверняка, то нужно спуститься ниже диаграммы антенны и там уже крутануться. Хотя, если нас ищут, с земли нас засекут, где угодно.

– Нас еще не ищут. – Армстронг поиграл ручкой настройки приемника. – Не знаю почему. Наверное, Синглтонова шайка, не столь сильна, как те, что на Востоке. – Он задумчиво поскреб подбородок. На нем снова отросла щетина. – Что стряслось с Фазергилом?

– Я не знаю всего, но думаю, ты оказался прав – он кое-что знал. То ли он об этом сболтнул, то ли еще только собирался, но однажды я услышал спор в его кабинете, а потом выстрел. Я сдуру вломился туда и застал Мюллера с пистолетом в руке. Фазергил был уже мертв. На меня этот Мюллер

посмотрел как на шкаф, даже не потрудился поднять пистолет. Прежде чем я успел сообразить, что к чему, и открыть рот, сзади послышались шаги и кто-то огрел меня по черепу.

– Чертовски повезло!

– Очнулся я в машине, которая в конце концов приехала в Кифер, и с тех пор под охраной сидел там. Они разрешили мне слушать новости, так что вскоре я узнал, что убийство навесили на меня и полиция сбилась с ног. Тебя при этом разыскивали чуть ли не за массовую резню" – Куин скосил на Армстронга глаза. – Когда позвонил Синглтон, я решил, что вот оно, пришло мое время. И меня просто потрясло, когда твои ребята, про которых я подумал, что это его люди, снимали мою охрану.

– Наверное, твои охранники были потрясены еще больше, – предположил Армстронг. Он широко улыбнулся. – Я тут кое-что понял – то, что более искушенные люди знали давно: нападающий всегда имеет преимущество. Старый партизанский метод – ударить и спрятаться. Именно он выручал нас до сих пор. – Армстронг проследил, как качнулась земля, когда самолет нырнул в воздушную яму. – Поворачивай на север, Джордж, когда сочтешь, что это безопасно. Мы летим в Йеллоунайф.

– Йеллоунайф? – Куин был заинтригован. – Какого черта мы там забыли?

– Мат в один ход, – сказал Армстронг. – Если наше дьявольское счастье от нас не отвернется!

Поднявшись со своего места, Армстронг подсел к Клэр Мэндл.

– Мы высадим вас где-нибудь по пути.

– Почему?!

– Мы скрываемся от правосудия, – подчеркнул он. – У вас будут неприятности, если выяснится, что вы присоединились к нам добровольно.

– Но, Джон, это же не может продолжаться вечно! Не собираетесь же вы провести оставшуюся часть жизни в бегах, словно последний вор? Почему бы вам...

– Почему бы мне не сдать властям и не позволить волкам себя съесть? – закончил он за нее.

– Невинных не наказывают, – возразила она.

Армстронг спокойно посмотрел на нее, зная, что она сама не верит в свои слова. Затем он произнес:

– Мы высадим вас поближе к какому-нибудь городу. Если вы захотите нам помочь, вы это сделаете, но никому ничего о нас не скажете, по крайней мере несколько дней. Договорились?

Клэр слегка покраснела, и Армстронг видел, что ей ужасно хочется возразить. Но она только прошептала после небольшой паузы:

– Мы можем больше никогда не увидеться!

– Как корабли, разминувшиеся в ночи, – согласился Армстронг. Он внимательно посмотрел на нее. Глаза Клэр были влажны. Мягко сжав ее руку, Армстронг добавил: – Но мы

можем встретиться снова, когда взойдет солнце, – конечно, если сумеем разбудить это старое светило. Но мы очень постараемся, это уж точно. Мы заставим его взойти!

– Это очень трудно сделать, Джон. – Голос ее был низкий, приглушенный. – Вы пытаетесь одолеть силу, неизмеримо превосходящую ваши возможности. Я это знаю – я пыталась помочь вам и убедилась, что все впустую...

– Расскажите, – попросил он. Некоторое время Клэр сидела, поигрывая маленьким платочком. Наконец она сказала:

– Я сопоставила все то, что вы мне рассказывали, и у меня получилась некая картинка. Когда я прочла об исчезновении Джорджа Куина, я пришла к выводу, что это для вас будет самым сильным ударом. Я уже догадалась, что он вам нужен, просто необходим...

– Знаете зачем?

– Кажется, да.

– Рассказывайте дальше.

– Я поняла, что все нити ведут в «Норман-клуб». Помните, я говорила вам, что в свое время они официально предлагали работу Бобу? И я подумала, что если их интересовал Боб, то в какой-то степени их может заинтересовать его сестра. Ведь когда люди устанавливают приятельские отношения, они становятся разговорчивее... – Армстронг понимающе кивнул, и она продолжила: – Мне казалось, что я сумею втереться к ним в доверие и выяснить, причастны ли они к исчезновению Куина и если да, то что они с ним сде-

лали.

Когда-то меня расспрашивал о вас некий Карсон, он представился референтом сенатора Линдла. К нему, к Линдлу, я и пошла.

– Продолжайте, – подбодрил Армстронг.

– Линдла не было. Карсон послал меня к Горовицу. Тот сказал, что Линдл уехал в Канзас-Сити, и устроил мне допрос с пристрастием – в основном о работах Боба и о ваших делах, но я притворилась, что почти ничего не знаю. По-моему, он мне не поверил.

– Он не поверил бы, даже если бы вы открыли ему чистую правду, – сказал Армстронг. – А все потому, что он сам завзятый враль.

Клэр улыбнулась:

– Он уверял меня, что он марсианин и весь наш мир у него в кармане.

– Вот в это, боюсь, он верит и сам – слишком часто он рассказывал эту историю...

– У него ко мне было какое-то странное отношение, я даже не знаю, как это назвать. Какая-то отстраненная теплота... Он понимал, что я могу быть очень полезной для него – то ли как союзник, то ли как заложник, либо как и то и другое вместе. Он не хотел выпускать меня из рук, но в то же время не хотел удерживать насильно. Наверное, он подозревал, что я могу оказаться приманкой ФБР. Он нашел выход, предложив сопровождать его в Канзас-Сити, к Линдлу.

Я согласилась.

– Отличный пример, как ангелы бросаются очертя голову туда, куда люди боятся ступить, – заметил Армстронг. – Придется вам на время оставить эти методы...

– Что это вы раскомандовались? – парировала она и, прежде чем продолжить, бросила на Армстронга косой взгляд миндалевидных глаз. – Так вот, я использовала все уловки, которые знала, чтобы Горовиц не закрывал рта всю дорогу. Но теперь я могу сказать, что никогда не встречала человека, который бы умел так хвастаться, фактически ничего не выбалтывая. Об истинном смысле его слов мне оставалось только строить догадки.

– И эти ваши догадки ничего хорошего мне не сулят, верно?

Она снова улыбнулась:

– Горовиц – очень умный человек, который не упустит свой шанс, когда представится возможность. Если хотите, он – еще один Гитлер, только более искусный в плетении паутины.

– Моя оценка такая же, – согласился Армстронг. – Но и у него есть враги – из тех, кто знает слишком много. Так оно всегда и бывает.

– Вы правы, – кивнула Клэр. – Только это не просто «пауки в банке». Все куда сложнее. «Норман-клуб» воюет против гуманов, против вас, против всего человечества... Все бьют соседа по руке, как на ирландской свадьбе. – Она заду-

малась. – В конце концов мы прибыли в Канзас-Сити, и тут же выяснилось, что я под арестом. И поделом. Но две вещи я узнала.

– Какие?

– Кларка Маршала тоже пропустили через психотрон, но признали ненормальным. Он много знал, и «Норман-клуб» охотился за ним, но так уж вышло, что всю работу выполнили их враги. Чистая случайность. – Она закрыла глаза, голос ее стал ниже. – А вот насчет Боба я не уверена. Мне кажется, Боб сотрудничал с ними и собирал информацию, чтобы потом передать все правительству. И они это обнаружили...

Армстронг тихонько сжал ее руку.

– Теперь наш черед! Осталось недолго ждать. Он встал и направился к Куину. – Как дела, Джордж?

– Северо-восток. Скоро пойдем прямо на север. В эфире пока тишина. – Куин щелкнул переключателем каналов. – Посмотрим, что делается на средних волнах. В кабине загремел голос диктора: – ...расценил обвинения в протаскивании военной диктатуры как пропагандистский трюк, который никого не сможет обмануть. Далее генерал Грегори заявил, что, как только что назначенный главнокомандующим объединенных сил обороны, он принимает на себя всю ответственность за приказы, исходящие из его штаба, и что вооруженные силы будут стоять на страже гражданского мира в стране, который необходимо сохранить любой ценой. Сейчас, заявил генерал, он видит свою задачу в том, чтобы га-

рантировать мировому сообществу, что если война и начнется, то первый выстрел сделают не Соединенные Штаты Америки. Вопрос о том, появятся ли в списке, который его просил подготовить Президент, имена сенаторов Линдла, Эмблтона и Вомерсли, генерал оставил без ответа...

Оторвав взгляд от приборов, Куин заметил, что глаза Армстронга горят счастливым огнем. Диктор закашлялся, извинился и продолжил:

– В полной мрачных намеков речи, произнесенной сегодня в Клермон-Ферране, французский министр обороны напомнил согражданам, что Франция уже дважды оказывалась не подготовленной к ведению боевых действий, однако третья мировая война при существующей ситуации в мире практически неизбежна... Он заявил, что на этот раз Франция намерена защитить себя любой ценой, и он готов со всей ответственностью предупредить вероятного противника, что в ее арсенале имеется оружие, более мощное, чем даже водородная бомба... Эксперты полагают, что таким оружием, вероятно, является бактериологическое, вызывающее эпидемию бубонной чумы...

Куин снова поднял голову. Армстронг хмурился.

– Все это чертовски неприятно, Джордж, – громко сказал он. – Слишком быстро подступают пески... – Он снова забрался на сиденье второго пилота и устало потер лоб. – Эта невидимая империя опутала весь земной шар. Она цинична, безжалостна, она самонадеянно считает, что будет существо-

вать до тех пор, покуда в мире существует принцип «разделяй и властвуй», то есть фактически вечно... Но ведь должна же быть и у нее ахиллесова пята! – Армстронг яростно поскреб щетину на подбородке. – Должно быть слабое место! Любая империя рухнет, как карточный домик, стоит только правильно ударить в нужное место! Но если мы не сделаем этого с первого раза, тогда – спаси нас Господь. Потому что тогда единственным памятником человечеству станут чумные бациллы, да и то радиоактивные.

Самолет несколько раз тряхнуло, и Куин заработал рычагами.

– Четыре всадника, – продолжал Армстронг, обращаясь к самому себе, – они проедут сквозь страны, и будет там слышен плач, и прольются там слезы... И поднимутся тучи стрел, и затмят они белый свет, и день превратят они в ночь... – Его голос резал Куину уши. – И не найдем мы спасения в охоте за ведьмами, потому что ведьм этих слишком много по всему миру, они повсюду и прячутся... – Он наклонился к Куину:

– Но что, если все их колдовство внезапно отстанет во времени на десять тысяч лет?

– Что?! – вздрогнул пилот.

Куин повернул штурвал, и самолет, накренившись, устремил нос точно на север. На высоте 12000 футов они перелетели Миссури и обе Дакоты. Судя по тишине в эфире, об убийстве Линдла и Синглтона еще не узнали или не поставили в известность полицию и прессу. Скорее всего, последнее, подумал Армстронг. Зная одержимость и дотошность своих врагов, он представил, как в этот самый момент они безуспешно пытаются идентифицировать Дрейка по своим спискам «ссылных марсиан». Флаг им в руки! Чем дольше они будут лаять не под тем деревом, тем больше будет времени у беглецов – и они уж сумеют использовать каждый час и каждую минуту.

Самолет нырнул в яму, мир внизу накренился – расколотый, раздерганный на куски автократами, бюрократами, теократами, технократами и прочими политическими крысами. Мир, в котором нет места самому естественному праву человека – праву идти своим путем, не мешая другим.

В какой-то книге, которую он читал давным-давно, история цивилизации представлялась как последовательность болезненных состояний некоего организма. Путь общества к прогрессу есть самая настоящая борьба за выживание – с самим собой... Что это была за книга? Армстронгу пришлось напрячь память, прежде чем он вспомнил: «Прелю-

дия к здравомыслию» Грейнера. Что ж, если его лекарство окажется действенным, человечество расцветет, как роза на солнце. Надолго ли?

Впрочем, сейчас надо было думать о другом. Потому что в уральских пусковых шахтах на ракеты уже установлены боеголовки, потому что пятьдесят тысяч кованых сапог уже промаршировали гусиным шагом по туринской Виа Милане, вскинув ладони в давно забытом *passo romano*, потому что в Лионе биостанция уже нацедила целое озеро чумного бульона, потому что пробный дождь из фосфорных пленок уже сжег пшеничное поле в Болгарии, потому что в Англии газеты уже старательно обливали грязью тех, кто посмел сказать, что путь к войне – это не путь к миру...

По радио, по телевидению, в газетах нарастал поток лжи, недомолвок и клеветы. Хор подозрений и ненависти медленно, но уверенно подбирался к кульминации, которой жаждал опытный дирижер. Метод был не нов – заставить толпу кричать в пользу Вараввы, а затем дать ей распять самое себя.

Мир катился в тартарары, но одинокий самолет над ним продолжал рассекать воздух.

В Лондоне два смуглокожих туриста осторожно распаковали чемоданы и спрятали в двадцати милях от города два небольших цилиндра с плутонием – по шестьдесят процентов от критической массы в каждом. В должное время их соединят вместе, но не сейчас, день еще не настал... В Балтиморе отряд агентов спецслужбы захватил контейнер с окси-

дом тория, застрелив его владельца и арестовав еще четырнадцать человек. В Германии, в Эссене, взорвалась емкость для хранения радиоактивных отходов, и восемьдесят рабочих сразу стали теми, по ком звонят колокола. Сотня других получила третью стадию лучевой болезни, которую торговцы смертью считали отличным допингом в гонке человечества к финалу. Но самолет продолжал лететь. Куин мастерски посадил машину на полосу рядом с городом Бисмарком, стараясь держаться вне поля зрения диспетчерской вышки местного аэропорта. Один из хансеновских парней спустился по трапу, за ним вышла Клэр, потом Горовиц, который застыл на бетоне, озираясь по сторонам и часто моргая.

– Может, вы и марсианин, а может, и нет, – сказал ему Армстронг. – Может, я и сам – розовый жираф. Жизнь битком набита всякими «может быть». – Он мрачно усмехнулся, показав крупные белые зубы. – И одно из них ждет нас там, куда мы летим.

Горовиц ничего не ответил, только холодно посмотрел на Армстронга через огромные очки.

– Не спускайте с него глаз минимум трое суток, – проинструктировал Армстронг агента. – Потом подбросьте его ФБР. Доставьте им такую радость. Но ни при каких обстоятельствах не упустите его. Если он сделает хотя бы шаг в сторону, сверните ему шею.

– Все это время он будет изо всех сил стараться выжить, – сурово пообещал агент.

– О, Джон! – Клэр тревожным взглядом посмотрела на Армстронга. – Джон, я...

– Мы обязательно увидимся снова, – с чувством произнес Армстронг, подавая ей конверт. Клэр положила письмо в карман. – Держитесь поближе к. нашему парню и следите за его марсианским величием. А как только он попадет куда следует, сразу удирайте под крыло к Грегори. И не волнуйтесь, с вами все будет в порядке. И с нами тоже. – Он смотрел на нее, словно фотографировал в памяти. – Счастливо, эльф!

Армстронг захлопнул люк, и Куин, подняв самолет в воздух, быстро набрал высоту. Сидя рядом с ним, Армстронг смотрел в иллюминатор, пока три фигуры внизу не превратились в крошечные точки.

– Этот очкастый фюрер такой же марсианин, как моя левая нога, – внезапно сказал он. – Как говорят ирландцы – если два человека считают себя нормальными, то один из них точно псих.

– Но он-то может доказать, что он нормальный...

– Ага, пока его не поймали за руку на вранье! – В этом что-то есть, – проговорил Куин. – Помнишь? «Чем неправдоподобнее ложь, тем легче в нее поверить...» Самые отъявленные лжецы умудрялись войти в историю, но делали они это, ступая по целым озерам крови. Этот очкарик опасен, Джон. Я это чую.

– Я тоже, – Армстронг тронул Куина за плечо и, осторож-

но ступая, пробрался к Хансену. – Пересекаем границу, – кивнул он в иллюминатор. – Еще одно преступление – нелегальное проникновение в другое государство. Хансен пренебрежительно фыркнул: – Да уж, по сравнению с предыдущими грехами этот страшней некуда! – Он внимательно посмотрел на Армстронга. – Почему вы избавились от вашей пассивности?

– Я не хотел ею рисковать. У нас слишком азартная игра, и сейчас приближается самый ответственный момент – пан или пропал. Я дал ей письмо к Грегори, там описано все, что с нами произошло до сих пор и что мы собираемся делать дальше. Грегори примет меры со своей стороны. – Армстронг замолчал и о чем-то задумался. – Но самое главное, хотя она об этом не догадывается, – я вывел ее из игры прежде, чем наступит конец...

– Конец чего?

– Этой охоты.

– А! – произнес Хансен. Вид у него был озадаченный.

Куин подкрутил ручку настройки приемника, и по кабине разнесся трубный глас: «Крошка, танцуй веселей!» Поморщившись, пилот переключил диапазон.

«...Народы этих стран хотят войны не больше, чем хотим ее мы. Как и у нас, у них хватает своих проблем, и они хотят решать их сами, в мире и согласия со своими соседями по планете. И это естественно! Это естественное желание среднего человека, который стремится, чтобы его оставили в по-

кое. Но что происходит, когда людям не дают удовлетворять их естественные желания? Что происходит, когда людей вынуждают черпать информацию из мутной и отравленной реки? Когда их обманывают, рассказывая о чувствах и намерениях их ближайших соседей? Когда их заставляют жить в ложном и иллюзорном мире, который представляется им враждебным и смертельно опасным? В конце концов, доведенный до безумия человек берет в руки меч! Он готов убивать, защищая свой образ жизни, которому на самом деле никто не угрожал. И с тяжелым сердцем, но недрогнувшей рукой мы тоже вынуждены будем обнажить клинок, чтобы защитить то, что дорого нам. Альтернативы нет! Мы должны быть готовы сражаться – и умереть за свою свободу!»

Выключив радио, Куин обернулся и состроил Армстронгу гримасу. В свою очередь, Армстронг посмотрел на включенного Вомерсли, сидящего через два ряда кресел.

– Вообще-то, диктор прав, – сказал он Хансену. – В этой стране люди более здраво мыслят, чем кое-где в Европе. Только это их не спасет, когда мир начнет сходить с ума...

– Честно говоря, лучше бы он уже сошел, – ответил Хансен. – Тогда все оказались бы слишком заняты, чтобы тратить время на мелочь вроде нас. У фараонов и ФБР нашлось бы занятие поважнее.

– Вы хотели сказать не это. Я знаю, о чем вы подумали. Пусть мир стоит на своем месте, только бы он забыл о маленьком Хансене...

– Верно, – кивнул Хансен. – Ничего нет хуже положения загнанной дичи. – Он немного помолчал. – Мы ведь и в самом деле не нация подстрекателей. Мы не из тех, кто проливает кровь зря и злорадствует. В самом деле, если что-нибудь где-нибудь и начнется, то это сделаем не мы. Может быть, именно поэтому мы чуть-чуть не такие помешанные, как другие...

– Да, – сказал Армстронг. – Я знаю, что у вас есть какой-то план, – продолжал Хансен. – Наверняка он настолько отчаянный, что даже идиотам станет ясно, что вы сумасшедший. Но я думаю о другом – как вы сумеете повлиять на людей? В Америке вы можете привлечь их на свою сторону, призвав к здравому смыслу, что не так-то просто в других местах, но какая от этого будет польза, если вы не сумеете выбить почву из-под ног у миллионов безумцев? Если мир упадет в панику, он не станет слушать разумные доводы!

– Однажды в детстве, – задумчиво произнес Армстронг, – я видел стадо взбесившихся коров. Там было голов четыреста. Черные, рыжие, белые, пятнистые, с длинными рогами, с короткими... в общем, всякие. Они неслись как одержимые, сами не зная куда. Они завернули за поворот дороги, и оказалось, что прямо у них на пути дерутся два ковбоя. И чем ближе стадо к ним подбегало, тем спокойнее становилось. Под конец все коровы столпились вокруг драчунов и, забыв о том, что их испугало, стали смотреть, кто победит. – Армстронг по-приятельски ткнул Хансена локтем в ребро. –

Этакое отвлечение внимания, усекаете?

– А? – произнес Хансен.

– А потом ребята повернулись и погнали свое стадо обратно на пастбище, и снова вокруг была тишь, гладь и благодать. Вот так-то. Где мы, Джордж? – окликнул он Куина.

– Над Тихой рекой. Уже скоро.

– Тихая река, – повторил Армстронг. – Вы верите в приметы? – спросил он Хансена.

Солнце превратилось в пылающий оранжевый шар над западным горизонтом, когда Куин наконец позвал Армстронга к себе. Джон посмотрел в иллюминатор, и сердце его сильно забилося.

Йеллоунайф лежал в дымке чуть в стороне по правому борту. Внизу отливало медью Большое Невольничье озеро, над которым возвышались отроги горного хребта. Самолет стрелой промчался над самой водой между Йеллоунайфом и Провиденсом, потом набрал высоту, описал крутую дугу сперва на восток, затем на юг, и только тогда Армстронг заметил железнодорожную ветку, ведущую из Йеллоунайфа в Рельянс. Она проходила через Стартовый комплекс марсианских кораблей, находившийся в двадцати милях к востоку от Йеллоунайфа.

– Оно и есть, – бросил Армстронг, и Куин моментально положил самолет в вираж, уводя его от комплекса. Снизившись до двухсот ярдов, они потратили почти четверть часа, чтобы найти подходящую площадку, пока наконец Куин не

посадил машину на плато длиной в полмили. Фермы комплекса отсюда не были видны, но сам городок Йеллоунайф отлично просматривался на западе.

С облегчением отпустив штурвал, Куин встал, потянулся и проговорил:

– Самое время убедиться, что мы не получили щелчок по носу. – Открыв люк самолета и жадно вдыхая свежий воздух, он озабоченно оглядел темнеющее небо. – Радаров тут должно быть как грязи. Если нас засекли, очень скоро сюда кто-нибудь явится посмотреть.

– Знаю. – Армстронг протиснулся мимо и спрыгнул на твердую холодную землю. – Но я надеюсь, что мы еще держим удачу за хвост. И я хочу доиграть до конца. Черт побери! Нам повезло, что мы оказались здесь в это время года. Зимой тут, наверное, все спрятано под десятью футами снега.

– С десятью фунтами бифштекса я справился бы сейчас запросто, – проворчал кто-то из хансеновских агентов.

– Очень здравая мысль, – одобрил детектив.

Вомерсли угрюмо облизал губы.

– В хвосте есть большой ящик с едой, – сообщил Армстронг. Он улыбнулся, когда проголодавшиеся сорвались со своих мест и ринулись в багажное отделение самолета.

Куин выпрыгнул из люка, продолжая внимательно следить за небом. Последний краешек солнца уже спрятался за горами, и с востока наползала завеса темноты. Вся местность

к югу казалась безжизненной, и только за горизонтом угадывалось слабое желтоватое мерцание – именно там находился пусковой комплекс. Небеса оставались пустынными, никто не прилетел проверять плато на ночь глядя. Значит, посадка прошла незамеченной, ила операторы радаров ничего не заподозрили – ведь на их экранах отметка цели явственно отклонилась в сторону.

С пакетом сэндвичей из самолета выпрыгнул Хансен.

– Однако здесь не Майами! – проговорил он с набитым ртом и вопросительно посмотрел на Армстронга: – Ну и что дальше?

– А дальше – нам осталось захватить оба космических корабля, либо погибнуть при этой попытке, – произнес Армстронг задумчиво.

Хансен выронил из рук сэндвич, поднял его, сунул в рот, прожевал и, прикусив язык, длинно и витиевато выругался.

– Ты серьезно? – осведомился Куин.

– Джордж, я никогда в жизни не был настолько серьезным. Ты же сам отлично понимаешь – «Норман-клуб» не стал бы тратить силы и средства, с маниакальным упорством гробя корабли, если бы за этим не стояла определенная и очень важная для них цель. А цель их состоит в том, "чтобы не дать человечеству выйти в космос, приковать его к Земле навсегда, потому что человеком в оковах управлять гораздо легче, чем человеком, свободным от оков. Ты понимаешь?

– Продолжай.

– Но если хотя бы одна ракета достигнет Марса, если хотя бы один человек ступит на поверхность другой планеты, это вызовет психический взрыв такой силы, что мир обязательно должен будет перемениться. И заговор рухнет! Он рухнет по той простой причине, что из-под него будет выбита самая главная опора. Заговорщики рассеются, беспомощные и растерянные, как проповедники конца света, который должен был наступить в прошлый понедельник! – В сгущавшихся сумерках фигура Армстронга казалась медвежьей. – Эти ублюдки хотели придушить младенца в колыбели. Черта с два! В подушке оказалась дырка! Потому что ракета на Марсе – это мат в один ход!

– Я готов лететь, но откуда ты знаешь, что корабли готовы? – запротестовал Куин. – И почему ты решил, что какая-то из этих двух ракет долетит, а ее не собьют на полпути?

– А вот это нам рассказал наш дражайший друг сенатор Вомерсли. И можешь мне поверить, соврать в тот момент он был не в состоянии. Обе ракеты практически готовы, со дня на день они должны уйти в пробные рейсы. Об этом тоже известно. После испытаний им потребуется незначительная доработка – это месяц, не больше. Если же война начнется раньше, эти корабли никогда не уйдут к Марсу; их переделают, поставят на них боеголовки и отправят – сам знаешь куда. Дальше: на кораблях стоят катушечные двигатели, и я почти уверен, что дефектный участок проволоки намотан в самом конце. То есть взрыв должен произойти на конечном

отрезке пути, при подлете к Марсу. Теперь снова вспомним о пробном полете. На него ведь тоже требуется топливо, десять процентов от расчетной длины катушки... Ты понимаешь?

– Да, черт возьми! Если они стартуют непроверенными, у них будет десятипроцентный резерв топлива. И если дефектный участок катушки находится внутри этих десяти процентов, то корабль успеет сесть на Марс! – Куин в возбуждении замахал руками. – Но каков риск! Какая авантюра! Только самый последний придурок в нее ввязался бы! Почему ты уверен, что топлива хватит и корабль не взорвется, уже коснувшись поверхности? Или топлива-то хватит, но система жизнеобеспечения полетит к чертям на первом миллионе километров – корабли-то не опробованы... А кстати, ведь их два! Это увеличивает вероятность. Кто второй пилот?

– Я.

– Вот теперь я точно знаю, что этот мир – сумасшедший дом, – сказал Хансен, проглотив, не жуя, огромный кусок сэндвича.

Куин, казалось, потерял дар речи.

– Ты! – выдохнул он наконец. – Когда ж это ты в последний раз водил космический корабль?

– Теоретически я знаю, как это делается. Вопрос только в практике. И сейчас самое время ею заняться. Ты будешь моим учителем.

– Господи! Матерь Божья! Вы послушайте, что он такое

говорит!

– Два корабля строились одновременно не просто так, – терпеливо объяснял Армстронг. – Они предназначены именно для совместного полета, и это значит, что они могут поддерживать связь друг с другом. Ты будешь рассказывать мне, какие ручки повернуть, какие кнопки нажать...

– Ага, только позволь тебе сказать сразу, что управлять ракетой на старте труднее, чем оседлать пьяного мустанга. Неужели ты думаешь, что я способен совладать с сотнями тонн, которые с космической скоростью рвутся вверх на огненном столбе, и при этом еще методично объяснять тебе, как делать то же самое?..

– Нет, конечно. Поэтому я стартую первым – по твоим указаниям. Вот когда я выйду на орбиту или рухну обратно, тогда полетишь ты.

– Это самоубийство, – безапелляционно заявил Куин. – Если ты хочешь покончить с собой, я могу посоветовать пару способов попроще.

– Когда ты геройски собирался лететь на обреченной P18, я то же самое думал о тебе. Почему ты считаешь, что только у тебя одного есть право свернуть себе шею?

– Вы оба сумасшедшие, – сказал Хансен мрачно. – Чокнутые. Слава Богу, тут только два корабля, а не три или четыре. Вы заставили бы лететь меня и Мириам.

– Именно так, – кивнул Армстронг. – Нет уж, извините. Я знаю, что я нормальный, без всяких психотронов.

– А если я откажусь участвовать в этой безумной затее? – сказал Куин.

– Ты наш самый главный козырь, Джордж. Без тебя мы пропали. Но я все равно полечу. Я не затем зашел так далеко, чтобы у самой цели повернуть назад.

– Значит, залезаешь в корабль, дергаешь ручку – и вся слава достается одному тебе? – Куин покачал головой. – А еще друг называется! – Он ухмыльнулся и посмотрел в небо. – Нет, пока с меня еще не содрали скальп, клянусь, ты этого не сделаешь! Я не дам тебе расшибить твою дурную башку.

– Решайся, Джордж. Два шанса лучше, чем один.

– Послушай, – Куин поддал ногой камешек, – где-то тут, на космодроме, сидят два отличных пилота. Наверняка я знаю их, а они знают меня. Куда разумнее договориться с одним из них...

– Верно, неплохая идея. А теперь скажи, как мы будем искать пилота, как будем его уговаривать, стараясь, чтобы нас не застукали, и все это – до рассвета?

– До рассвета? – Куин вытаращил глаза. – Ты хочешь стартовать ночью?

– Если мы сумеем забраться в корабли.

Куин с мрачным видом извлек из кармана автоматический пистолет, которым завладел во время стычки в доме Синглтона. Проверив обойму, он сунул оружие обратно в карман и сказал: – Дай еще сэндвич, и я готов.

Хансен протянул ему сэндвич и спросил Армстронга:

– А какую роль в этой пьесе вы отвели мне?

– Я хочу, чтобы Мириам постерегла Вомерсли и горничную. А вы и ваш агент поможете нам прорваться к кораблям.

– А потом?

– Вернетесь сюда, если сможете. Я думаю, что сможете. Если два корабля внезапно взлетят, поднимется такая кутерьма, что только слепой отсюда не выберется. Потом вы отправитесь в городок, позвоните Грегори, расскажете, что знаете, и вручите ему заботу о своей драгоценной жизни. Если хотя бы один из кораблей достигнет Марса, генерал так отмоет вас, что родная мать не узнает. Будете оглядываться и смотреть – не выросли ли крылышки.

– Если одно, если другое, если третье... – скептически проговорил Хансен. – А что, если вы вообще не взлетите?

– Тогда мы все сядем в лужу, и лужа эта будет чертовски горячей. – Армстронг хрипло рассмеялся. – Кстати, мы и так уже по уши в ней сидим. В чем же дело? Это наш единственный выход.

– Ладно, убедили. – Хансен направился к самолету, дал инструкции Мириам и вернулся обратно со своим агентом.

Не тратя лишних слов, четыре человека двинулись в сторону огней на юге. Холодный ветер швырял в лицо песок, в небе уже не осталось ни отблеска окончательно погребенного за горизонтом солнца, но бриллиантовый свет звезд и нездоровое желтоватое сияние луны услужливо освещали им дорогу. Четверо шли молча, погруженные в собственные

мысли, которые становились все мрачнее по мере приближения к космодрому.

Стартовые колонны и прилегающую довольно обширную территорию окружал десятифутовый забор из колючей проволоки. Снаружи стояли вооруженные часовые. Вдоль одной из сторон гигантского прямоугольника располагались административные и производственные корпуса, увенчанные флагштоками, но в слепящем свете дуговых ламп нельзя было разглядеть, что там за флаги. Примерно в полумиле от них высились громадные цилиндры, окруженные со всех сторон фермами обслуживания, – космические корабли, обреченные на гибель при подлете к Марсу. К закрытым люкам ракет, расположенным на огромной высоте, можно было добраться только с помощью лифта.

В проволочном ограждении, которое могло оказаться под напряжением, имелись несколько калиток – для железнодорожной ветки, для машин и специальные проходы для персонала. Каждые двадцать минут один из часовых проходил через такую калитку, нажимал кнопку в караулке и снова возобновлял обход.

Лежа во мраке на голой земле, четверо человек больше часа изучали обстановку. Двое часовых начинали обход каждый со своего угла, быстро сходились к середине стороны, обменивались паролем, разворачивались и, пройдя обратно, нажимали кнопки и начинали все снова. Каждый охранник через равные промежутки времени встречался с двумя дру-

гими, на углу и в середине, и это означало, что исчезновение одного из них почти сразу обнаружат остальные.

– Их всего восемь, если не считать тех, кто на железнодорожных воротах, – прошептал Армстронг. – Со всеми нам не управиться. Но можно вырубить двоих на углу, как только они нажмут свои кнопки. Остальные всполошатся только минут через шесть-семь, когда увидят, что на середине их никто не встречает, и еще минуты три-четыре им потребуется, чтобы добежать до угловой калитки и поднять тревогу. Таким образом, у нас будет примерно десять минут, чтобы добраться до кораблей и забраться в пилотское кресло. С ближайшим кораблем проблем нет, он почти рядом. Но до дальнего полмили, которые надо пробежать со спринтерской скоростью. Я думаю, что сумею это повернуть, если, конечно, меня не остановят на полном ходу.

– А кто сказал, что именно ты берешь дальний корабль? – прошептал Куин.

– Это сказали мои ноги, малыш. Они вдвое длиннее твоих.

Куин недовольно умолк.

– Давайте подползем ближе, пока часовые у середины, – проговорил Армстронг. Он схватил Хансена за руку. – Смотрите, чтобы эти ребята не пикнули после того, как мы их уложим. Вот когда остальные начнут горланить, тогда берите ноги в руки. И не задерживайтесь, шпарьте так, словно приз – миллион долларов!

Как призраки они прокрались к углу, проскользнули ярдов двадцать вдоль забора и залегли среди валунов. Часовые появились точно по графику. Армстронг следил, как они отпирают двумя ключами калитку, входят внутрь и нажимают кнопки. Несмотря на пронизывающий ветер, Армстронг чувствовал, что ему чертовски жарко.

Эти двадцать ярдов показались ему пятьюдесятью, а звук шагов по твердой скале – раскатами грома. Кто-то громко сопел у него за спиной, еще двое пыхтели слева. Часовые, как ни странно, словно оглохли. Он оказался на расстоянии прыжка от ближайшего, прежде чем человек успел насторожиться, обернуться и взглянуться в темноту.

Армстронг ударил часового, послав его в глубокий нокаут. На второго одновременно набросились Хансен и Куин. Не теряя времени, Армстронг схватил оба ключа от калитки, отпер замки, сгрэб Куина в охапку и втощил внутрь.

– Быстрее, Джордж! Бери ближний! Прижав к бокам похожие на поршни руки, Армстронг устремился вдоль освещенной фонарями дороги. Когда он миновал первый корабль, Куин отставал от него на пять футов. Вскочив в лифт, Куин рванул рычаг вверх – кабина дернулась и поползла. Поднимаясь, пилот успел несколько раз произнести горячую молитву:

– Только бы люк оказался не заперт! Господи, сделай так, чтобы он был открыт! Ну что тебе стоит...

С семидесятифутовой высоты он огляделся вокруг. Тре-

вогу еще не подняли, и Армстронг, стараясь держаться в тени, мчался вперед. Из большого здания в стороне доносились музыка и смех – эдакая загородная вечеринка...

Когда Армстронг подбежал к кораблю, мимо проходили два техника. Разинув рты и хлопая глазами, они уставились на него, и один из них оказался настолько глуп, что попытался преградить незнакомцу дорогу.

– Эй, вы! Что за спешка? Что вы...

От сильнейшего удара человека подбросило в воздух, и он упал на землю, уже потеряв сознание. Второго Армстронг уложил рядом.

Он успел одолеть половину пути до люка, когда грянула тревога. Хор гневных криков и несколько выстрелов разорвали тишину за забором. Шипя, взлетели несколько сигнальных ракет, завывла сирена, на сторожевых вышках вспыхнули прожектора. Один луч, мотнувшись по территории, на мгновение мазанул по поднимавшейся кабине лифта. Все обошлось, Армстронга никто не заметил, хотя очнувшись техники, отчаянно махая руками, уже звали на помощь. В поднявшемся гвалте голоса их были почти не слышны.

Наконец лифт остановился, и Армстронг свирепо толкнул закрытый люк. Тот распахнулся.

Армстронг прополз через узкий цилиндр шлюза, ошупью нашел пилотское кресло, пристегнулся, и сразу в кабине вспыхнуло освещение. Он приладил наушники и нашел, где включается связь.

– Ты здесь, Джордж? – спросил он в ларингофон. – Здесь. – Нас могут слышать?

– Вряд ли. Тут есть кнопка с надписью «Земля». Это их канал. А мы говорим по нашему. – Куин немного помолчал, а затем добавил: – Ты сам черт! Я уж думал, ничего не выйдет!

– Все в порядке, Джордж. Я готов. Начинай учебу.

– Самое главное теперь – спокойствие. Мы можем сидеть тут хоть месяц и поджаривать им пятки, если они подойдут слишком близко...

– Джордж, я не имею ничего против этих людей и никому не хочу поджаривать пятки. Давай начинай свою лекцию и выпускай меня на старт.

– О'кей. – Голос Куина в наушниках казался чужим. – Справа от тебя рычаг КПТ – контроль подачи топлива. Сдвинь его на одно деление. Одновременно нажми красную кнопку прямо перед собой. Двигатели начнут работать с минимальной тягой, на прогрев им нужно не меньше двух минут. Следи за указателем температуры дюэ...

Армстронг флегматично исполнил указания и почувствовал, как задрожало кресло. Он представил, что сейчас творится на полигоне, как повсюду носятся истошно вопящие люди, как направо и налево сыплются бестолковые команды, – но видеть и слышать это он не мог.

В наушниках продолжал звучать голос Куина. Повинуясь, Армстронг увеличил тягу, и его внезапно прошиб пот, когда Куин воскликнул:

– А теперь – пошел! Только, Бога ради, держи на нуле индикатор крена...

Армстронг передвинул рычаг через деление «пуск». Корабль издал рев, словно чудовищный зверь, и будто нехотя оторвался от земли. Завеса от огненного выхлопа стала непроницаемой, скрыв в иллюминаторе землю. Рев нарастал, одновременно становясь все тоньше. Корабль, казалось, продирался сквозь густую, вязкую массу. Куин сыпал скороговоркой: – Плюнь на иллюминатор? Плюнь на небо и на землю тоже! Гляди только на приборы! Корректируй боковой снос, не позволяй ему отклоняться от перпендикуляра... Следи за креном, черт побери!

Корабль внезапно перестал дрожать и рванулся вверх, уходя в небо как реактивный лифт. Голос Куина в наушниках становился все слабее на фоне помех.

– ...полную тягу... держи... следи... индикатором крена... Ты меня слышишь, Джон?

– Еле-еле.

– Нормально. Теперь моя очередь.

Голос Куина исчез. Армстронг, вдавленный перегрузкой в кресло, чувствовал, как шумит двигатель и сотрясается корабль. Внимание его было приковано к приборам.

Внезапно ракета отклонилась от курса. Ненамного, всего на два градуса. Армстронг быстро включил рулевые дюзы и убрал крен. Но через некоторое время корабль снова отклонился – уже на три с половиной градуса. Армстронг выпра-

вил курс, но ненадолго. Ракета уходила вбок все чаще, и угол крена увеличивался. Час спустя в эфире появился Куин.

– Эй, Джон, где ты тут? Ты меня дождался или улетел сам? Джон, ты меня слышишь? Отвечай, Джон!

Молчание. Секунды ползли, складываясь в минуты.

– Джон, ты меня слышишь? Ты летишь, Джон? Я не слышу тебя!! В чем дело? Давай на этот раз без твоих дурацких шуток! Если ты слышишь, ответь! Джон!!

И опять никакого ответа. Единственными звуками, которые мог слышать Куин, были его собственный голос и грохот двигателей его собственного корабля.

– О небо! – воскликнул он наконец и выключил связь.

Положив телефонную трубку, генерал Грегори принялся расхаживать взад-вперед по ковру. Клэр Мэндл, напряженно сидевшая в глубоком кресле, не отрывала от него широко раскрытых раскосых глаз.

– Это звонил Хансен. Сумею ли я отвести обвинения от него и от всех остальных, замешанных в этом деле, всецело зависит от того, что произойдет дальше. Гвоздь проблемы – сенатор Вомерсли, вернее, он и те, кого он представляет в этой стране и за ее границами. Если сенатор решит еще больше накалить обстановку, он может весьма преуспеть в этом. Он и его люди способны создать проблем больше, чем я могу разрешить, несмотря на поддержку Президента и независимых членов кабинета. Норман-банда практически вездесуща, а наша юрисдикция ограничена пределами страны. Это чертовски усложняет дело! – Генерал яростно покрутил усы. – Но если безумная авантюра Армстронга выгорит, то тогда мы накроем всю шайку. Вряд ли они успеют поспрятаться. Армстронг, Хансен, Куин и остальные будут тотчас же реабилитированы, этого потребует мировое общественное мнение. – Он взглянул на Клэр и успокаивающе улыбнулся. – Неважно, что гласят законы. Народных героев не судят. А если судят, то не приговаривают!

– Что сказал Хансен? – спросила она.

– Он со своей секретаршей и с одним из агентов в Йеллоунайфе. Под арестом. Вомерсли бьет во все колокола, изрыгает пламя и цитаты из уголовного кодекса, причем обвиняет всех подряд. Ему чертовски не понравится, если он узнает, что я вызволил Хансена из-под ареста и доставил на самолете в Вашингтон.

– Что он сказал о космических кораблях? – настаивала Клэр.

– Они улетели.

– И все?!

– Разве этого мало, леди?

Клэр медленно кивнула.

– Но можно ли выяснить, что с ними случилось? Летят ли они сейчас? Или... Ведь вы понимаете, что я хочу сказать? Они стартовали с Земли три недели назад...

– Я сообщу вам сразу, как только узнаю что-нибудь конкретно, – пообещал генерал.

– Но вы же, наверное, что-то знаете и сейчас... Они должны были пролететь уже больше трети пути... Если только...

– Она умолкла.

– Если только им повезет, – закончил Грегори за нее. – В передачах новостей ничего не будет об этом; уверяю вас. Строительство кораблей велось в тайне, и, если... им не повезет, гибель их тоже останется в тайне. Но если им повезет, и хотя бы один из кораблей сядет на Марс, обещаю, вы узнаете об этом сразу после меня.

– Обсерватории следят за их полетом?

– Следят, но всю информацию они будут держать в тайне.

Я уже говорил вам почему.

– Может, лучше все-таки сообщить общественности о кораблях? – Клэр явно была недовольна. – Может, так честнее?

– Боюсь, в данных обстоятельствах это даст колоссальный и очень нежелательный эффект. Представьте, что нашим друзьям не повезет... и корабли не долетят до Марса. Некоторые из наших скорых на руку ура-патриотов сразу же обвинят в этой неудаче иностранцев. Те в долгу не останутся и заявят, что, раз мы строили ракеты тайно, значит, у нас был некий вероломный план. Это, в свою очередь, может спровоцировать массовый протест против продолжения строительства корабля номер восемнадцать в Нью-Мехико. Наши недруги постараются извлечь максимум пропагандистской выгоды из наших неудач. Особенно сейчас, когда боги войны точат мечи и в мире нарастает военный психоз, потому что невидимые силы искусно манипулируют массовым сознанием. – Грегори снова заходил по ковру. – Мир сейчас – это пороховая бочка, вокруг которой прыгают сумасшедшие с факелами. Понадобятся невероятные усилия, чтобы не дать бочке взорваться. Необходимо переключить массовое сознание с навязчивой идеи самоуничтожения на что-нибудь более конструктивное. Это может сделать рев ракетных двигателей у поверхности Марса. Тут Армстронг был прав, хотя мне иногда кажется, что он так же безумен, как и все. – Ге-

нерал остановился и посмотрел ей в глаза. – Не знаю, безумие ли это, одержимость или вдохновение, но оно не лишено логики. Он пытается столкнуть безумие с безумием. Как огонь с огнем.

– Это один из аргументов Горовица. Кто должен-определять – что есть безумие? – заметила Клэр. – Цель должна оправдывать средства или средства – цель?

– Горовиц! – Грегори презрительно усмехнулся. – Мы уже знаем, что он родился в Линце. А Линц – не Марс. – Его усы встопорчились. – Он весьма искусно подделывался под Гитлера, претендуя на роль очередного германского мессии.

Клэр взглянула на часы:

– Время дневных новостей. Можно послушать?

Генерал пожал плечами, нажал кнопку, и экран ожил. Они немного опоздали, потому что ведущий, захлебываясь, уже зачитывал какое-то сообщение:

– ...из Консепсиона о появлении в небе гигантской ракеты, которая приводнилась в точке с координатами 37 градусов 50 минут южной широты и 80 градусов восточной долготы, примерно в трехстах милях южнее острова Хуан Фернандес, более известного как остров Робинзона Крузо. С борта танкера «Саузерн Трэйдер» сообщают, что летающий объект, чуть было не ударившись о поверхность воды, затем снова набрал высоту и с невероятной скоростью скрылся с глаз в юго-восточном направлении. – Диктор переложил листы с текстом и продолжил: – Отголоски утренней встречи ли-

деров новой панъевропейской Лиги проявились, когда Пьер Дьедонн, французский...

Клар Мэндл вскочила с кресла. С каменным лицом Григори выключил телевизор и взялся за правительственный телефон. Он был занят довольно долго, беседа с пятью людьми одновременно. Наконец он повернулся к Клэр:

– Сообщение с «Саузерн Трэйдер» пришло двадцать минут назад. Его не следовало давать в эфир. Кто-то из наших людей недоработал. Как бы то ни было, мы знаем, что чилийское правительство расследует этот инцидент. Один из наших авианосцев, «Джефферсон», сейчас находится в Вальпараисо. Ему отдан приказ обследовать зону.

– Так вы думаете... Генерал кивнул с серьезным лицом:

– Скорее всего, это один из них.

– Кто? – спросила она.

– О, если бы знать – кто!

Она смотрела на генерала умоляющим взглядом.

– И если бы узнать о другом...

– Всему свое время. – Он отечески обнял ее за плечи. –

Надо немного потерпеть, и солнце обязательно взойдет!

– Мы можем что-нибудь сделать?

– Не больше того, что уже делаем. – Генерал повел ее к двери. – Идите, мисс Мэндл, пройдитесь по магазинам, купите себе что-нибудь для души. На двадцать четыре часа забудьте обо всем. Не стоит беспокоиться понапрасну. Как только будут новости, я вам позвоню.

Покинув дом Грегори, Клэр некоторое время бесцельно блуждала неподалеку. Глаза ее смотрели на витрины магазинов, но не видели ничего.

Неужели он погиб? Который корабль сел? Девятнадцатый или двадцатый? Кто его пилотировал? Где второй корабль и кто в нем?

Неизвестность была мучительной. Клэр вернулась в отель и всю середину дня провела в тщетном ожидании новостей. И вечер. И половину ночи. В утреннем выпуске новостей никакой информации не было. Бунт в Афганистане, резня в Индии, столкновения на турецко-сирийской границе, таинственный взрыв в морском порту Ферол в Испании. И ничего о ракетах.

Отсутствие новостей – это хорошая новость или плохая? И что такое новость вообще?

Звонок Грегори прервал ее завтрак. На часах было ровно девять.

– В аэропорту ждет самолет, – сообщил генерал. – Он доставит вас в Нью-Орлеан. На борту вы встретите кое-кого из старых друзей. Хватайте такси и мчитесь туда как можно быстрее.

– Но, генерал... Зачем?

Грегори, не ответив, отключился, и экран погас. Клэр несколько озадаченно посмотрела на телефон, потом лихорадочно начала собираться. Схватив лишь шляпку и сумочку, она выскочила из отеля и поехала в аэропорт.

В самолете сидели трое – Хансен, Мириам и Билл Нортон. Последний помог ей подняться по трапу, и реактивная машина тут же тронулась с места.

– Вполне почетный комитет для торжественной встречи, – ухмыльнулся Хансен.

– Я ничегошеньки не знаю, – сказала Клэр. – Что случилось?

– Нас доставили сюда из Йеллоунайфа под конвоем поздно вечером. Потом с нами долго беседовали Грегори и ФБР, а после сразу запихали в этот аэроплан. Грегори посчитал, что самолет, который находится в воздухе, – самое для нас сейчас безопасное место. Поэтому мы и летим.

– Куда?

– Встречать Армстронга, – произнес Нортон с жизнерадостным видом. – Разве Грегори вам не сказал?

– Значит, он в безопасности? Он не ранен?

– Ну, его немножко поцарапало, но больше пострадало его самолюбие, – сказал Нортон бесцеремонно. – Красивые женщины найдут его еще более отталкивающим, чем обычно. Короче, с ним все в порядке.

– Слава Богу! – выдохнула Клэр.

– Да нет, не такой уж Джон скверный питекантроп. – Приподняв бровь, Нортон оценивающе посмотрел на Клэр. – Хотя большой, сильный и глупый. – Он выпятил грудь. – Грегори разрешил ему встретиться только с одним репортером, и Армстронг назвал меня. Вот что значит дружба. Он не за-

бывает старых друзей.

– Надеюсь, – прошептала Клэр. – Я тоже. – Нортон снова посмотрел на нее оценивающим взглядом. – Вы умеете готовить?

– Готовить? Что готовить?

– Мясо, фаршированное грибами, ну и все такое... – Он облизнулся.

– Конечно.

– Это просто замечательно! В самом деле замечательно. – Нортон погладил себя по животу. – Как говорится, не вижу повода не выразить свое одобрение...

Хансен и Мириам обменялись многозначительными взглядами.

– Это очень благородно с вашей стороны, мистер репортер, но вы, кажется, должны интервьюировать Армстронга, а не мисс Мэндл? – ехидно спросила Мириам.

– А я не интервьюирую, – обиженно проворчал Нортон.

– Но что случилось с Джоном? – вмешалась Клэр. – Почему мы летим в Нью-Орлеан?

– Потому что и его доставят туда, – объяснил Нортон. – Я понял так, что он пролетел через половину Тихого океана и врезался прямоком в Чили, расквасив нос себе и ракете. Его обнаружили с одного из авианосцев. Мы должны успеть в Нью-Орлеан за час до него и встретить друга со всеми почестями.

– Ясно. – Клэр смотрела в иллюминатор, но мысли ее были

далеко от земли.

– Это можно считать провалом, – сказал Хансен. – Хотя неизвестно, что случилось с Куином. Он мог упасть где-нибудь в стороне от морских путей...

– А что сделал Куин? – осведомился Нортон. Взгляд его был острый и любопытный. – Мне казалось, что его разыскивают фараоны, и поэтому он скрывается изо всех сил. Где же он сейчас?

– А вы не знаете?

– Если б знал, то не спрашивал.

– Тогда я вам расскажу, – непринужденно сказал Хансен.

Откинув кресло, Нортон сердито уставился на него и потребовал:

– Выкладывайте! Что там такое с Куином?

– А стоит ли? – по-прежнему язвительно заметила Мириам.

Нортон яростно замахал на нее руками, заспорил, но в этот момент самолет коснулся земли.

Самолет из Чили прибыл через полтора часа, и первым по трапу, прихрамывая, спустился Армстронг. Левая рука его была на перевязи, лицо покрывали полоски пластыря, на голове белел бинт, из-под которого пучками торчали волосы. Увидев встречающих, он мрачно и криво усмехнулся, отчего пластыри на лице перекосились.

– Все, что от меня осталось, – проговорил он хрипло и взял изящную руку Клэр в свою огромную лапищу. – Не ожи-

дал вас здесь увидеть, птичка. Кто это организовал? Грегори?

Молча глядя на него, Клэр кивнула. Армстронг шумно втянул носом воздух.

– Однако, скажу я вам, неплохо снова очутиться в этом дурдоме. Давайте пойдем куда-нибудь, где можно поесть и поговорить.

Очутившись за столиком в уютном ресторанчике, он начал рассказывать под взглядами Мириам и Клэр и чирканье нортоновской ручки в блокноте:

– Меня отпустили под честное слово, пока не станет известна судьба Куина. Я чертовски благодарен Грегори, потому что именно он подарил мне эти несколько часов свободы, но мы все должны молиться за Джорджа. От его успеха зависит не только моя судьба, но и всех нас.

– Вы сделали все, что в ваших силах, – сказала Клэр.

– И то верно. Главное, что я сделал, это помешал Джорджу выбрать не тот корабль. Мне достался маятник. Наверное, у него были плохо отцентрованы дюзы. Они продержались полчаса, а потом автоматика отстрелила стартовую ступень вместе с маршевым двигателем. При этом меня зашвырнуло в чертову даль, но по хитрой кривой вывело обратно к Земле. Это невероятное везение. Один шанс из миллиарда. Ведь я мог работать только маневровыми движками. Зато посадка была та еще! Я думал – все, конец, особенно когда чуть не утоп посередине Тихого океана...

– Тебя все равно когда-нибудь повесят, – уверил Нортон. – Продолжай.

– А все! – Армстронг отхлебнул кофе из чашки. – Конец одиссеи! И раз я умудрился вернуться, значит, я – самый везучий псих в этом сумасшедшем доме.

– Верно, дуракам всегда везет, – уверил Нортон. – А теперь выкладывай, что там с Куином? Где он?

– Да, Джордж, – прошептал Армстронг. – Теперь, когда я так бесславно шмякнулся в море, он – наша единственная надежда. Если он потерпит фиаско, нашему миру крышка. Но если ему повезет, мы сумеем доказать, что весь этот марсианский капкан – просто очередной бред очередных нацистов.

– То есть? – переспросил Нортон. – Я не понял. Что это докажет?

– Видишь ли, сынок, эти норманы утверждают, что банды марсиан регулярно наведываются на Землю и регулярно же наводят здесь порядок. Это значит, что они непременно зашьют рот проволокой любому, кто совершит посадку на их исконную территорию. Но если кто-то, оказавшись на Марсе, пришлет оттуда весточку – значит, там нет никаких марсиан! Более убедительное доказательство трудно себе представить! – Взгляд его упал на большие настенные часы. – Сейчас половина пятого. По моим расчетам, мы должны услышать его совсем скоро – если он сел. Если же он взорвался или его взяли в оборот, тогда, конечно, мы его не услышим... Но

хотел бы я знать... – Пальцы Армстронга забарабанили по столу.

– Может быть, он еще в пути, – сказала Клэр.

– Может быть, но если ему суждено достигнуть цели, то это должно произойти сейчас. Иначе он не достигнет ее никогда.

– Не достигнет – чего?! – возопил Нортон, совершенно выйдя из себя. – Ты хочешь сказать, что этот недомерок Куин там, наверху? Где он раздобыл свою телегу?! Сколько еще кораблей там болтается? Если ты летал на восемнадцатом и превратил его в металлолом, то как, черт побери, Куин...

Его прервал большой настенный телеэкран. На нем возник оркестр, флаги...

«Что это? – подумал Армстронг. – Парад перед началом войны? Или...»

В руке комментатора, необычно растрепанного и взволнованного, появился листок бумаги. Рука заметно дрожала, и Армстронг приготовился к худшему.

– Сообщение чрезвычайной важности!! – провозгласил комментатор. – Двадцать семь минут назад впервые в истории человечества Земля получила послание с другой планеты Солнечной системы! Впервые в истории человек ступил на поверхность Марса! Этот человек – американский гражданин Джордж Винсент Куин, пилот космического корабля, стартовавшего месяц назад с секретного космодрома...

Клэр почувствовала, как ее ладонь сжали могучие пальцы

Армстронга.

– Корабль Куина не имеет запаса топлива на обратный путь, но эксперты утверждают, что задача возвращения космонавта вполне разрешима. Для этого будет послан автоматический грузовой корабль, который совершит мягкую посадку на Марс, управляемый по радио самим Куином, и с которого пилот сможет взять необходимый запас горючего. По распоряжению Президента корабль, строящийся в Нью-Мехико, переоборудуется специально для этой цели. Работа будет вестись в авральном режиме, и ожидается, что P18 достигнет Марса через семь недель. Между тем собственных запасов пищи, воды и воздуха Куину должно хватить еще на два с половиной месяца. – Бросив взгляд в свои листки, комментатор с воодушевлением продолжил: – Любительские радиостанции, первыми получившие сигналы Куина, распространили эту эпохальную новость по всему миру. В адрес Президента США уже начали поступать поздравления от глав и правительств других государств, от множества частных лиц. От Советского Союза, Европейского Сообщества и Китая поступили также предложения использовать находящиеся в разной степени готовности космические корабли для отправки их на Марс и спасения Джорджа Куина. Комментируя эти предложения, журналист Генри Колтхард в своем обзоре говорит: "Вчера ракетами собирались воевать, сегодня их предлагают в дар, по велению сердца и души. Эти несколько мгновений необратимо изменили мир! Научное

значение полета Куина меркнет по сравнению с его политической и психологической значимостью для судеб всех людей на Земле...

– Молодец! Какой молодец! – почти благоговейно прошептал Армстронг. – Он все-таки сумел! И правильно, что это сделал он, а не я, ведь я всего лишь жалкий дилетант!

– Дальнейшая информация будет передаваться по мере поступления. – Комментатор выдержал драматическую паузу. – Но прежде чем перейти к следующему сообщению, мы передаем голос Джорджа Куина. Слушайте! Говорит Марс!

Экран померк, мигнул, и на нем появилось небритое лицо Джорджа.

– Вот я и здесь... – проговорил он сквозь треск космических помех. Долгая пауза, шумы, рябь на экране, затем Джордж заговорил снова: – Рад, что он в безопасности... Передайте ему, что чем выше забираешься, тем больше падать...

Голос потонул в треске, и на экране снова возник комментатор.

– Последние слова Куина были адресованы Джону Дж. Армстронгу, пилоту космического корабля номер двадцать, запущенного одновременно с девятнадцатым и совершившего вынужденную посадку у берегов Южной Америки. Армстронг, совсем недавно объявленный опасным преступником, как выяснилось, был привлечен генералом Грегори к выполнению конфиденциального задания. Предста-

витель ФБР заявил, что сейчас все обвинения против него сняты. – Он отложил в сторону очередной листок. – Полиция и части Национальной гвардии арестовали членов международной террористической организации, известной под названием «Норман-клуб», которая препятствовала прогрессу в освоении космического пространства. Факты, представленные...

– Конец! – сказал Армстронг, не слушая дальше. – Их переловят, не всех, конечно, но уцелевшие никогда уже не обретут прежней силы. Надеюсь, и остатки банды рыжего тоже. Не знаю уж, почему эта компания отделилась от основной шайки, – может быть, им просто не понравился Горовиц, а может, он перестарался со своим психотроном, убедив их, что они и в самом деле безумные марсиане... Наш очкастый ученый враг повторил путь, которым до него прошли многие. Гитлер в том числе. Недаром говорят, что история повторяется: поначалу трагедия, потом фарс...

– Вот именно, – сказал Хансен и ткнул пальцем в экран, с которого продолжал вещать комментатор:

– Вы только попробуйте «Виталакс»! «Виталакс»! «Виталакс»!..

– Моего терпения на это не хватит, – сказал Хансен.

– И моего тоже, – поддакнула Мириам, мечтательно глядя на своего шефа. – С тех пор как я стала у вас работать, характер у меня стал просто как у ведьмы.

Усмехнувшись не заклеенной пластырем половиной лица,

Армстронг спросил Клэр:

– Вы танцуете?

– Но ваша нога?..

– Как сказал человек с Марса, тем больше будет падать...

Если, конечно, есть куда забираться? – Он смерил ее открытым взглядом. Клэр слегка порозовела.

– Моя сенсация! – простонал Нортон, глядя на них. – Коту под хвост! И все из-за тебя!

Перегнувшись через стол, Армстронг прошептал ему прямо в ухо:

– Квадратные, говоришь, корни?

– Ну и ладно, можешь ее забирать. – Нортон отвернулся с притворным равнодушием. – Я себе другую найду. Она будет еще лучше готовить и вообще... – Взгляд его остановился на Мириам. – Вы танцуете, прекрасная незнакомка?

Обняв одной рукой Хансена, Мириам поджала губы и посмотрела на него с неодобрением.

– Знаете, – сказала она наконец, – я иногда читаю газеты и удивляюсь...

– Удивляетесь? Чему? – спросил Нортон. – Откуда вы знаете, что вы нормальны?